СЕМЕЙСТВО

МАТЬ

СОЧИНЕНІЕ

Е. ПЕЛЛЕТАНА.

Переводъ подъ редакціей

Н. Баллина

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1866

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 сентября 1866 г.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
845
24.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП. (Н. НЕКЛЮДОВА).
Вас. Остр., 8 лин., № 25.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе, предлагаемое нами публикѣ въ переводѣ, имѣетъ несомнѣнныя достоинства; но многія мысли почтеннаго автора ошибочны и несправедливы. Тѣмъ неменѣе мы считаемъ книгу его полезной для нашей публики, которую не могутъ не интересовать вопросы о положеніи женщинъ и о томъ, что́ такое семейство. Она изъ нея узнаетъ многое, чего не знала, и г. Пеллетанъ заставитъ ее подумать о многомъ такомъ, о чемъ она сихъ поръ не думала.

Переводъ печатается безъ нашихъ примѣчаній; сдѣланы только незначительныя сокращенія, необходимыя при изданіи русскаго перевода сочиненія горячаго публициста-француза. Примѣчаній, повторяемъ, не дѣлается не потому, что не слѣдуетъ спорить съ авторомъ, а потому, что изданіе наше имѣетъ только цѣлью познакомить съ книгой возможно большее число лицъ.

Сдѣланную оговорку мы считаемъ необходимой, потому что у насъ принято, что переводчикъ и издатель

перевода отвѣчаютъ за мысли автора даже морально. Мы же полагаемъ, что распространеніе честныхъ мыслей, хотя бы и не непреложныхъ, всегда полезно: во-первыхъ потому, что распространять одни непреложныя истины значитъ заниматься распространеніемъ общихъ мѣстъ, а вовторыхъ потому, что мысль родитъ мысль и мысль незрѣлая и ошибочная можетъ родить мысль полезную. Такъ-называемое святое недовольство есть предвкушеніе высшаго счастія, доступнаго человѣку — наслажденія, доставляемаго работой на пользу общую; смѣлыя гипотезы составляютъ драгоцѣннѣйшее достояніе науки.

ПРОЛОГЪ.

I.

Я знакомъ съ умной женщиной, которая никогда не ѣздитъ въ театръ, но зато много читаетъ и занимается хозяйствомъ.

Однажды модная барыня, разведенная съ мужемъ, сказала ей съ сожалѣніемъ: «что же вы дѣлаете моя милая? васъ всегда застаешь за книгой, какъ школьницу, которая твердитъ катехизисъ.»

— Что дѣлать, отвѣчала та, чтеніе—это кокетство ума, а я предпочитаю этотъ родъ кокетства всякому другому, по крайней мѣрѣ, оно не мѣшаетъ любить мужа и воспитывать дѣтей.

Нѣсколько времени тому назадъ, быть можетъ даже давно, я посѣтилъ ея скромное жилище въ улицѣ Монтень, въ четвертомъ этажѣ, которое она называетъ раемъ, право не знаю почему, развѣ только потому, что она устроила у себя птич-

никъ и цвѣтникъ и постоянно находилась въ обществѣ растеній и птицъ.

Она меблировала этотъ милый будуаръ со вкусомъ, свойственнымъ поэтической душѣ, которая невольно высказывается во всемъ ее окружающемъ. Моя знакомая преобразовала его въ маленькій музей съ древними статуэтками и гравюрами съ картинъ Рафаеля.

Противъ принятаго обыкновенія, она не украсила своего камина часами, потому что считала ихъ какимъ-то тираномъ жизни. Она говорила: мы подчиняемся часамъ во всемъ: — человѣкъ не голоденъ, но часы показываютъ обѣденное время и нужно садиться за столъ; утромъ хочется спать, а часы бьютъ, какъ бы приговаривая: пора, вставай, и дѣлать нечего, имъ повинуешься.

Когда я пришелъ, она сидѣла у камина; открытая книга лежала на ея рабочемъ столѣ. Только что она меня увидала и не давъ даже мнѣ поздороваться, обратилась ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Ну что же? вы осмѣливаетесь хвалить эту книгу?

— Я бы желалъ узнать, въ чемъ вы меня обвиняете?

Въ отвѣтъ на это, она подала мнѣ книгу, на оберткѣ которой было заглавіе: «Свобода».

— Я не хвалилъ ее, въ чемъ и раскаиваюсь, потому что имѣю объ ней мнѣніе лучшее чѣмъ то, которое я высказалъ.

— Даже о той главѣ, въ которой говорится о бракѣ?

— Объ этой главѣ въ особенности.

— Послѣ этого, сказала она съ досадой, вы такой же мущина, какъ и всѣ другіе.

— Что дѣлать! врожденная слабость. Но какую же видите вы ересь въ этой главѣ? Я знаю Жюля Симона, люблю его и уважаю; это мой любимый философъ; въ главѣ, которую вы осуждаете, онъ хотѣлъ только противодѣйствовать безумію.

— То есть?

— Свободѣ женщинъ.

— Позвольте же вамъ замѣтить, что есть разныя свободныя женщины, есть уличныя свободныя женщины, къ которымъ можетъ пристать всякій мущина; есть женщины свободныя въ семейной жизни; въ этомъ случаѣ свобода другая и я полагаю, что между этими обоими видами свободной женщины вы дѣлаете нѣкоторое различіе?

— Конечно. Но позвольте васъ спросить, что вы понимаете подъ словомъ свобода въ семейной жизни?

— Извините; мнѣ бы слѣдовало обратиться къ вамъ съ этимъ вопросомъ; но такъ какъ вы берете сторону автора, то потрудитесь сами отвѣчать на него. Жюль Симонъ ставитъ на первомъ планѣ слѣдующую мысль: «Человѣкъ былъ созданъ свободнымъ».

Все это прекрасно; но что понимаетъ онъ подъ словомъ человѣкъ? Понимаетъ ли онъ подъ этимъ мущину и женщину, или только ту половину человѣческаго рода, у которой растетъ борода?

— Я полагаю, что въ этомъ случаѣ слово человѣкъ обозначаетъ и мущинъ и женщинъ, пото-

му что женщина имѣетъ такое же нравственное призваніе, какъ и мущина, а слѣдовательно и свободу для выполненія своего назначенія.

— Вы сказали, «я полагаю»... это съ вашей стороны слишкомъ самонадѣянно; послушайте-ка лучше, что говоритъ вашъ другъ.

Она открыла книгу на страницѣ, заложенной закладкой, и прочитала:

— «Законъ ставитъ мужа у всѣхъ народовъ во главѣ семейства».

Но кто составлялъ законъ у всѣхъ народовъ, какъ не мущина? и потому я отвергаю доказательство, которое онъ приводитъ.

— «У семьи должна быть глава; а очевидно, что главой долженъ быть мущина».

— Очевидно, для васъ, мущины, но для меня, женщины, нужны еще доказательства.

А вотъ какія доказательства приводитъ авторъ:

«Потому что у мущины больше физической силы».

— «Не говорите мнѣ никогда про силу, не то я разсержусь и готова взяться за револьверъ, чтобы возстановить равновѣсіе.

«Потому что у мущины болѣе здраваго смысла».

— Да въ какомъ смыслѣ здраваго? Въ смыслѣ ли вѣрности, или справедливости? если въ послѣднемъ, то это неправда; у женщины здраваго смысла гораздо болѣе, потому что женщина добрѣе.

— «Потому что у него воля гораздо тверже»...

Плохое время выбрали вы, чтобы говорить о твердости, чего же вы добивались такъ настойчи-

во въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, вы, мущины, создавшіе и республику, и имперію, реставрацію и т. д.?

«Все заставляетъ женщину повиноваться».

— Можно бы было прикрасить эту фразу, а то она ужъ слишкомъ не любезна.

— «Ея частыя болѣзни».

— Но еслибы мужъ былъ чаще боленъ, чѣмъ жена, то обязанъ ли былъбы онъ ей повиновеніемъ?

«Ея беременность».

— Неблагодарные, что бы съ вами было безъ этаго?

— «Ея меньшая способность къ работѣ».

— Скажите-ка, къ какой это работѣ, вѣдь женщина справляетъ половину работы, да еще кромѣ того, должна рожать своихъ угнетателей.

— «Избытокъ ея воображенія».

— А взгляните на лавочницу, которая сидитъ за своимъ прилавкомъ.

— «Ея чрезмѣрная чувствительность».

— А! Злодѣй! онъ льститъ намъ, чтобы лучше поработить.

— «Которая не дозволяетъ разсудку управлять ея дѣйствіями».

— Я готова поклясться, что подъ этимъ комплиментомъ, скрывается дерзость.

— «Ея природа, которая влечетъ ее къ самопожертвованію».

— Вы слишкомъ великодушны, чтобы употреблять во зло добродѣтель.

— «Къ самопожертвованію».

— Но вы сами написали, что отъ свободы не должно отрекаться.

— «Къ повиновенію!»

— Вотъ оно, наконецъ, это великое слово! Итакъ авторъ говоритъ, что у женщины долженъ быть глава, даже болѣе — господинъ; вѣдь онъ употребляетъ это слово. Ну такъ слушайте же мой отвѣтъ на это: Я люблю моего мужа и, надѣюсь, онъ меня любитъ тоже; но еслибы случилось, что въ то время, когда я его браню за карточный долгъ, онъ бы осмѣлился сказать мнѣ: «Молчи, вѣдь я твой господинъ»; то несмотря на то, что я умѣю владѣть собой, я бы рѣшилась на этотъ разъ....

— На что?

— Это моя тайна; но я не иначе сняла бы съ него наказаніе, какъ послѣ раскаянія, соотвѣтствующаго проступку.

— И вы бы были такъ жестоки?

— Конечно; хотите, я скажу вамъ всю правду. Вы, мущины, вы можете себя называть властелинами женщинъ; вы можете обречь насъ на повиновеніе съ высоты того величія, на которое вы поставлены Философіею и законами, но женщина не боится васъ, она идетъ и противъ васъ, и противъ статей законовъ и моральныхъ трактатовъ, написанныхъ вами; у нея есть красота, она умѣетъ плакать и смѣяться, а съ этимъ вмѣстѣ владѣетъ домашнимъ скипетромъ. «На колѣна, господа!» такъ приказываетъ королева.

Она помолчала нѣсколько минутъ и казалось о чемъ-то размышляла.

— Извините, сказала она, теперь время урока; я должна васъ оставить, чтобы заняться съ моимъ сыномъ. Оставимъ до завтра нашъ споръ.

Вы не можете отказаться отъ этого свиданія. Мы будемъ сражаться какъ видите серьёзно.

II.

На другой день я былъ у нея въ назначенный часъ. Когда я вошелъ, она тотчасъ возобновила прерванный разговоръ.

— Скажите, начала она, положа руку на сердце: умѣстно ли ученіе о пассивномъ повиновеніи въ книгѣ, озаглавленной «Свобода». Посмотрите, какая непослѣдовательность: чтобы подчинить женщину всемогуществу мущины, авторъ отнимаетъ у нея волю, умъ, здоровье, способность къ труду и проч. Дѣйствительно, пока мужъ живъ, жена не должна пользоваться этими благами; но, лишь только умираетъ мужъ, жена, божіею милостію, пріобрѣтаетъ и волю, и умъ, и здоровье, и способность къ труду, и всѣ эти качества вѣроятно пріобрѣтаются ею въ одинаковой степени, какъ и мущиною, потому что она дѣлается въ свою очередь главою семьи. Какъ же это женщина, лишившись мужа, пріобрѣтаетъ новыя способности, и отчего вдовѣ дается вся власть, тогда какъ женѣ не дается власти ни въ чемъ? Вы сейчасъ говорили, что женщина не способна принимать никакого участія въ семейныхъ инте-

ресахъ и послѣ того предоставляете вдовѣ неограниченное распоряженіе семействомъ? Римскіе законы были логичнѣе: они дѣлали женщину несовершеннолѣтнею во время жизни мужа, а послѣ его смерти подчиняли ее сыну. Да, впрочемъ, чтоже я говорю? Вѣдь вы знаете это лучше меня.

— На этотъ разъ я съ вами совершенно согласенъ.

— И потому сдаетесь?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Такъ потрудитесь же объяснить мнѣ противорѣчіе.

— Еслибъ авторъ, составляя главу о бракѣ, имѣлъ дѣло съ такою женщиною, какъ вы, то безъ сомнѣнія онъ былъ бы не правъ. Но Жюль Симонъ хотѣлъ только противодѣйствовать современному либеральничанью, поборники котораго считаютъ оба пола одинаково способными предписывать законы, судить, сражаться и мало ли еще что; которые стремятся образовать изъ общества—казармы, изъ народа—полки наполовину изъ маркитантокъ, наполовину изъ солдатъ, стремятся кормить всѣхъ изъ одной миски, укладывать всѣхъ спать въ одной комнатѣ и удовольствіе перемѣшивать съ работою. Фантазеры эти желаютъ, чтобы солдаты кормили общихъ дѣтей съ рожка, а женщина училась бы маршировать. Противъ этого-то фантазерства, создающаго новую Платонову республику, въ которой у ребенка отцами были бы всѣ, а фамиліей служилъ бы нумеръ, протестуетъ Жюль Симонъ — за домашнюю дисциплину. Но въ этомъ случаѣ онъ поступилъ какъ тотъ бранденбургскій маркграфъ, который не могъ ви-

дѣть женщины на улицѣ безъ того, чтобы не пойти къ ней на встрѣчу съ поднятой палкой и не сказать ей: «ступай домой, негодница! женщина должна сидѣть дома».

— Слава Богу: вы примиряете меня нѣсколько съ авторомъ книги о свободѣ. Я его дурно поняла и отступаюсь отъ прежняго своего мнѣнія. Но еще не всѣ мои сомнѣнія разрѣшены и потому позвольте продолжать допросъ. Полагаете ли вы, что женщина обладаетъ умомъ?

— Да.

— Какъ мущина?

— Да, какъ мущина.

— Настолько же, насколько и мущина?

— Я не считаю себя настолько умнымъ, чтобъ отвѣчать вамъ положительно.

— Вы не откровенны.

— Еслибъ я сказалъ да, вы бы могли меня обвинить въ лести, а еслибы — нѣтъ, то въ глупой надменности.

— Полагаете ли вы, что у женщины есть разумъ?

— Минутами даже чрезвычайный.

— А воля?

— Я зналъ одну англичанку...

— Хорошо... Я васъ избавляю отъ разсказа о ней. А память?

— Я полагаюсь на вашу, чтобы предать забвенію нашу размолвку.

— А воображеніе?

— Достаточно быть знакому съ вами.

— Однимъ словомъ женщина имѣетъ душу совершенную?

— Да, конечно; но только съ бо́льшимъ или меньшимъ развитіемъ той или другой способности.

— И это-то неодинаковое развитіе способностей и составляетъ, по вашему, причину разницы въ правахъ мужа и жены?

— Я несогласенъ съ этимъ.

— Почему же вы съ вашимъ другомъ обрекаете насъ на повиновеніе? Если у женщины есть душа, она возмутится потому, что она должна повиноваться только самой себѣ по убѣжденію, а никакъ не по необходимости. Вынужденное повиновеніе есть разладъ между принуждающимъ и принужденнымъ, хотя и подавленный, но постоянно раздражающій. Вамъ приходится согласиться съ фашъ-контéскимъ любезнымъ мужикомъ, который говоритъ, что женщина можетъ быть только куртизанкой или хозяйкой, а для того, чтобы стряпать кушанье и стирать бѣлье, развѣ нужна душа? Наконецъ вамъ придется согласиться съ тѣмъ остроумцемъ, который безпрестанно повторялъ, что женщина не болѣе какъ хорошенькая коноплянка, способная только на то, чтобы воспитывать дѣтей, и не нуждающаяся въ душѣ. Ей довольно клѣтки; но берегитесь оставить дверцы этой клѣтки растворенными!.. Что вы такъ пристально смотрите на эту гравюру? Развѣ для васъ мадона Рафаеля такая новинка? Я думаю, что вы такъ часто видѣли ее, что не въ состояніи приходить отъ нея въ восторгъ. Лучше выслушайте меня и отвѣчайте на мой вопросъ.

— Эта гравюра отвѣчаетъ на него заранѣе.

— Я не понимаю этого отвѣта.

— Взгляните на нее, что вы въ ней видите?

— Тоже самое, что и вы. Мадонну съ младенцемъ Спасителемъ.

— Такъ; но это мать, наклоненная надъ сыномъ и какъ будто вся сосредоточенная въ немъ. Она обнимаетъ его со всей нѣжностью, какъ-бы для того, чтобы привести въ прикосновеніе всѣ свои фибры съ плотью своей плоти, и долгій голубиный взглядъ блуждаетъ въ пространствѣ какъ-бы отыскивая въ глубинѣ безконечнаго душу, чтобы пролить ее на лучезарный ликъ младенца. Это двойственный идеалъ женщины: женщины, не тронутой жизнью, и матери, обладающей душой и красотой, красотой для того чтобы любить и быть любимой, душой—для того чтобы усовершенствовать любовь и воспитать своего ребенка, т. е. дать ему жизнь сердца и ума.

— Ваша мысль можетъ понравиться сначала, но въ ней заключается ложный метафизическій взглядъ. Вы вѣроятно не забыли, что вы мнѣ говорили когда-то: что когда человѣкъ, не понимая самъ, разсказываетъ другому, такъ что тотъ точно также не понимаетъ его...

— То это называется метафизикой, говорилъ Вольтеръ.

— Поэтому я прошу вашей помощи, чтобы понять вашу мысль.

— Съ удовольствіемъ. Есть у васъ лишняя четверть часа?

— Даже полчаса, и я обѣщаю, что не буду прерывать васъ.

— Видно, что вы не засѣдаете въ законодательной палатѣ.

— Начинайте, я васъ слушаю.

III.

Въ послѣднее время много говорили о равенствѣ мущины и женщины, даже о превосходствѣ женщины надъ мущиной. Вы навѣрно знаете превосходное сочиненіе Тусенеля, его физіологію любви птицъ: вы прочитали въ немъ теорію Кречета, которая доказываетъ преимущество самки надъ самцомъ во всѣхъ породахъ не исключая и человѣческой.

Но равенство между мущиной и женщиной—вопросъ, дурно поставленный и вслѣдствіе этого и неразрѣшимый.

Еслибы Богъ сотворилъ мущину и женщину совершенно одинаковыми, какъ то двуполое существо, о которомъ говоритъ Платонъ, то между ними было бы совершенное равенство и людямъ оставалось бы только умирать отъ скуки. Но Богъ сотворилъ ихъ двумя различными существами и по тѣлосложенію, и по складу ума, для того, чтобъ быть соединенными; иначе они не могли бы жить и давать жизнь. Женщина, которая бы захотѣла нарушить этотъ естественный порядокъ вещей, выказала бы столько же ума, сколько выказалъ бы ума мущина, который бы захотѣлъ рожать какъ сумасшедшій Императоръ Геліогабалъ.

Именно это-то различіе между мущиной и женщиной и возбуждаетъ то влеченіе, которое они чувствуютъ другъ къ другу, то счастіе, которое они ощущаютъ вмѣстѣ. Обратите женщину въ мущину, вы убьете любовь и останется только дружба; этимъ была бы унижена вся прелесть жизни.

Итакъ вопросъ въ томъ, чтобы отыскать, какое должно быть исключительное назначеніе женщины въ семейной жизни, и воспитать ее согласно съ этимъ назначеніемъ. Когда я говорю «женщина», я не подразумѣваю женщину, страдающую, недоразвившуюся еще, но женщину въ полномъ смыслѣ слова, вполнѣ владѣющую собой и своей мыслью.

Для того, чтобы опредѣлить желательное взаимное положеніе мущины и женщины, достаточно сдѣлать сравненіе ихъ мозговой дѣятельности. У мущины преобладаетъ разсудокъ, у женщины чувство. Мущина разсуждаетъ, женщина чувствуетъ, онъ обобщаетъ, она анализируетъ, онъ открываетъ, она наблюдаетъ.

Провидѣніе создало мущину и женщину одновременно похожими и различными, похожими для того, чтобы поддерживать единство породы, и различными для того, чтобы различіе ихъ организацій могло помогать труду необходимому для удовлетворенія сложныхъ и разнообразныхъ потребностей общества. И даже мущинъ Провидѣніе неодинаково наградило воображеніемъ и умственными способностями, а заранѣе дѣлаетъ одного артистомъ, а другаго ученымъ. Но и поэтъ и инженеръ одинаково приносятъ пользу обществу,

и мы не имѣемъ права поставить искусство выше науки или науку выше промышленности. То, что справедливо въ отношеніи мущины къ мущинѣ, справедливо и въ отношеніи мущины къ женщинѣ. Безъ сомнѣнія, женщина отличается отъ мущины умственными способностями и организаціей; но это различіе природныхъ свойствъ обусловливаетъ только различіе отправленій. На этомъ основывается принципъ раздѣленія труда.

У мущины мышцы крѣпче, пусть онъ работаетъ на вѣтрѣ и на солнцѣ; у женщины мышцы нѣжнѣе, пусть она бережетъ домъ и дѣлаетъ его привлекательнымъ. Итакъ, единство въ назначеніи, но различіе въ трудѣ составляютъ таинственную гармонію жизни мущины съ женщиной.

Такова формула; всѣ принимаютъ ее за общее мѣсто и спорятъ только о примѣненіи ея къ дѣлу.

Нужно ли объяснять назначеніе женщины? Каждый сознается, что назначеніе молодой дѣвушки это нравиться, женщины—любить, матери—воспитывать своего ребенка, бабушки—ходить на исповѣдь или занимать гостей. Но скажите, пожалуйста, какое воспитаніе даютъ женщинѣ, чтобы сдѣлать ее способной къ исполненію ея назначенія?

Изо всѣхъ частей програмы добросовѣстно исполняется только первая: молодую дѣвушку научаютъ нравиться, хотя сама природа уже позаботилась объ этомъ: она дала молодой дѣвушкѣ красоту въ голосѣ, въ походкѣ, въ улыбкѣ, во всемъ, и дѣвичья красота страшнѣе когтей пантеры; она побѣждаетъ мущину и поражаетъ его однимъ взглядомъ. Молодую дѣвушку съ особеннымъ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

стараніемъ обучаютъ тѣмъ искусствамъ, который привлекаютъ, привлекаютъ, понимаете.... Это слово достаточно изобличаетъ намѣреніе воспитателей; ее учатъ бренчать на фортепьянѣ, пѣть романсы, рисовать акварелью, танцовать съ граціей, кланяться со смысломъ, улыбаться на половину (совсѣмъ улыбаться имѣетъ право только замужняя женщина), держаться прямо, выказывать свою красоту съ кокетствомъ, полнымъ скромности, и настолько вырѣзывать свой лифъ, насколько то нужно для того чтобы предоставлять воображенію мущинъ дорисовывать закрытое отъ нихъ. Остальному дѣвушку обучаютъ обыкновенно въ видѣ прибавки, только для очистки совѣсти; учатъ ее немного граматикѣ, немного исторіи, еще менѣе ариѳметикѣ, научаютъ ее какому-нибудь иностранному языку, но только для формы, поверхностно, такъ что, выходя изъ пансіона или монастыря, она едва знаетъ орѳографію и таблицу умноженія. Такимъ образомъ молодую дѣвушку готовятъ скорѣе въ невѣсты, чѣмъ въ жены. Собственно говоря, ее наряжаютъ на поиски за мужемъ, но поймавъ мужа, подписавъ свадебный контрактъ, выйдя замужъ и спрятавъ свой свадебный вуаль, женщина теряетъ свою незавидную привлекательность. Еслибы ей вздумалось обратиться къ своему искусству нравиться, ей бы пришлось тянуть жалобные звуки изъ фортепьянъ и предаваться грустнымъ и праздным мечтамъ.

Итакъ слѣдуетъ дополнить воспитаніе, чтобы оно служило ей не на четверть часа, а на всю жизнь. Желательно, чтобы женщина была не ходячая кукла, которою играютъ мужчины, одѣтая

или лучше сказать раздѣтая по послѣдней модѣ, желательно, чтобы у нея была видна душа и чтобы можно было поднять эту угнетенную душу. Конечно, кто говоритъ о женской душѣ, тотъ вызываетъ улыбку у глупой молодежи, разъѣзжающей по Булонскому лѣсу и видящей во всякой душѣ, какая бы она ни была, личное оскорбленіе. Но что за бѣда! дѣло идетъ о спасеніи Франціи, потому что если Франція впала въ безпорядочную жизнь, если нравы упадаютъ въ ней все болѣе и болѣе, если эгоизмъ завладѣлъ настоящимъ, если скептицизмъ повреждаетъ будущее въ его зародышѣ, то, надо сознаться, мы обязаны этимъ отчасти пустому воспитанію женщины, ея суетной душѣ, ея пристрастію къ тряпкамъ, ея полному равнодушію ко всякому героизму въ дѣйствіяхъ или въ мысляхъ. Половина человѣческаго рода не можетъ опуститься безъ того, чтобы не опустилась другая: какова женщина, таковъ и мущина; это законъ равновѣсія.

— Благодарствуйте, сказала моя хозяйка, протягивая мнѣ руку, теперь я понимаю вашу мысль, я начинаю, по крайней мѣрѣ, понимать.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ остается вывести заключеніе.

— Нѣтъ, я предоставляю выводить его вамъ самому.

— Итакъ я продолжаю.

IV.

— Нина де Ланкло сказала однажды: Любить должно только умнаго человѣка, потому что, такъ какъ въ комедіи человѣческаго сердца антрактъ длиннѣе самаго представленія, то надо позаботиться о предохраненіи себя отъ скуки. Тоже можно сказать и о бракѣ. Предъ вами молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ коллежѣ или въ университетѣ, получившій образованіе ученое и литературное; онъ преданъ наукѣ всей душой, гордится своими познаніями, потому что только знаніе даетъ человѣку положеніе въ обществѣ и вводитъ его въ единственно мыслимую аристократію—въ аристократію умственную; этотъ юноша женится, и если его подруга умѣетъ только танцовать котильонъ, то что выйдетъ изъ такого неравнаго брака? Выйдетъ то, что мужу не объ чемъ будетъ говорить съ женой, а женѣ нечего будетъ отвѣчать ему.

Соединить можетъ не тѣло, не приданое, а только душа; человѣкъ любитъ душой и только безпрестаннымъ обмѣномъ чувствъ и мыслей зажигается и поддерживается священный огонь! Чѣмъ болѣе душа мужа отражается въ душѣ жены, чѣмъ болѣе мужъ и жена сходятся въ мысляхъ, тѣмъ болѣе усиливается любовь и тѣмъ больше залоговъ для будущаго счастья.

Но если мужъ можетъ открыть только свое сердце, но не свои мысли, если онъ долженъ утаивать въ себѣ то, что даетъ ему почетное имя,

въ такомъ случаѣ онъ живетъ какъ бы въ разъединеніи съ своей женой и бракъ для него не болѣе какъ обѣдъ и спанье вмѣстѣ. Чтобы упрочить бракъ, надо давать женщинамъ образованіе, которое бы приближало ихъ къ образованію ихъ мужей и дозволяло бы имъ сходиться съ ними въ понятіяхъ. Я бы включилъ въ програму ихъ образованія не только грамматику, пѣніе, ариѳметику, но и исторію, потому что исторія даетъ намъ четыре тысячи лѣтъ опыта, потомъ естественныя науки, для того чтобы женщина понимала природу, гигіену, первую необходимую науку для матери, потому что она должна постоянно заботиться о здоровьи своего ребенка, и наконецъ философію.....

Женщина, занимающаяся философіей, возбуждаетъ только насмѣшки; но, подумайте, люди требуютъ, чтобы женщина придерживалась религіи, и если она отвергаетъ ее, не найдется ни одного довольно смѣлаго человѣка, чтобы жениться на ней. О чемъ же однако говоритъ религія? О Богѣ, о мірѣ, о душѣ, о безсмертіи, все это вопросы метафизическіе, все это женщина должна знать, подъ страхомъ проклятія. А если ей случится украдкой проникнуть въ область философіи, то ее вѣжливо отправляютъ въ кухню и даже обвиняютъ въ умственномъ развратѣ.

Но о чемъ говоритъ философія, какъ не о томъ же самомъ, о чемъ говоритъ религія: о Богѣ, о мірѣ, о душѣ, о безсмертіи и т. д. Если женщина въ состояніи понять эти вопросы, когда ихъ разрѣшаетъ религія, то почему же она не въ состояніи понять ихъ въ философіи?

Рѣшайте же: способна она или нѣтъ? если вы

рѣшите, что она не способна къ пониманію философіи, то вы этимъ самымъ удаляете ее отъ религіи.

Но философія имѣетъ одинаковое назначеніе, какъ и религія, и слѣдовательно достаточно одной религіи; зачѣмъ излишняя роскошь въ знаніи? А зачѣмъ это знаніе преподается мущинѣ? Если религія научаетъ человѣка вѣровать, то философія научаетъ его разсуждать; женщинѣ такъ же необходимо размышленіе, какъ и мущинѣ, потому что въ каждую минуту жизни ее ставятъ въ необходимость выбиратъ между добромъ и зломъ, т. е. между истиной и ложью.

Но ужъ это будетъ ученая женщина, возражаютъ намъ, и смѣются. Да! ученая женщина. Право, я удивляюсь логикѣ людей: хотятъ, чтобы женщина учила своего ребенка, и не хотятъ, чтобы она училась сама. Чему же ей учить? тому, чего она сама не знаетъ? И что же такое мать, какъ не вѣчная воспитательница своего ребенка? Развѣ ея обязанность состоитъ только въ томъ, чтобы родить его и прокормить годъ грудью? Нѣтъ; нѣтъ, ей надо кормить его духовнымъ молокомъ, образовать его душу, дать ему познанія, дать ему понятіе о всѣхъ вещахъ, наконецъ, вдохнуть въ него жажду къ знанію.

Вотъ въ чемъ состоитъ задача и слава женщины; а для исполненія этой священной обязанности, я полагаю, надо такое же разностороннее образованіе, какъ и для того, чтобы управлять фабрикой или командовать эскадрономъ.

V.

Знаете, сказала она мнѣ, я готова назвать васъ воромъ.

— Вы мнѣ льстите.

— Вы похитили у меня мысль, которую я давно лелѣяла.—Еще послѣдній вопросъ и вы свободны. Если вы признаете за женщиной право на образованіе, то этимъ самымъ вы признаете за ней право гражданства. Право на образованіе непремѣнно ведетъ къ праву гражданства. Женщина должна будетъ вотировать, потому что подавать голосъ въ концѣ концовъ значитъ разсуждать. Если я дѣлаю вамъ этотъ вопросъ, то это чисто изъ любопытства, потому что, что касается до меня лично, то я очень мало дорожу избирательской картой. Что мнѣ съ нею дѣлать? Да и на что она вамъ самимъ? Нисколько не желая хвастаться, мнѣ кажется, что я бы съумѣла ее употребить съ толкомъ и подать свой голосъ не хуже моего полотера.

— Да вы и теперь вотируете.

— Я вотирую? Да въ какомъ же это участкѣ, позвольте васъ спросить?

— Во всѣхъ. Какъ вы думаете, что дѣлаетъ гражданинъ, который несетъ свою карту къ меру? Онъ бросаетъ въ ящикъ имя, написанное первымъ избирателемъ. Всякій, кто захотѣлъ бы вотировать мимо точныхъ и обязательныхъ указаній своей партіи, рисковалъ бы потерять право на подачу голоса. Поэтому, тотъ, кто имѣетъ вліяніе

на мнѣніе и способствуетъ къ образованію его, дѣйствительно участвуетъ въ избраніи народныхъ представителей. А это вліяніе женщина можетъ оказывать наравнѣ съ мущиной по мѣрѣ своихъ умственныхъ способностей; ратуйте за право, въ вашей гостинной, ратуйте за свободу, и, повѣрьте, когда-нибудь ваши слова попадутъ въ выборный ящикъ и олицетворятся въ лицѣ депутата демократа..... и либерала, что́ вовсе уже не составляетъ плеоназма со времени новой имперіи.

Я слышу отсюда хохотъ всѣхъ незаконныхъ внучатъ Мольера: что вы? говорятъ они намъ; вы думаете отнять у мущинъ всемогущество, предоставить политику женщинамъ! да вѣдь это значитъ перевернуть Францію вверхъ дномъ.

Боже избави отъ царства вязальщицъ!—Вотъ что говорятъ они; но они не знаютъ, что вязальщицы (*tricoteuses*) властвовали всегда, что онѣ властвовали во время Фронды, во время Людовика XIV, во время Регентства, во время Людовика XVIII и т. д., и если ихъ царствованіе не дѣлаетъ имъ чести, то кого же винить? Тамъ, гдѣ будетъ господствовать запрещеніе, никогда не будетъ торговли, а будетъ контрабанда. Итакъ, явно, или тайно, прямо, или косвенно, но вліяніе женщины на политику всегда было и всегда будетъ. Во всякомъ событіи замѣшана женщина, говорилъ одинъ дипломатъ; сначала вы ее не замѣтите, но приглядѣвшись пристальнѣе, вы ее непремѣнно отыщите.

Даже самъ Наполеонъ обращалъ на это вниманіе, несмотря на всю свою неспособность къ любезности. Когда онъ посылалъ прадскаго епи-

скопа въ Варшаву, то сказалъ ему, подписывая его посланническую грамоту: «обратите особенное вниманіе на женщинъ.»

Де Местръ также заботился о нихъ въ Петербургѣ; его послали туда, ради сардинскаго короля,— этому королю, жившему на половинномъ жалованьѣ, не доставало только королевства, чтобы царствовать. Де-Местру было поручено добыть что-нибудь для этого пьемонтскаго бѣдняги; но никто не обращалъ вниманія на его просьбы..... Что же онъ сдѣлалъ? онъ попросилъ сардинскаго короля прислать итальянскаго пажа, умѣвшаго хорошо пѣть и плясать.

Лучше не отвергать, а признать вліяніе женщины на политику, для того чтобы облагородить ее и исторгнуть изъ области интригъ. Не вдаваясь въ разсужденія о гражданскихъ правахъ женщины и не выводя ее на арену общественной дѣятельности, я полагаю, что должно избавить ее отъ той неспособности къ политикѣ, которою она заклеймена. Въ странѣ, гдѣ женщину обезглавливаютъ въ видахъ государственнаго интереса, должна же она знать, по крайней мѣрѣ, изъ-за чего это дѣлаютъ, говорила г-жа Де-Сталь. Точно также, женщина имѣетъ право знать, кто управляетъ и какъ управляютъ страной, гдѣ она живетъ, потому что и у ней также есть свои интересы.

Какъ! Въ той самой Франціи, гдѣ жила Іоанна д'Аркъ, спасшая отечество въ то время, когда мущина отказывался помогать ему, хотятъ запретить женщинѣ заниматься политикой, предоставляя ей только право любоваться войскомъ, возвращающимся изъ Крыма, махать ему платками,

надушенными одеколономъ, и привѣтствовать его криками, смысла которыхъ она не въ состояніи понять.

Напротивъ, женщина можетъ, должна даже участвовать, если не дѣломъ, то покрайней мѣрѣ мыслью, въ событіяхъ, въ судьбахъ своего отечества и всего міра вообще.

Когда ея ребенокъ спроситъ у нея, что значитъ отечество, лучшее слово на человѣческомъ языкѣ, послѣ слова свобода, приложитъ ли она палецъ къ губамъ и отвѣтитъ ли, какъ леди Макбетъ:

«Объ этомъ не слѣдуетъ говорить.» Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, пусть это слово отечество — запечатлѣется на вѣки на лбу ребенка, вмѣстѣ съ поцалуемъ матери.

VI.

— Еще одно слово и я кончу, сказалъ я моей хозяйкѣ; я вижу, что употребляю во зло ваше довѣріе.

Образованіе женщины, такое, какъ я его понимаю, имѣетъ то преимущество, что оно приноситъ ей пользу нетолько въ молодости, но даже и тогда, когда она становится матерью семейства; каждый разъ, когда она пріобрѣтаетъ новую мысль, она пріобрѣтаетъ въ тоже время и новую добродѣтель.

Говорятъ, что женщина хозяйка есть женщина

добродѣтельная, но спрашивается, когда возникла эта теорія? Съ того времени, когда машины сократили всѣ домашнія работы. Прежде всякая женщина, была ли она королевой или коровницей, пряла, шила, вязала и мотала; но теперь, когда машина для шитья, машина для пряжи, машина для мотанья замѣнили прялку, иголку и клубокъ, что будетъ она дѣлать съ этимъ сбереженнымъ временемъ, если не употребитъ его на обработку своего ума?

Праздность рождаетъ скуку; скучающей женщинѣ естественно искать развлеченій; но какое развлеченіе можетъ найти женщина въ самой себѣ, когда душа у нея пуста? Она не въ состояніи выдержать подобной пытки, ей нужно избавиться отъ скуки во что бы то ни было; и вотъ, для того, чтобы она не могла находить себѣ развлеченіе какой бы то ни было цѣной, ее всегда запирали въ гинекей, подъ надзоръ евнуха, дуэньи, исповѣдника, или занимали хозяйствомъ.

Но не внѣшняго хранителя слѣдуетъ давать женщинѣ, не стѣну, не дуэнью, не священника; у нея самой, у ея совѣсти, у ея разсудка слѣдуетъ искать гарантіи, всегда бодрствующей и вооруженной противъ канкановъ жизни и соблазновъ змія. Пусть душа ея обогатится всѣмъ, что есть истиннаго, всѣмъ, что есть прекраснаго, всѣмъ, что есть святаго на землѣ, для того, чтобы она узнала цѣну себѣ, своей душѣ и чтобы ея сознаніе собственнаго нравственнаго достоинства питало въ ней спокойную гордость и добродѣтель.

Говорятъ, что женщина есть крѣпость, которую слѣдуетъ защищать отъ непріятеля; но не прини-

мають въ соображеніе, что прежде всего слѣдуетъ позаботиться о гарнизонѣ.

Разрѣшая задачу о воспитаніи женщины, мы разрѣшаемъ и вопросъ о равенствѣ въ бракѣ. Когда женщина будетъ вправѣ достигнуть полнаго развитія своихъ умственныхъ способностей, тогда бездна, раздѣляющая теперь ее отъ мущины, исчезнетъ и взаимная любовь увеличится отъ взаимнаго уваженія; мужъ будетъ менѣе заботиться о томъ, чтобы подчинить себѣ волю жены, чѣмъ о томъ, чтобы пріобрѣсти ея довѣріе. Неограниченное право развращаетъ человѣка, которому оно предоставлено; надо заботиться объ уничтоженіи его столько же въ интересахъ господина, сколько и въ интересахъ раба.

Конечно, на случай раздѣла мужа съ женой, по теоріи, можно было бы предоставить мужу произнести окончательный приговоръ; но, благодаря Богу, практика всегда исправляетъ теорію. Гдѣ найти теперь мужа, настолько ослѣпленнаго своимъ достоинствомъ, что захотѣлъ бы вести домъ по своей командѣ? Современная женщина, благодаря прогрессу, благодаря расширенію своихъ познаній, имѣетъ и всегда будетъ имѣть большое вліяніе въ своей домашней жизни; отъ нея самой зависитъ пріобрѣсть это вліяніе и, въ особенности, съумѣть удержать его за собой. Это не болѣе какъ дѣло такта.

Въ дѣлѣ брака, какъ и въ конституціонномъ правленіи, не законъ а его примѣненіе составляетъ суть.

При нормальномъ ходѣ дѣлъ никто не оспариваетъ преимуществъ той или другой власти, пе-

ревѣсъ бываетъ на той сторонѣ, которая дѣлаетъ изъ нея лучшее употребленіе. Но когда власти препираются, конституція почти не дѣйствуетъ. Тоже самое скажу я и о бракѣ: что за дѣло до законовъ, установляющихъ его; его истинный законъ будетъ всегда заключаться во взаимной привязанности и любви.

Ваша улыбка, вотъ ваша власть; любите, заставляйте себя любить, и споръ о превосходствѣ одного пола надъ другимъ кончится поцалуемъ. Въ семейномъ правительствѣ власти уравновѣшиваются взаимной любовью. У каждаго своя обязанность. Жена министръ внутреннихъ дѣлъ; мужъ министръ дѣлъ иностранныхъ и всѣ вопросы разрѣшаются въ общемъ собраніи министровъ.

— Дѣйствительно ли таковы мысли Жюля Симона?

— Да; въ этомъ мнѣ ручаются его любовь къ слабости и его благоговѣніе къ правосудію.

— Ну такъ дайте мнѣ вашу руку. Вы меня помирили съ нимъ, но, можетъ быть, вы меня обманываете?

— Зачѣмъ?

— Потому что вы, писатели, составляете общество взаимнаго обезпеченія противъ публики.

— Дай Богъ! но я боюсь, напротивъ что литература сдѣлается междоусобной войной интеллигенціи.

VII.

Въ это время прелестный юноша, бѣлокурый какъ Аврора, вошелъ въ гостинную.

— И подумать, что этотъ мальчикъ, будетъ современемъ мужемъ! сказала она, подавляя вздохъ.

Она пристально посмотрѣла въ глаза своему сыну, какъ-бы желая узнать его будущее.

— Заставляй любить себя, прибавила она, цалуя его, или я тебя прокляну.

Она опустила голову и, подумавъ нѣсколько минутъ, сказала:

— Я бы хотѣла быть мущиной.

— Желаніе это высказано вами не изъ честолюбія; зачѣмъ желаете вы этой жертвы?

— Затѣмъ, чтобы отомстить за женщину.

— Женщина сама лучше умѣетъ мстить.

— Ее обвинили бы въ пристрастіи.

— Но вы, можетъ быть, хотите что-нибудь сказать по поводу этого вопроса.

— Можетъ быть.

— Я васъ ловлю на словѣ, и хочу первая воспользоваться урокомъ.

— Я не намѣренъ давать вамъ уроковъ; у меня не хватаетъ дерзости.

— Такъ кто же его дастъ?

— Исторія; это лучшая учительница.

— Что же она говоритъ, извините за нескромный вопросъ.

— Она говоритъ, что женщина сперва насиловалась, потомъ похищалась, потомъ покупалась, потомъ отдавалась мужу въ сераль, потомъ выходила замужъ за одного мужа, потомъ выкупалась приданымъ, потомъ обезпечивалась наслѣдствомъ отъ мужа, потомъ воскресла духомъ, избавилась отъ невѣжества, освободилась отъ своего постояннаго несовершеннолѣтія и наконецъ она духов-

но-осмысленная, образованная, посвященная въ искусства, допущенная къ наукѣ, сравненная болѣе смягченными законами съ мущиной, могла достичь послѣ постепеннаго развитія того, чѣмъ вы теперь. Современное положеніе женщины есть уже первый лучъ солнечнаго восхода.

Послѣ этихъ словъ, я распрощался съ ней и вышелъ; но она остановила меня.

— Хотите, сказала она, взять меня въ часть въ вашей работѣ.

— Я не желаю ничего болѣе, какъ писать подъ вашу диктовку.

— Вы мнѣ будете только читать ваше сочиненіе, по мѣрѣ того, какъ будете писать его.

— Для того, чтобы пробовать его, какъ пробуютъ сонату на фортепьянахъ.

— Потому что въ вопросѣ о женщинѣ женщина можетъ дать добрый совѣтъ.

— Берегитесь; я долженъ все высказать по этому предмету, а это все можетъ подвергнуть васъ жестокому испытанію.

— Что за дѣло; женщина имѣетъ право читать все, если уже она не имѣетъ права все слышать; вы будете присылать мнѣ вашу книгу въ видѣ письма, главу за главой, и если мнѣ придетъ въ голову какое-нибудь возраженіе, я вамъ отвѣчу.

— Я принимаю эти условія.

— Итакъ, по рукамъ, сказала она мнѣ, протягивая руку; я съ ней простился и, нѣсколько времени спустя, она получила мою первую тетрадь.

МАТЬ.

I.

ЖЕНЩИНА ВЪ ПЕРВОБЫТНОМЪ СОСТОЯНІИ.

Вы этого желаете и я повинуюсь вашему приказанію.

Я буду обсуждать вопросъ въ формѣ переписки; вы только одна, можетъ быть, и будете читать ее; я надѣюсь, что, прочтя ее, вы отдадите ей должную справедливость. Но я ни за что не отвѣчаю.. Мнѣ надо говорить обо многомъ, и если я выскажу многое, вините саму себя, такъ какъ вы хотѣли узнать всю истину. Если же истина покажется вамъ слишкомъ рѣзкой, то закройте книгу. Но я знаю, что вы ее не закроете, вы прочтете ее безъ страха, потому что душа, подобная вашей, одарена чудодѣйственнымъ даромъ; все, къ чему вы ни прикасаетесь дѣлается поэзіей: такъ, когда индѣйской Апсарѣ, подали, однажды, чашу съ полынью, то прикосновеніе ея губъ превратило горечь въ амброзію.

Когда человѣкъ убилъ впервые человѣка, го-

лосъ спросилъ его: «Что ты сдѣлалъ съ твоимъ братомъ?» но ни одинъ голосъ, кажется, не спросилъ еще у него: «Что ты сдѣлалъ съ твоей женой?»

А между тѣмъ съ перваго до послѣдняго дня онъ не переставалъ убивать ее, не той грубой смертью, которая превращаетъ живое существо въ трупъ, но той медленной смертью, которая еще позволяетъ жертвѣ дышать.

Мущина долженъ любить женщину, это его лозунгъ, безъ него онъ не имѣлъ бы права быть мущиной, точно также какъ женщина—женщиной. Но вотъ вопросъ: какъ любилъ онъ ее прежде, какъ любитъ онъ ее теперь?

Мы не будемъ говорить о дикихъ людяхъ; у нихъ нѣтъ ни мущинъ, ни женщинъ, потому что нельзя называть такъ тѣхъ безволосыхъ обезьянъ, которыя имѣютъ надъ своимъ старшимъ подобіемъ только то преимущество, что могутъ говорить.

Дикій даже не говоритъ, не думаетъ, или едва говоритъ и думаетъ, и можетъ только лепетать морально и физически. Въ его мозгу темная ночь; для него нѣтъ ни добра, ни зла, ни твоего, ни моего, однимъ словомъ ничего, что дѣлаетъ человѣкомъ. Онъ дѣйствуетъ скачками на удачу, подъ вліяніемъ страсти или нужды; голоденъ онъ, онъ охотится на своего ближняго и ѣстъ его; является у него потребность другаго рода, онъ кидается на первую попавшуюся ему женщину и сваливаетъ ее на хворостъ.

Этотъ несложный свадебный договоръ существовалъ повсюду вначалѣ, на востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ и на югѣ, у подошвы Гималая, также

какъ у подошвы Капитолія, въ Скандинавіи и въ землѣ Каффровъ.

Индія оставила за нимъ почетное мѣсто въ законѣ Ману. По этому закону, когда человѣкъ врывался въ домъ, убивъ, или ранивъ живущихъ въ немъ, и похищалъ женщину, которая плакала и взывала о помощи, то этотъ поступокъ назывался *бракомъ исполиновъ*.

Такого же рода бракъ съ нанесеніемъ побоевъ и ранъ заключенъ былъ Кришною съ Рукмини, Гунаромъ съ Моальдою; этотъ же бракъ мы видимъ въ союзѣ Париса съ Еленою, Ахилла съ Андромахою и наконецъ цѣлаго римскаго народа съ молодыми сабинянками.

Бракъ исполиновъ существуетъ до сихъ поръ на границахъ Сахары; когда арабу понравится какая нибудь женщина, онъ похищаетъ ее съ помощью друзей, при ружейныхъ выстрѣлахъ, и, привязавъ къ сѣдлу, увозитъ ее на лошади.

Отецъ невѣсты цалуетъ дочь на прощаньѣ и увѣщеваетъ быть печальной, когда у мужа есть горе, и веселой, когда онъ веселъ. Надобно, впрочемъ, сказать, что въ первыя времена, женщина, ни тѣломъ, ни душой не представляла типа настоящей женщины; она была скорѣе статуя или легкій очеркъ женщины, она не умѣла быть красивой, не знала даже, что первое условіе красоты есть одежда.

Вотъ она, сидящая вечеромъ, послѣ похода или охоты, у костра, костлявая, угловатая, вялая, съ увядшимъ лицомъ, со лбомъ, закрытымъ прядями

нечесанныхъ волосъ, и съ кожею, вычурно испещренною красной краской.

Что можетъ эта женщина говорить воображенію, этой первой музѣ любви? Она не чувствуетъ, не блистаетъ, не улыбается, не понимаетъ тайны взгляда, очарованія пѣнія, танцевъ, наряда, кокетства, стыда, того, что составляетъ наступательное и оборонительное оружіе красоты.

Женщина до появленія первыхъ зачатковъ цивилизаціи служила только средствомъ для удовлетворенія страсти мущины. Онъ по произволу бралъ и оставлялъ ее; она зачинала, рожала, блуждала въ слѣдъ за своимъ племенемъ, съ ношей на спинѣ, не зная, кто отецъ ея ребенка, и не желая знать его. Она кормила ребенка, какъ могла, а когда была не въ состояніи кормить его, то бросала, или топила въ первомъ попавшемся ручьѣ.

Въ Абиссиніи всегда существовало кровосмѣшеніе и перешло оттуда въ Египетъ. Абиссинецъ любилъ женщину только въ случаѣ если была возможность беременности. «Такъ какъ мущина, говорилъ онъ женщинѣ, обратилъ на тебя вниманіе, то въ тебѣ должны быть достоинства.» А затѣмъ, чтобы увеличить эти достоинства, онъ формально женился на ней, а потомъ продавалъ сосѣду.

Въ Скиѳіи женщина составляла общее достояніе; она не принадлежала исключительно кому-либо, а находилась во власти перваго встрѣчнаго мущины, и степенный Геродотъ замѣчаетъ съ умиленіемъ, что всеобщая связь крѣпче связывала узы родства между каждой составной частью племени.

Дикій не нуждается въ любви; хотя бы и нуж-

дался, у него нѣтъ на нее времени, потому что дня едва достаетъ ему на пріобрѣтеніе насущнаго хлѣба. Онъ охотится и спитъ, а когда вздумаетъ о женѣ, то съ тѣмъ, чтобы побить ее. Сильные всегда ставили себѣ въ заслугу оскорбленіе слабыхъ; въ этихъ оскорбленіяхъ они, какъ въ зеркалѣ, видѣли свое превосходство. Спартанцы по временамъ сѣкли илотовъ для того только, чтобы напомнить себѣ объ ихъ рабствѣ. «Ложись и молчи» вотъ участь женщины и собаки въ эпоху дикаго состоянія человѣчества. Въ это время съ женщиной обращались какъ съ животнымъ; мущина то бралъ ее, то покидалъ на произволъ судьбы; билъ и держалъ въ рабствѣ; она слѣдовала за нимъ повсюду шагъ за шагомъ, раздѣляя всѣ трудности жизни до тѣхъ поръ, пока смерть не сжаливалась надъ ней. Трупъ ея бросается въ яму и все кончено,— идетъ дождикъ и выростаетъ трава.

II.

ЖЕНЩИНА НА БАЗАРѢ.

Итакъ похищеніе и насиліе — вотъ любовь мущины вначалѣ; женщина по полному праву принадлежала первому, или лучше сказать послѣднему вступившему во владѣніе ею.

Такой способъ соединенія мущины съ женщиной, замѣнявшій нынѣшній бракъ, мы встрѣчаемъ не только въ Азіи, но и въ самой Италіи въ первыя историческія времена.

Въ Этруріи люди ѣли и спали вмѣстѣ, какъ въ хлѣвѣ; при окончаніи трапезы, всякій ложился спать, съ кѣмъ хотѣлъ. Если на одну женщину являлось двое охотниковъ, то оружіе рѣшало споръ; дѣти оставались безъ имени, безъ отца.

Въ самой холодной, туманной Великобританіи женщина составляла общее достояніе; каждый мущина имѣлъ право на каждую женщину одного съ нимъ званія; если же онъ не былъ равнаго съ ней званія, то она считала долгомъ ему отказать.

Римлянка, однажды, упрекала знакомую британку въ томъ, что у нихъ женщина переходитъ изъ рукъ въ руки.

— Правда, отвѣчала первобытная англичанка, что мы отдаемся первому встрѣчному, но это дѣлается открыто, притомъ же человѣку, одинаковаго съ нами званія; тогда какъ вы въ тайнѣ отдаетесь послѣднему вашему слугѣ.

Но природа устраиваетъ все къ лучшему, хотя и дѣйствуетъ часто скрытно и лѣниво; она обращается съ человѣкомъ вначалѣ только повидимому строго, а на самомъ дѣлѣ—благосклонно.

Всякое другое животное, лишь только рождается, начинаетъ уже ходить и не далѣе какъ мѣсяцъ спустя выучивается жить само собою. Человѣку же нужно на то болѣе времени; ему необходимо, по крайней мѣрѣ около двухъ лѣтъ для того только, чтобы выучиться ходить и сохранять равновѣсіе.

Поэтому мать должна неотлучно находиться при дитяти, чтобы смотрѣть за нимъ, учить его ходить, а отецъ долженъ оставаться при матери, чтобы обезпечить прокормленіе ея и ребенка.

Дитя служитъ цѣлью, связывающей мущину съ женщиной, и удерживаетъ ихъ обоихъ у колыбели. Безсиліе ребенка, такимъ образомъ, превратило совокупленіе въ бракъ и положило основаніе семейству. Семья, какъ всякое учрежденіе, должна принять извѣстную форму и занять извѣстное мѣсто; эта форма осуществилась вначалѣ въ палаткѣ кочевыхъ народовъ, потомъ преобразилась въ настоящее жилище, неизмѣнное, неподвижное какъ родина,—преемственное какъ потомство.

Когда человѣкъ построилъ себѣ первую каменную ограду и покрылъ ее крышей, когда подъ этой крышей ему стало тепло, какъ весною, бла-

годаря изобрѣтенію огня; когда онъ, при помощи масла, могъ доставить себѣ свѣтъ, замѣнившій солнечный, онъ положилъ основаніе семейнаго очага.

Онъ переходитъ тогда отъ жизни охотника и пастуха къ жизни сельской и городской, занимается ремеслами, торгуетъ и инстинктивно понимаетъ, что дочь его составляетъ предметъ самаго необходимаго употребленія, который онъ можетъ пустить въ продажу, наравнѣ со скотомъ.

Покупка женщины замѣняетъ повсюду бракъ исполиновъ; даже въ настоящее время, потому что дикое состояніе людей и теперь еще существуетъ, на западѣ Африки негръ предлагаетъ извѣстную плату отцу той дѣвушки, къ которой онъ чувствуетъ влеченіе. Когда отецъ соглашается взять задатокъ за проданную дочь и съѣстъ, съ покупщикомъ ея, орѣхъ, дѣвушка, какъ вещь, переходитъ въ руки покупщика. Если послѣ этого отецъ отказался бы отпустить дочь или отдалъ бы ее другому, то первый покупщикъ имѣетъ право требовать ее какъ свою невольницу.

Въ Индіи, въ этомъ отношеніи, существовалъ тотъ же обычай, что и въ Африкѣ. Какъ только у индуса подростала дочь, онъ вывѣшивалъ древесную вѣтвь у дверей своего дома; покупщикъ входилъ, руководимый этой вывѣской, и условливался съ отцомъ въ цѣнѣ товара. Только по совершеніи покупки могъ онъ видѣть и увести невѣсту, заплативъ прежде задатокъ; но если, по окончаніи года, онъ не выплачивалъ долга, то отецъ имѣлъ право взять дочь обратно и перепродать ее мужу болѣе состоятельному.

Сватьбу праздновали три дня сряду; въ первой день женихъподводилъ невѣсту къ жертвеннику и привязывалъ ей къ рукѣ кусокъ шафрана. Во второй день зажигали на возвышеніи брачный огонь и поѣзжане три раза обходили его, дѣлая каждый разъ по поклону. Наконецъ, на третій день, молодые садились на коверъ, лицомъ къ востоку; имъ выливали на голову горшокъ теплой воды и они обѣдали на листѣ вѣерника.

Въ Китаѣ женщинъ продаютъ, также какъ и въ Индіи. Когда китаецъ увидитъ у сосѣда дѣвушку щедро одаренную природой: «что за прелестное дитя,—говоритъ онъ отцу,—она стоитъ тысячу таэлей». Это самый лестный комплиментъ, какой только можно сдѣлать домохозяину. Въ Китаѣ есть даже агентства, гдѣ торгуютъ дѣвушками невѣстами и продаютъ ихъ тому, кто больше дастъ.

Мужъ покупаетъ себѣ жену, полагаясь на совѣсть продавца; по заключеніи контракта ему отсылаютъ ее, съ провожатыми, въ носилкахъ. Мужъ встрѣчаетъ ее на порогѣ дома. Его покупку развязываютъ при звукахъ музыки. Хороша она или дурна, мужъ еще не имѣетъ права знать. У невѣсты красное покрывало; она становится предъ женихомъ на колѣни, въ знакъ покорности, послѣ чего онъ вводитъ ее за руку въ пріемную комнату. Тутъ онъ зажигаетъ свѣчу на жертвенникѣ и молится Тіэну.

Женщина остается подъ покрываломъ во время церемоніи; затѣмъ молодые идутъ въ столовую. При окончаніи обѣда, приносятъ бетелевый орѣхъ; тогда незнакомка подымаетъ вуаль, и мужъ видитъ

ее въ первый разъ; послѣ этого они сливаютъ вино изъ своихъ чашъ въ одну и пьютъ.

Въ Вавилонѣ продажа женщинъ обращалась въ общественный доходъ. Разъ въ годъ всѣхъ взрослыхъ дѣвушекъ приводили на ярмарку и продавали съ аукціона, начиная съ самыхъ лучшихъ, по оцѣнкѣ экспертовъ. Изъ денегъ, вырученныхъ за проданныхъ дѣвушекъ, составлялся капиталъ, обращавшійся на приданое тѣмъ изъ нихъ, которыя были менѣе красивы и не находили богатыхъ покупателей. Подобный обычай составлялъ родъ общества взаимнаго страхованія красоты и безобразія. Въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ нижней Италіи, женщинъ выдавали въ видѣ преміи на состязаніи. Записанный раньше, выбиралъ, прежде прочихъ конкурентовъ, красавицу по своему вкусу, а за нимъ слѣдовали прочіе, по тому порядку, въ какомъ они были записаны; это была та же продажа, облеченная въ форму преміи.

Въ Греціи, въ самыя древнія времена, посредственная пастушка стоила тоже, что и овца; но цѣна эта, при недостаткѣ въ женщинахъ, доходила до цѣнности барана. Когда же эта самая пастушка продавалась за цѣну быка, то этой цѣной опредѣлялась высшая красота; тогда уже женщина называлась славнымъ именемъ дѣвы альфесибейской.

Иногда возлюбленный не могъ платить за невѣсту наличными деньгами, въ такомъ случаѣ платилъ натурою, нанимаясь въ услуженіе къ своему тестю. Этотъ родъ патріархальнаго брака мы встрѣчаемъ повсюду въ исторіи. Такъ, Іаковъ женился на Рахили только послѣ четырнадцат-

лѣтней службы у своего тестя. Женщина оставалась рабой; несмотря на то продажа составляетъ уже прогрессъ въ ея судьбѣ; недавно она была добычей; теперь она составляетъ уже собственность, находящуюся подъ покровительствомъ закона; тотъ, кто посягалъ на чужую жену или на поле сосѣда, былъ уже преступникъ.

III.

ЖЕНЩИНА ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ.

Когда мущина дошелъ дотого, что сталъ покупать женщину, онъ сталъ ихъ покупать по нѣскольку заразъ; мущина впадаетъ въ полигамію,— беретъ нѣсколько женъ, хотя бы изъ тщеславія. Но стадо женъ могло разбрестись, и вотъ ихъ запираютъ въ сераль подъ присмотръ. Для того же, чтобы обезпечить себя отъ надсмотрщика, нужно было сдѣлать новое преступленіе; заключивъ женщину въ тюрьму, уродуютъ ея сторожа.

Отнынѣ женщина живетъ на корму, подъ надзоромъ евнуха, за рѣшоткой, въ душномъ гаремномъ воздухѣ; лежа постоянно на подушкахъ, опухаетъ отъ скуки, у нея хватаетъ лишь настолько силы, чтобы, время отъ времени, встать и пройтись по темницѣ.

Подъ тяжелой и неподвижной массой жира не скрывается никакого чувства и нѣтъ никакого признака сердечныхъ движеній. Зная, что у ея мужа есть десять или болѣе такихъ же, какъ и она, женъ, она безропотно и тихо ждетъ своей очереди. Мужъ ее зоветъ, потомъ отпускаетъ; она принимаетъ его любовь, но не способна отвѣчать на

нее. Впрочемъ, заключеніе въ гаремъ—это дѣтство искусства, наивность ревности. Египтяне поступали деликатнѣе; они поняли, что персіяне выдумали гаремъ и сторожей только для того, чтобы женщина не могла свободно выходить и говорить съ постороннимъ лицомъ,—что запоры и евнухи убѣждаютъ ее въ томъ, что она заключена и что ей слѣдуетъ искать свободы.

Въ египетскихъ законахъ были слѣдующія постановленія:

Ст. I. Женщина имѣетъ право ходить повсюду.

Ст. II. Она не можетъ выходить безъ обуви.

Ст. III. Запрещается всякому башмачнику продавать ей обувь.

Вотъ хитро придуманная свобода. Порядочная женщина, если только у ней было нѣсколько развито нравственное чувство, должна была оскорбляться вѣчнымъ заточеніемъ, какъ грубой для нея обидой. Мемфискаяже матрона, напротивъ, была польщена воображаемой свободой, которая, по крайней мѣрѣ, имѣла видъ вѣжливости. Такимъ образомъ усовершенствованіе искусства состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать женщину добровольной затворницей. Китаю принадлежитъ честь рѣшенія этой высокой дипломатической задачи; тамъ искусно внушили женщинѣ, что она будетъ граціознѣе ходить, если едва будетъ ходить, и китаянка сжимаетъ свои ноги въ тискахъ.

Она едва въ состояніи пройти по комнатѣ, покачиваясь на каждомъ шагу, съ неловкостью, которую она принимаетъ за грацію, на двухъ остроконечныхъ обрубкахъ, втиснутыхъ въ маленькія

туфли; это мука, наложенная модой, и китайская модница переноситъ пытку съ наслажденіемъ.

Чѣмъ объяснить эту жестокость, это вѣроломство мущины противъ безропотнаго созданія, всегда нѣжнаго и преданнаго ему?

Развѣ только тѣмъ дурнымъ мнѣніемъ, которое мущина составилъ о женщинѣ и которое онъ постоянно высказывалъ въ богословіи и юриспруденціи. Дѣйствительно, женщина изобрѣла зло и сообщила его своему товарищу; она подъ именемъ Евы сорвала яблоко и этимъ яблокомъ обрекла мущину на рабство; она, подъ именемъ Пандоры, открыла адскій ящикъ и напустила на землю болѣзни, войну, раздоръ, голодъ и т. д. Брама, по словамъ закона Ману, одарилъ женщину страстью къ нарядамъ, къ лакомству, къ лѣни, ко лжи, къ вѣроломству, къ сладострастію.

Нѣтъ ни одного порока, ни одного грубаго или пріятнаго недостатка, котораго не было бы въ ней. Женщина, прибавляетъ законъ Ману, можетъ даже мудреца совратить съ истиннаго пути, никакая добродѣтель не устоитъ противъ ея власти. У ней ротъ-лотуса, но сердце изъ острой стали, она не любитъ никого кромѣ самой себя, и изъ каприза убиваетъ мужа, сына, брата и деверя.

Создавая женщину, говоритъ поэтъ Симонидъ, Богъ далъ ей сперва одно тѣло; но, желая дать ей также и душу, онъ сотворилъ душу первой изъ части свиньи, второй изъ кусочка лисицы, третьей изъ частицы собаки, четвертой изъ куска земли, пятой изъ морской пѣны, шестой изъ ослинаго уха, седьмой изъ кошачьяго хвоста, осьмой изъ кобыльей гривы, девятой изъ гримасы обезьяны и, на-

конецъ, десятой изъ пчелинаго меду; такимъ образомъ Симонидъ пощадилъ только одну женщину изъ десяти.

Сама Аравія сочла долгомъ присоединить свой голосъ къ общему хору. Одинъ пророкъ встрѣтилъ однажды сатану, гнавшаго предъ собой четырехъ грузно навьюченныхъословъ.

— И ты пустился въ торговлю, сказалъ онъ демону.

— Да, пророкъ, и я едва успѣваю заготовлять товаръ.

— Какую же ты ведешь торговлю?

— Отличную; вотъ посмотрите: перваго осла я навьючилъ несправедливостями.

— Кому же ты продашь этотъ товаръ?

— Султанамъ.

— А этого осла я навьючилъ завистью.

— Кто же у тебя купитъ этотъ продуктъ?

— Ученые. Третьяго осла я навьючилъ плутовствами.

— Кому же ты ихъ сбудешь?

— Купцамъ. А вотъ на этого, четвертаго, я нагрузилъ цѣлый выборъ обольщеній, неистовствъ, измѣнъ, обмановъ, злодѣйствъ.

— Кому же ты сбудешь весь этотъ грузъ?

Женщинамъ, отвѣчалъ Сатана. Такимъ образомъ угнетатель, во всякое время, клевещетъ на жертву, чтобы оправдать ярмо и выкупить несправедливость обидой.

IV.

ЖЕНЩИНА ВЪ АЗІИ.

Женщина, заклейменная предъ Богомъ какъ воплощеніе зла, получая образованіе, пріобрѣтала только новое орудіе творить зло. Въ Индіи одни баядерки имѣли право учиться читать и писать, по той же самой причинѣ, по какой онѣ учились пѣть и танцовать: надо же было увеселять мущину, бравшаго ихъ изъ храмовъ на прокатъ поденно.

Въ день сватьбы индусъ обѣдалъ вмѣстѣ съ женой, но это былъ единственный случай, когда онъ допускалъ ее къ такой чести. Въ остальное время онъ обращался съ ней какъ съ служанкой, которую бралъ на всю жизнь для стряпни, тканья, воспитанія дѣтей, чистки дома, доенія коровы, натиранія половъ; но если случалось, что мужъ не могъ исполнять супружескихъ обязанностей, то онъ бралъ въ семью помощника, который и замѣнялъ его въ отправленіи этихъ обязанностей у его сожительницы.

Если же женщина сама выбирала такого помощника, то, по законамъ, она обвинялась въ прелю-

бодѣяніи и мужъ могъ принудить ее опустить руку въ кипящее масло; если рука была обожжена, то рана служила свидѣтельствомъ въ измѣнѣ и, въ наказаніе за преступленіе, женщина подвергалась слѣдующей казни. Ее одѣвали въ лохмотья, сажали на осла лицемъ къ хвосту, вымаравъ щеки грязью, провозили ее въ такомъ видѣ по всѣмъ перекресткамъ, среди насмѣшекъ народа и наконецъ бросали, совершенно нагую, на съѣденіе собакамъ, которыя тутъ же растерзывали ее на куски.

Однимъ словомъ, жена индуса, невѣжественная отъ рожденія до конца своей жизни, ѣла, спала, рожала и кормила ребятъ, работала и умирала, не имѣя никакихъ другихъ мыслей и желаній кромѣ мыслей и желаній своего мужа, не получая отъ него въ замѣнъ ни взгляда, ни благодарности, ни сочувствія.

Вотъ какимъ образомъ Подма Пурана объясняетъ женѣ индуса ея обязанности:

Женщина! говоритъ онъ, для тебя нѣтъ бога кромѣ твоего мужа. Когда онъ стоитъ во храмѣ рядомъ съ божествомъ, онъ долженъ быть для тебя блестящѣе самого бога; будь онъ старъ, боленъ, убогъ, въ подагрѣ, увѣчный, зараженный язвой, пьяница, калѣка, развратникъ, грубіянъ, воръ, злодѣй, убійца, ты должна на все смотрѣть сквозь пальцы и обожать его какъ господина. Слушай его, когда онъ говоритъ, любуйся, когда онъ танцуетъ, рукоплещи, когда онъ поетъ, смѣйся, когда онъ смѣется и плачь, когда онъ горюетъ.

Женщина нетолько должна была плакать, когда

плакалъ ея мужъ, но и умирать, когда онъ умиралъ.

Вырывали яму, бросали туда связку хвороста, на нее клали тѣло мужа и все это зажигали съ церемоніей. Пламя вьется изъ костра, и вотъ, при звукахъ сладострастной музыки, приближается вдова, въ пурпуровомъ платьѣ, увѣнчанная листьями и цвѣтами бетеля. Блѣдная, испуганная, опьяненная шафранной водкой и лежа, почти въ обморокѣ, на груди брамина, она три раза обходитъ шатаясь вокругъ костра; послѣ третьяго круга, жрецъ толкаетъ ее; она вскрикиваетъ и исчезаетъ въ пламени.

Вдова индуса должна была принести себя въ жертву подъ страхомъ проклятія; если же она не исполняла установленнаго обряда, то ей брили голову и предавали безчестію. Хотя бы, говоритъ Рамайяна, она была и богата, но тотъ, кто здраво разсуждаетъ, скажетъ о ней: это вдова! Народъ удалялся отъ нея съ отвращеніемъ, даже родной сынъ отворачивался отъ нея. Земля отвергаетъ тебя, такъ умирай же несчастная!

Китайцы также не отличались особенной обходительностью съ женщинами. Женщина, говоритъ китайская Сафо-Пан-ви-Пакъ, сотворена для стыда и горя, и эти слова вполнѣ потверждаются на дѣлѣ. Когда женщина родитъ дочь, ребенка кладутъ на тряпку, и родильницѣ только на третій день подаютъ помощь.

Что же касается дочери, то ее иногда воспитываютъ, когда случается недостатокъ въ товарѣ на рынкѣ; если же женскаго товара много, то поступаютъ другимъ образомъ: въ сумерки часто слы-

шатся крики вдоль рѣки, уносимые вмѣстѣ съ волнами и замирающіе вдали. Это отецъ, положивъ новорожденную дѣвочку въ тыкву, пустилъ ее по теченію. Несчастная дѣвочка обрекается такимъ образомъ на смерть, едва увидѣвъ свѣтъ и не попробовавъ даже материнскаго молока.

Но не всегда же бываетъ рѣка по близости; если ея нѣтъ, то дѣтей бросали на улицу, или въ скотобойню и каждый день проѣзжала телѣга, въ которую собирали эту полуживую или полумертвую груду человѣческаго мяса и бросали ее на съѣдѣніе собакамъ и свиньямъ.

Мужъ могъ развестись съ женой изъ-за ея болтовни или изъ-за дурнаго нрава; «ты мнѣ не нравишься, ступай!» говорилъ онъ ей, и она шла просить милостыню; если у нея сохранилась еще красота, то она продавала себя, потому что мужъ не давалъ ей ничего, кромѣ платья.

Онъ могъ ее бить за малѣйшій проступокъ, даже могъ убить ее, не подвергаясь отвѣтственности. Если же жена посягала на жизнь мужа, то ее приговаривали къ позорной смерти. Ее разрѣзывали на куски и сдирали съ нея кожу.

— Зачѣмъ вы мнѣ проповѣдуете Евангеліе, спрашивалъ китаецъ миссіонера.

— Для спасенія вашей души, отвѣчалъ тотъ.

— Такъ къ чему же проповѣдывать его также моей женѣ?

— Для того, чтобы спасти и ея душу.

— Да развѣ у моей жены есть душа? сказалъ китаецъ, пожимая плечами...

Что же произошло? Женщина безъ души потеряла всю поэзію въ глазахъ мужа; онъ сталъ

искать наслажденій въ парахъ опія. Женщина начала дѣлать тоже, стараясь отыскать утѣшеніе и такимъ образомъ мужъ и жена умираютъ другъ подлѣ друга, въ упоеніи отъ мака.

Другаго исхода нѣтъ, жизнь пробивается наружу, и требуетъ удовлетворенія какой бы то ни было цѣной — или любовью, или пьянствомъ; средины нѣтъ, это законъ историческій.

V.

ЖЕНЩИНА, КАКЪ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОСТОЯНІЕ.

Еврей питалъ такое же презрѣніе къ женщинѣ, какъ и Китаецъ.

Плутъ лучше, чѣмъ честная женщина, говоритъ книга Екклезіаста. Женщина есть неудавшійся мущина, прибавляетъ философъ Филонъ. На утренней молитвѣ еврей говорилъ: Благословенъ Ты, Господи Творецъ неба, за то, что Ты создалъ меня мущиной! А женщина отвѣчала тихо: Благословляю Тебя, Господи, за то, что Ты создалъ меня по Твоему желанію. Іосей, сынъ Іоханама, говорилъ однажды мужу: «Не говори ни съ одной женщиной, а въ особенности съ твоей женой, потому что она отвратила бы тебя отъ ученія и ты ввергнулся бы въ геенну.» Іудеи изображали своего бога существомъ холостымъ и предоставили исключительно мужскому полу обрядъ обрѣзанія, женщина же не обучалась письму, и не смѣла принимать участія въ жертвоприношеніяхъ; она не могла даже входить во храмъ, а должна была оставаться у преддверія его. Бракъ не былъ религіознымъ обрядомъ, а чисто семейнымъ дѣломъ.

Когда былъ подписанъ и скрѣпленъ актъ о продажѣ (потому что, въ сущности, бракъ былъ продажей по подряду), отецъ невѣсты соединялъ руки молодыхъ и, положа свою руку на ихъ головы, говорилъ: «Да будетъ надъ вами Богъ Аврама, я васъ благословляю!» послѣ того всѣ приглашенные шли обѣдать и танцовали въ продолженіе цѣлой недѣли. Въ первый вечеръ, при уходѣ гостей, у дверей молодыхъ пѣли дуетъ или тріо по образцу Пѣсни Пѣсней. Но если въ эту ночь мужъ находилъ, что онъ былъ обманутъ въ достоинствѣ товара, т. е. узнавалъ, что взятая имъ дѣвушка не сохранила дѣвства, тогда онъ былъ вправѣ расторгнуть бракъ. Суду предъявляли доказательства и если, по освидѣтельствованіи, оказывалось, что мужъ сдѣлалъ ложное обвиненіе, то его наказывали кнутомъ; въ противномъ случаѣ, жену побивали каменьями.

Таковъ былъ законъ Моисеевъ.

По закону еврей могъ имѣть нѣсколько женъ. Первая жена сама помогала этому: если она теряла надежду имѣть ребенка, то дозволяла мужу брать наложницу. Иначе и не могло быть. Богъ заповѣдалъ людямъ плодиться.

Мужу надо было каждый годъ не одного ребенка, а нѣсколько дѣтей, а такъ какъ онъ не могъ имѣть ихъ отъ одной жены, то и бралъ нѣсколько женъ. Ему нечего было бояться многочисленности семьи или издержекъ; онъ всегда могъ отпустить лишнюю жену, безъ всякой причины; ему могъ не понравиться ея потъ, ея дыханіе, ея выговоръ, бородавка, слишкомъ полныя или отдаленныя другъ отъ друга груди и нако-

нецъ сожженное жаркое. Онъ давалъ ей отпускъ, написанный на коровьемъ рогѣ, но, по добротѣ, дарилъ ей корову, а иногда и пастуха.

Если мужъ умиралъ бездѣтнымъ, жена доставалась его брату со всѣмъ имѣніемъ; это по закону Моисееву называлось Левиратомъ. Левиръ долженъ былъ замѣнить вдовѣ ея умершаго мужа; но если онъ отказывался отъ нея, то вдова подтверждала, съ своей стороны, этотъ отказъ тѣмъ, что разувала ослушника закона предъ судьей и плевала ему въ лицо, послѣ чего она имѣла право вступить во второй бракъ.

Еврей былъ склоненъ къ ревности; онъ охотно подозрѣвалъ жену въ склонности къ измѣнѣ и при малѣйшемъ подозрѣніи, даже при намекѣ какой-нибудь кумушки, говорившей объ его женѣ вечеромъ за прялкой, онъ могъ подвергнуть ее испытанію горькой воды. Онъ торжественно приводилъ ее предъ Синедріонъ, и если жена отказывалась сознаться въ проступкѣ, судья разрывалъ на ней платье, надѣвалъ на нее черное покрывало и, призывая Бога во свидѣтели, произносилъ жестокое проклятіе: да распадутся твои бедра и да сгніетъ твой животъ. Послѣ этого жена выпивала горькую воду, смѣшанную съ пылью храма. Что же случалось потомъ? жила ли она? или умирала? былъ ли ядъ въ горькой водѣ? Ничего неизвѣстно; но если у какой-нибудь женщины былъ на совѣсти упрекъ въ невѣрности, то она обыкновенно отказывалась отъ испытанія. Законы Моисеевы жестоко преслѣдовали женщину, уличенную въ прелюбодѣяніи или развратѣ; но для разнообразія для каждой было особое наказаніе.

Одну зарывали въ навозъ по поясъ и удушали мокрой салфеткой; другую также зарывали, но вмѣсто того, чтобы душить, ей вливали въ горло растопленный свинецъ.

Но ничто не могло помѣшать разврату процвѣтать въ Іерусалимѣ такъ же какъ и вездѣ, и разставлять свои сѣти даже самому царю Соломону, который, ударяя себя въ грудь, съ раскаяніемъ говорилъ: губы блудницы сладки какъ медъ, а ея прощаніе горько какъ полынь.

Презрѣніе мущины естественно побуждало женщину къ самоосквернѣнію, когда ее не уважалъ мущина, какже ей было уважать саму себя? Когда ей говорили, что она по природѣ склонна къ пороку, какъ же ей было противиться природѣ? Она ловила мущину на словѣ: Я —слабая женщина, говорила она, — и это служило ей извиненіемъ.

Зато Азія и служила въ древности примѣрной школой разврата. Въ Китаѣ, распутство было развито въ высшей степени; въ каждомъ городѣ было множество разукрашенныхъ женщинъ, торговавшихъ собой. При восшествіи на престолъ новаго императора всѣ его приближенные наперерывъ предлагали ему своихъ дочерей, для пополненія его гарема.

Брамизмъ ставилъ развратъ подъ покровительство религіи. Въ пагодахъ выкармливались стада священныхъ коровъ и стада не менѣе священныхъ женщинъ, обреченныхъ съ дѣтства на служеніе Лигаму. Девадаши, обученныя жрецами всѣмъ искуствамъ, пріятнымъ богамъ и людямъ, поливали идоловъ растопленнымъ масломъ и, послуживъ храму, служили людямъ.

Въ Персіи мужья зарабатывали деньги красотой своихъ женъ. На обѣдахъ, даваемыхъ персами иностранцамъ, вино играло не послѣднюю роль, а послѣ десерта женщины снимали сперва покрывала, потомъ платья и, когда гости сдавались на вызовъ, протягивали руки за платой.

Въ Вавилонѣ женщины должны были, по крайней мѣрѣ, разъ въ жизни заплатить дань Венерѣ Мелитѣ. Въ день церемоніи онѣ садились въ два ряда передъ храмомъ богини; путешественники прохаживались между рядами, и если кому нравилась какая-нибудь вавилонянка, онъ трогалъ ее за край плаща и клалъ деньги къ ея ногамъ. Избранная слѣдовала за нимъ въ священный мелитскій лѣсъ и, заплативъ дань богинѣ, требовала росписку. Эта росписка прекращала ея разсчетъ съ богиней.

Ѳивскіе жрецы, въ Египтѣ, посвящали избранныхъ молодыхъ дѣвушекъ Амону, до совершеннолѣтія, послѣ чего носили по нимъ трауръ и выдавали ихъ замужъ.

Наконецъ Изида отыскала Озириса; чтобы отпраздновать это счастливое событіе египтянки, совершенно голыя, танцовали предъ Аписомъ и набожно носили въ процессіи изображеніе бога создателя, дергая поминутно его за шнурокъ.

Но что сказать о женщинѣ, опьяненной опіемъ, съ воспаленными губами и раскрытой грудью, преклоняющейся передъ гадкимъ козломъ или скотскимъ жрецомъ, его олицетворявшимъ?

Для прививки деревъ въ Халдеѣ выбиралась молодая дѣвушка, и въ то время, какъ она разрѣзывала кору..... но лучше прервать разсказъ.

Во время празднествъ въ честь Адониса, въ

Виблосѣ, каждая честная женщина обязана была оплакивать смерть любимца Венеры и обривать себѣ голову, въ знакъ печали: но она могла выкупить свои волосы, принеся жертву богинѣ, съ проѣзжимъ иностранцемъ.

Въ Родоссѣ правившіе олигархи играли въ кости на женщинъ; по окончаніи партіи проигравшій шелъ за ставкой на домъ и, волей неволей приводилъ ее къ выигравшему.

Наконецъ, во всей Малой Азіи молодыя дѣвушки всѣхъ сословій приносили свою первую молодость въ жертву Венерѣ и на вырученныя деньги покупали себѣ мужа. Итакъ, повсюду развратъ подъ тѣмъ или другимъ видомъ,—развратъ въ храмѣ Анотиса, развратъ на могилѣ Гилада, и не тотъ развратъ, который скрывается, порицается и наказывается, а развратъ, освящаемый религіей, обоготворяемый, пользующійся уваженіемъ и перешедшій нѣкоторымъ образомъ въ гражданское учрежденіе.

VI

ЖЕНЩИНА КРАСАВИЦА.

Женщина есть созданіе искусственное, выработавшееся само собою, или лучше сказать прогрессомъ, этимъ вторымъ творцомъ. Природа сотворила ее только вполовину, предоставивъ ей самой развиваться. Женщина росла вѣкъ за вѣкомъ, и, увеличивая свой основной капиталъ, она возвышалась, постепенно пріобрѣтала болѣе вліянія на мущину и наконецъ сдѣлалась изъ вещи человѣкомъ.

Она показала могущество впервые въ Греціи. Однажды въ Аѳинахъ толпа народа увидала на берегу моря выходящую изъ воды голую молодую женщину, отряхивающую съ себя морскую пѣну и выжимающую мокрые волосы. Это была гетера по имени Мнесарета, представлявшая всенародно повтореніе рожденія Венеры. Толпа приняла ее за саму богиню и въ восторгѣ запѣла гимнъ Кипридѣ. Въ этотъ день Греція провозгласила святость тѣлесной красоты. А освятить красоту — значитъ прославить женщину, какъ высшее ея олицетвореніе.

Въ Греціи женщины были красавицы нетоль-

ко въ мраморныхъ изваяніяхъ, но и въ натурѣ. До гомеровской эпохи въ Греціи была только женщина труженица, обреченная мущиной на трудную работу подъ солнцемъ и пылью; она жала, запрягала муловъ, полола коноплю, носила воду, обмывала ноги путешественникамъ, или сажала ихъ въ ванну, вытирала ихъ масломъ и одѣвала. Эта каторжная работа дома и внѣ его убивала тѣло и притупляла умъ. Но при развитіи городской жизни развивалось рабство и рабъ замѣнилъ женщину; онъ взялъ на свою долю самую трудную работу, оставивъ женщинѣ только легкія занятія.

Съ этихъ поръ она смотритъ за домомъ, цвѣтя красотой и свѣжестью; живетъ уединенно, но не затворнически, не коснѣя въ лѣни и бездѣйствіи, какъ одалиска среди тлетворной атмосферы гарема, но принимая иногда участье въ гимнастическихъ играхъ; прогуливается на открытомъ воздухѣ и, благодаря движенію и спокойствію получаетъ окончательную красоту формъ, схваченную скульптурой и передаваемую пароскимъ мраморомъ.

Клѣтчатая ткань, развивающаяся отъ покоя и избавленная движеніемъ отъ чрезмѣрной толщины, развивается настолько, что смягчаетъ рѣзкости тѣла и уничтожаетъ его выпуклости. Въ статуяхъ женщинъ нѣтъ ничего грубаго и рѣзкаго; эллиптическія линіи повсюду скользятъ и сливаются одна съ другой.

Но это еще не наша женщина, это такъ сказать вышедшая изъ моря Венера. Есть другая женщина—женщина въ платьѣ, потому что платье дѣлаетъ женщину. Такъ какъ мы затрогиваемъ уже поднятый вопросъ, то намъ нужно еще разъ

повторить то, что было сказано уже въ другомъ мѣстѣ.

Провидѣніе, вѣчно пекущееся о человѣкѣ, не хотѣло одѣть его какъ всѣхъ животныхъ постоянной одеждой, облекающей тѣло какъ-бы саваномъ и ослабляющей ощущеніе внѣшняго вліянія. Оно предоставило самому человѣку дѣлать себѣ одежду, которую онъ можетъ измѣнять сообразно времени года или своему желанію. Вначалѣ онъ не выдержалъ конкуренціи съ птицами и цвѣтами въ отношеніи цвѣта, но современемъ онъ превзошелъ даже и ихъ.

Красота обусловливается нетолько линіями, но и цвѣтомъ. У женщины есть то и другое, днемъ она съ достоинствомъ облекается въ одежду, потому что одежда вырвала изъ общественнаго достоянія и скрыла отъ коммунистическихъ взглядовъ; она познала стыдъ, свою первую добродѣтель, и скрыла свою красоту подъ покрываломъ Изиды. Красота тѣмъ болѣе дѣйствуетъ на воображеніе, если она, какъ божество, скрывается въ поэзіи невидимаго, за завѣсой алтаря.

Любовь дается, сказалъ Платонъ; если она не дается, а уступается, это уже не любовь, а жертва; любовница это жертва; даръ привлекателенъ особенно потому, что за нимъ остается право отказа. Кто же дорожитъ красотой, которая не свободна въ выборѣ того, кому она отдается?

Вотъ тайна Венерина пояса. Благодаря этому магическому поясу, — женщина располагаетъ сама собой и такъ сказать имѣетъ двойную природу: одну наружную, другую тайную; одну для всѣхъ, другую для избраннаго. И вотъ наступилъ свя-

щенный часъ любви, въ который жизнь возрождается отъ жизни, вступая въ апоѳеозъ, такъ какъ она получаетъ безсмертіе чрезъ возрожденіе; нѣтъ болѣе ни работы, ни тревогъ; все сосредоточено въ тайнѣ и спокойствіи; наступила безмолвная ночь: богъ приближается къ Психеѣ и Психея принимаетъ его на своей груди. Тайный законъ гармоніи постановилъ, чтобы при этомъ божественномъ союзѣ, въ которомъ душа сливается съ другой душой, не оставалось бы ни одной части существа, не принимающей участія въ небесномъ наслажденіи.

Но кромѣ платья есть еще нарядъ, т. е. поэзія красоты. Женщины въ Греціи обладали искуствомъ причесывать волосы. Разнобразная прическа волосъ ихъ, то связанныхъ въ узелъ, то распущенныхъ, то приподнятыхъ, то развѣвающихся по вѣтру и всегда украшенныхъ обручемъ или сѣткой, надушенныхъ маіорановой водой, казалось, выражала состояніе сердца и примѣнялась къ обстоятельствамъ; греческая женщина чувствовала, что вся ея власть заключалась въ волосахъ, а потому для увеличенія обольщенія вплетала въ нихъ жемчугъ и розы, плющъ и виноградныя вѣтви и устраивала изъ своего лба, такъ сказать, жертвенникъ живой природы.

Она украшала себя золотомъ и драгоцѣнностями; въ ушахъ носила золотыя серьги въ видѣ кистей, руки обвивала золотыми змѣями; на плечи она небрежно накидывала тарентскую мантилью; она вся высказывалась въ своей одеждѣ, изъ которой дѣлала что-то живое, одушевленное или изгибами своего стана или своей плавной походкой, до-

того восхитительное, что вездѣ, гдѣ она ни проходила, оставляла за собой какую-то мелодію амврозіи, о которой говоритъ Гомеръ.

Греческая женщина не только умѣла граціозно ходить, она умѣла танцовать; она обладала этой нѣмой тѣлесной музыкой, которая какъ-бы выливала въ особыя формы ея позы и увеличивала блескъ ея красоты. Она обладала еще другимъ искуствомъ, такъ поэтически передающимъ страсть. Страстной рукой она извлекала мелодичные звуки изъ арфы и лиры. Пѣснею она воспламеняла влюбленнаго.

Наконецъ, зеркало раскрыло женщинѣ ея красоту и довело ее до сознанія ея. Я хороша, слѣдовательно я существую. Сразимся! могла она сказать мущинѣ, я знаю тайну взгляда, улыбки, чего-то неопредѣленнаго, волнующагося, что называютъ физіономіей, зеркаломъ души. Отнынѣ красота вступаетъ въ борьбу съ силой и побѣдоносная Венера становится ногой на землю и устремляетъ свои кроткіе голубые глаза въ отдаленное будущее.

VII.

ОЛИМПЪ.

Вездѣ человѣкъ создавалъ боговъ по своему образу, но нигдѣ онъ не создалъ ихъ съ такой полнотой, какъ въ Греціи. Греческая религія есть ни что иное, какъ олицетвореніе самой Греціи, Греціи заоблачной, но близкой къ земной.

Греческій богъ — это человѣкъ въ громадныхъ размѣрахъ, безсмертный до извѣстной степени, такъ какъ ѳеогонія допускала, что Юпитеръ могъ умереть и оставить свое мѣсто другому наслѣднику.

Олимпъ составлялъ федеративную республику, подчиненную особаго рода амфиктіонову суду; у бога и у каждой богини было свое вѣдомство и свое дѣло; у одного небо, у другаго солнце, у третьяго земля, у другихъ море, адъ, поэзія, земледѣліе, торговля; только гегемонія присуждена была съ общаго согласія Юпитеру. Когда поднимался какой-нибудь вопросъ, его обсуждали въ общемъ совѣтѣ, а если не доставало какого-нибудь бога, то рѣшеніе отлагалось до другаго раза.

Такимъ образомъ богъ мужскаго или женскаго

пола проходилъ всѣ фазы человѣческой жизни; онъ рождался какъ человѣкъ, такъ же кормился грудью, росъ, работалъ, ѣлъ, пилъ и дѣлалъ по-человѣчески все; только дѣятельность его была пошире.

Наконецъ богини рождали съ такимъ же трудомъ, какъ и простыя смертныя, прибѣгая къ пособію повивальной бабушки Иллитіи.

Божественность не предохраняла тѣло отъ страданій. Когда Аяксъ ранилъ Марса, раненый кричалъ на все небо, а когда онъ ранилъ Венеру, она приложила руку къ ранѣ и зарыдала отъ боли. Юпитеръ однажды разсердившись на Юнону, замахивается на нее своей могучей рукою и стращаетъ, заклеймить ее такъ, что она двѣнадцать лѣтъ не выздоровѣетъ.

Душа небожителя была одинакова съ душой гомеровскаго героя. Должно быть, изъ состраданія къ человѣчеству, небожители раздѣляли всѣ его страданія, гнѣвъ, вѣроломство, лицемѣріе, зависть, мщеніе, коварство. Церера лгала, Апполонъ также, Юнона, обманывая Венеру, лгала, Юпитеръ лгалъ, хотя при своемъ всемогуществѣ онъ и не нуждался во лжи, а потому ни одинъ богъ не вѣрилъ слову другаго бога; въ важныхъ дѣлахъ существовала клятва Стиксомъ, потому что эта клятва подвергала клятвопреступника расправѣ ада.

Боги были весьма взыскательны; если кто-нибудь не оказывалъ должнаго почтенія къ ихъ могуществу, они жестоко отомщали за оскорбленіе. Разъ Минерва попробовала играть на флейтѣ, но, увидавъ въ зеркалѣ, что она дѣлаетъ гримасы, съ

досадой бросила флейту; Марсіасъ поднялъ ее и продолжалъ пьесу, начатую богиней; богиня въ наказаніе за дерзость присудила его къ палочнымъ побоямъ. Въ другой разъ тотъ же несчастный артистъ вызвалъ на состязаніе Апполона, а этотъ привязалъ его къ дереву и съ живаго содралъ кожу; человѣкъ, родившійся отъ женщины, не смѣлъ показывать неуваженіе къ богу музыки.

Боги сходились съ людьми болѣе всего въ дѣлѣ волокитства. Юпитеръ имѣлъ одну жену для приличія; но онъ безпрестанно пускался въ поиски за женщинами вмѣстѣ съ Меркуріемъ; онъ переодѣвался на всевозможные лады, чтобы обольстить какое-нибудь земное существо, влюбленное до безумія въ чудесную сверхъестественную силу, обоготворивъ его мимоходомъ, онъ возвращался во всей своей славѣ къ Юнонѣ, которая дулась на него и въ отомщеніе за невѣрность ложилась спать отдѣльно. Послѣ похожденія рождался незаконный ребенокъ, получеловѣкъ, полубогъ, сближавшій еще болѣе небо съ землею.

Такъ какъ владыка Олимпа смотрѣлъ на бракъ такъ легко, то богини могли ему подражать. Венера, у которой мужъ былъ хуже чѣмъ у другихъ, ищетъ утѣшенія въ Марсѣ, потому что въ любви для кокетки лучшій изъ всевозможныхъ любовниковъ—солдатъ; но Вулканъ поймалъ развлекавшихся и всѣмъ извѣстно его шутовское мщеніе; Олимпъ до сихъ поръ смѣется надъ нимъ во все горло. Богъ войны, пойманный на мѣстѣ преступленія, долженъ былъ заплатить штрафъ оскорбленному.

Но урокъ не исправилъ неисправимой Венеры; когда она не находила боговъ подъ рукой, то спускалась ниже и проводила вечера съ Анхизомъ. Она показывала такимъ образомъ примѣръ всѣмъ, у кого была въ жилахъ хоть капля божественной крови; Нимфа съ необузданностью предавалась любви, Цирцея овладѣла Улиссомъ, какъ добычей, при первой встрѣчѣ.

У богинь не было гордости, и онѣ были готовы оказать при случаѣ самую мелкую услугу; Ѳетида отгоняла мухъ съ тѣла Патрокла.

Олимпъ былъ въ сущности дворомъ любви, сладострастнымъ апоѳеозомъ силы и красоты. Во всей этой миѳологіи была условленная символика или философская система природы, въ ней мѣстами можно найти отголоски индѣйскаго и греческаго пантеизма.

Напримѣръ разсказъ о Церерѣ изображаетъ, безъ сомнѣнія, міровую творческую силу; поэтому то символъ оплодотворенія и играетъ роль въ ея процессіяхъ такъ же какъ и на празднествахъ въ честь Изиды.

Но въ Греціи не существовало особаго духовенства, жрецовъ выбирали по жребію, какъ нынче присяжныхъ; первый попавшійся гражданинъ могъ занять должность верховнаго жреца и, послѣ годоваго исполненія этой обязанности, опять перейти въ прежнее сословіе. Такъ какъ это временное исполненіе жреческой должности не имѣло и не могло имѣть назначенія разъяснять догматъ, сокрытый подъ символами, то естественно, что легенда поглотила совершенно мысль. Религія вы-

ступила изъ предѣловъ теологіи и вступила въ область воображенія; съ этихъ поръ она обратилась въ легкую поэзію любви и удовольствій.

Какъ бы то ни было, двуполая религія Олимпа, ставя боговъ мужскаго и женскаго пола на одну ногу, должна была отразиться на судьбѣ женщины и возвысить ея значеніе вслѣдствіе уваженія къ богинямъ; поэтому женщина имѣла право поступать въ жрицы и приносить жертву въ часъ жертвоприношенія, иногда она даже наливала священное вино въ янтарныя чаши, вылепленныя на своихъ грудяхъ и, возливала его на жертвенникъ, какъ-бы принося въ жертву богу все, что было въ ней священнаго.

Когда богъ хотѣлъ говорить народу и предрекать ему будущее, онъ предпочиталъ говорить устами женщины. Молодая дѣвушка садилась на треножникъ и, нагнувшись надъ отдушиной, смущенная, взволнованная, наэлектризованная священнымъ токомъ, слишкомъ сильнымъ для человѣческаго тѣла, она вскакивала и передавала съ пѣною у рта божественное изрѣченіе. Такъ говорила на всю Грецію Пиѳія изъ глубины своей пещеры и объявляла миръ или войну.

Когда женщина получила значеніе предъ богомъ, она пріобрѣла его и предъ человѣкомъ; Греція возвысила ее установивъ моногамію.

Мужъ болѣе не покупалъ жены и, слѣдовательно, она не дѣлалась его собственностію; внося свою долю приданымъ, она принимала участіе въ расходахъ общины. Вступая въ бракъ, она не отдавалась въ наемъ, но становилась союзницей мужа и,

при расторженіи союза вслѣдствіе развода или смерти, она брала свой взносъ обратно. Такимъ образомъ она стала личностью, получила гражданское существованіе, хотя очень не прочное; но одноженство положило основаніе обязательнымъ отношеніямъ, которыя развиваются въ дальнѣйшей исторіи человѣчества.

VIII.

ЖЕНЩИНА ВЪ СПАРТѢ.

Не слѣдуетъ однако придавать слишкомъ большаго значенія этому начальному развитію свободы, которое было ни что иное, какъ только прекращеніе прежняго рабства.

Скажемъ нѣсколько словъ о спартанскихъ женщинахъ; противоестественная спартанская республика стоитъ того, чтобы упомянуть о ней.

Ликургъ преобразилъ пиратство въ республику; онъ сдѣлалъ изъ націи шайку и Спарту превратилъ въ какую-то пещеру; въ ней не было ни торговли, ни наукъ, ни промышленности,— война и только одна война занимала спартанцевъ. Эта порода людей была похожа на дикихъ звѣрей, она выла сражаясь, выла подавая голоса, она выбирала въ эеоры кандидата, вывшаго громче всѣхъ, обладала склонностью къ жестокости и призваніемъ къ вѣроломству.

Тамъ сѣкли дѣтей, чтобы пріучить ихъ къ боли, сѣкли рабовъ, чтобы напомнить неволю; когда молодежи нечего было дѣлать, она отправлялась въ

сумерки въ лѣсъ, поджидать запоздалаго илота и убивала его, ради развлеченія.

Спарта посылала въ даль экспедицію, но кто въ это время будетъ наблюдать за рабами? Она собираетъ ихъ на площадь. «Мнѣ нужно солдатъ», говоритъ она,—выберите изъ среды себя двѣ тысячи храбрецовъ и я даю имъ свободу и завербовываю ихъ въ мое войско.» Повинуясь приказанію они выбрали двѣ тысячи по жребію; Спарта увѣнчиваетъ ихъ цвѣтами и съ торжествомъ обводитъ вокругъ алтаря свободы. Съ тѣхъ поръ никто ничего о нихъ не слыхалъ; спартанцы зарѣзали ихъ, чтобы предупредить всякую попытку возмущенія. Этотъ хищный народъ, мечтавшій только объ убійствѣ и грабе́жѣ, видѣлъ въ женщинѣ одно средство произведенія на свѣтъ солдатъ и, для улучшенія этого производства, онъ подчинилъ ее тѣмъ же правиламъ, какъ и дѣтей народа, молодыхъ спартанцевъ, приготовляемыхъ для поступленія въ войско. Въ кулачныхъ бояхъ дрались вмѣстѣ молодыя дѣвушки, едва одѣтыя, и молодые бойцы, натертые масломъ. Такимъ образомъ, выведенная на арену женщина какъ-бы перерождалась; она дѣлалась полумущиной, полуженщиной.

Разумѣется, что между людьми, которыхъ ничто не привлекало другъ къ другу, не могло быть и помину о любви, могъ быть только бракъ, но и самый бракъ былъ дѣломъ случая. Когда наступало время для замужества, всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ собирали и гуртомъ запирали въ темную комнату; часъ спустя, въ этотъ мракъ, населенный незримыми призраками, впускали юношей.

Они ступали ощупью съ распростертыми рука-

ми, ловя дѣвушекъ; и какъ только спартанецъ дотрогивался до головы какой либо дѣвушки, дѣло было кончено, бракъ заключенъ, она дѣлалась его собственностью и, во что бы то ни стало, онъ долженъ былъ жениться на номерѣ, взятомъ въ лотереѣ этихъ брачныхъ жмурокъ; одинъ изъ царей, желавшій перемѣнить выбранную имъ дѣвушку, долженъ былъ заплатить штрафъ.

Дѣвушку, взятую такимъ образомъ по судейскому приговору, отдѣляли; обривъ ей голову и накинувъ ей мужкой плащъ на плечи, отводили въ темную комнату, гдѣ она должна была ждать своего часа. Въ это время мужъ шелъ ужинать за общій столъ. Но между однимъ кушаньемъ и другимъ, т. е. между молочнымъ бульономъ и кушаньемъ изъ лука, онъ выходилъ на цыпочкахъ и чрезъ нѣсколько времени возвращался кончать свой ужинъ. Это отсутствіе на четверть часа и составляло всю церемонію брака.

Ликургъ смотрѣлъ на бракъ съ точки зрѣнія производства, т. е. увеличиванія народонаселенія, остальное было совершенно лишнее, безполезное време-препровожденіе. Зато онъ и изгналъ любовь изъ своей казармы. Но, несмотря на это, холостякамъ онъ отказывалъ въ правѣ гражданства.

При первомъ снѣгѣ собирали всѣхъ холостыхъ, раздѣвали ихъ до-нага и заставляли бѣгать вокругъ статуи Діаны; спартанскія красавицы давали имъ мимоходомъ пощечины или удары плетью и во время наказанія пѣли шуточную пѣсню въ назиданіе того, какъ слѣдуетъ уважать законы природы; наказанные платили послѣ этого штрафъ. Въ Спартѣ чувства стыда не было вовсе; вперe-

ди всего стояла цѣль населенія страны. Мужъ отдавалъ свою жену на время сосѣду и въ свою очередь пользовался его женой, законъ повелѣвалъ эту смѣну для смѣшенія породъ; по окончаніи опыта всякій бралъ свою собственность назадъ. Когда старикъ женился на молодой дѣвушкѣ, то каждый желающій могъ идти на помощь мужу. Спартанское войско осаждало Месену; оно поклялось вернуться въ Спарту только по взятіи города; осада продолжалась столько же времени какъ и осада Трои и, во время этой долгой Иліады, молодыя дѣвушки, принужденныя къ безбрачію, печально проводили время.

Къ счастью въ лагерѣ были новобранцы, не дававшіе обѣщанія и потому имѣвшіе возможность возвратиться въ Спарту, не измѣнивъ клятвѣ, данной богамъ. Ихъ отдѣлили отъ арміи съ тайнымъ порученіемъ на пользу государства; они вошли ночью въ Лаконію и исполнили приказаніе.

И вотъ законодатель, помѣшавшійся на войнѣ, беретъ женщину въ свои желѣзныя руки, приспособляетъ ее къ нуждамъ своего звѣринца, стараясь всячески исказить ее, и для чего? чтобы сдѣлать изъ нея родъ женщины–кобылы, способной давать отечеству какъ можно болѣе самыхъ лучшихъ дѣтей; а когда она рожала хилаго ребенка, его выбрасывали какъ безполезное существо.

И несмотря на то, эта женщина, изуродованная, оскорбленная во всемъ, что въ ней есть священнаго, будетъ современемъ владычествовать и завладѣетъ республикой. Она отбросила всякую скромность, она пріобрѣла въ гимнастическихъ упражненіяхъ привычку не останавливаться ни

предъ чѣмъ; она тѣмъ болѣе будетъ въ состояніи повелѣвать мущиной, найдя средство обходиться безъ него.

Безпрестанно оставаясь безъ мужа, она старалась въ кутежѣ найдти утѣшеніе отъ своего одиночества, и, переходя всѣ степени разврата, несвойственнаго ея характеру и наклонностямъ, она кончила тѣмъ, что впала въ андроманію. Алкивіадъ соблазнилъ жену короля Агида, несмотря на присмотръ эѳоровъ; правда, это ему стоило порядочной суммы денегъ, онъ заплатилъ сто дариковъ; когда его упрекали въ этомъ, то онъ сказалъ: я хотѣлъ основать новую династію.

Венера всегда водила на помочахъ Марса; Гомеръ первый сказалъ это и исторія повсюду повторяетъ тоже самое. Въ Спартѣ мущина властвовалъ, а женщина управляла. На это много было причинъ: прежде всего, мужья постоянно уходили на войну и большею частію умирали тамъ; при этой системѣ постоянной рѣзни народонаселеніе Спарты при Аристотелѣ составляло девять десятыхъ народонаселенія ея при Ликургѣ.

Въ Спартѣ женщины имѣли право получать наслѣдство, а, при смертности воинственнаго пола, онѣ наслѣдовали такъ, что въ скоромъ времени треть Лаконіи перешла въ ихъ владѣніе. Такъ какъ управленіе надъ имѣніемъ принадлежало исключительно имъ самимъ, то онѣ, владѣя богатствомъ, повелѣвали мужьями какъ хотѣли и воспользовались своимъ всемогуществомъ, чтобы выказать неимовѣрную роскошь въ нарядахъ.

Роскошь порождаетъ сладострастіе: всѣ лучшія, драгоцѣнныя вещи, тонкія какъ паутина ткани

привозились въ Спарту, чтобы украсить голову или грудь какой-нибудь правнучки Ликурга. Вскорѣ, несмотря на неуваженіе къ холостымъ, не находилось настолько отважныхъ холостяковъ, чтобы жениться на дорого стоющемъ, роскошномъ предметѣ, называвшемся спартанской наслѣдницей. Вотъ прекрасное платье, говорилъ одинъ философъ въ Пентесилеѣ, платье неоцѣнимое и великолѣпно вышитое; но оно помѣшаетъ тебѣ найдти мужа.

Богатая женщина не могла безъ страха подумать о смерти. Въ прежнее время спартанская гражданка могла, изъ любви къ отечеству, доходить до самозабвенія и танцовать при извѣстіи о смерти сына, убитаго на войнѣ; она даже могла болѣе— собственноручно умертвить сына, обвиненнаго въ трусости. Но съ тѣхъ поръ какъ Спарта успѣла ограбить Грецію, женщина также получила свою часть въ добычѣ, и съ этого времени впала въ тотъ хроническій страхъ, который называется чувствомъ самосохраненія.

Наконецъ пробилъ часъ паденія Спарты; Эпаминондъ приближается, онъ подступилъ уже къ предмѣстью; вокругъ повсюду горятъ деревни какъ-бы отмѣчая его путь; что будетъ дѣлать въ минуту осады эта героиня, воинственно воспитанная на аренѣ? забьется ли въ ней прежнее спартанское сердце, въ состояніи ли она будетъ стать рядомъ съ опасностью, взять пику въ руки и биться на окопахъ? Нѣтъ, при первомъ появленіи ѳивскаго войска, она, внѣ себя, начинаетъ бѣгать по всему городу, кричитъ, плачетъ, подаетъ сигналъ ко всеобщему бѣгству и приводитъ въ безпорядокъ гарнизонъ.

Никогда еще задуманная кѣмъ-либо мысль въ исполненіи своемъ не приходила къ такимъ страннымъ противорѣчіямъ, къ какимъ привело въ Спартѣ законодательство Ликурга. Онъ хотѣлъ изгнать любовь изъ республики и ввелъ только развратъ; онъ хотѣлъ водворить въ ней бѣдность, а сосредоточилъ роскошь; онъ хотѣлъ уничтожить женщину, а между тѣмъ улучшилъ ея положеніе; онъ хотѣлъ пріучить ее къ мужеству, а породилъ въ ней трусость, и отъ этой парадоксальной республики, которая была ни что иное, какъ безпрерывное противодѣйствіе человѣческой природѣ, осталось только одно ясное доказательство безсилія человѣка создать общество по своимъ соображеніямъ.

IX.

ЖЕНЩИНА ВЪ АѲИНАХЪ.

Слѣдовательно не въ Спартѣ нужно искать греческую женщину, а въ Аѳинахъ. Вмѣсто того, чтобы выставлять ее напоказъ съ дѣтства и выпускать ее на публичныя площади, аѳинскій народъ берегъ ее взаперти, въ гинекеяхъ; молодая дѣвушка не могла видѣть суженаго, назначеннаго ей судьбой. По достиженіи совершеннолѣтія, отецъ выбиралъ ей мужа, молодаго или стараго—все равно, ей нечего было спорить объ избранномъ, она должна была принимать его.

Исхомакъ говорилъ женѣ на другой день брака: обсудивъ дѣло съ твоимъ отцемъ, я избралъ тебя въ жены.

Мужъ выбиралъ, жена покорялась выбору, вотъ аѳинскій бракъ; спорили о суммѣ приданаго, но, условившись въ цифрѣ, женихъ цаловалъ невѣсту и давалъ ей денежный подарокъ. Послѣ этого дѣвушка прощалась съ Діаной, богиней дѣвственности, и приносила ей умилостивительную жертву—свѣтильникъ и свинью. Но она старалась при этомъ вынимать изъ жертвы желчь и выбросить ее за

алтарь; значеніе этого обряда было то, что жена никогда не должна сердиться на мужа.

Послѣ примиренія невѣсты съ Діаной, женихъ пріѣзжалъ за ней въ колесницѣ при наступленіи ночи; она садилась подлѣ него съ конжутнымъ вѣнкомъ на головѣ и съ сковородой въ рукѣ; съ каждой стороны колесницы шли два ряда дѣвушекъ съ корзинками, наполненными цвѣтами или фруктами, смотря по времени года; одинъ изъ паранимфовъ или шаферовъ, съ вѣткой боярышника открывалъ шествіе вмѣстѣ съ гипонимфидой или подругой невѣсты.

Паранимфидъ пѣлъ: «я перемѣнилъ свою настоящую долю на гораздо лучшую.» Когда кортежъ подъѣзжалъ къ дому молодаго, убранному по этому случаю цвѣтами, молодая сходила съ колесницы, и лишь только входила въ домъ, сжигали оглоблю колесницы въ знакъ того, что невѣста должна была оставить всякую мысль о возвращеніи; кромѣ этого, она находила въ передней статую Венеры, попиравшую ногой черепаху. Потомъ она ужинала вдвоемъ съ мужемъ и при десертѣ одна изъ дѣвушекъ, несшихъ корзины, опрокидывала ей на голову корзинку, въ знакъ изобилія.

По окончаніи ужина она шла въ спальню; одна изъ невольницъ разувала ее, въ то время какъ другая, называемая лутрофора, обливала ее очистительной водой изъ источника Коллироэ; послѣ омовенія она раздѣляла пополамъ съ мужемъ гранату или айву, и съ этого дня имѣла право садиться за прялку, т. е. умирать со скуки; но если она въ состояніи была понять прелесть семейнаго очага, то получала почетный титулъ эпимелиды,

т. е. хозяйки; эпимелида сохраняла свое дѣвичье имя, потому что, еслибы она носила имя мужа, то могли бы подумать, что она составляла съ нимъ одно лице, тогда какъ на дѣлѣ оба они управляли особыми хозяйствами.

Со дня своей свадьбы она не видалась съ своимъ мужемъ, или видѣла его только по временамъ, въ дни, установленные законодательствомъ Солона, потому что законъ предписывалъ мужу непремѣнно посѣщать жену четыре раза въ мѣсяцъ. Съ кѣмъ ты говоришь меньше чѣмъ съ женой? спрашивалъ Сократъ у одного изъ мужей. Ни съ кѣмъ, наивно отвѣчалъ аѳинянинъ; да и въ самомъ дѣлѣ, о чемъ могъ онъ говорить съ этой напуганной простушкой, воспитанной въ полномъ невѣжествѣ?

Женщина была заперта въ свой гинекей, находившійся въ первомъ или во второмъ этажѣ и выходившій на задній дворъ; въ него входили узкимъ корридоромъ, запиравшимся дверью, а часто переносной лѣстницей, которую невольникъ отнималъ при солнечномъ закатѣ. Женщинѣ запрещено было оставлять свое помѣщеніе безъ позволенія мужа, также какъ и переходить изъ одной комнаты въ другую, принимать гостей и глядѣть въ окна.

Если же она и получала разрѣшеніе отъ мужа идти въ городъ или деревню, то, по закону, она брала только одно платье для перемѣны и небольшую корзинку, въ предупрежденіе слишкомъ долгой отлучки. Куда бы она ни шла, ее сопровождала наперсница или какой-нибудь слуга, слѣдовавшій за ней по пятамъ ночью съ факеломъ, а днемъ съ зонтикомъ; во все время прогулки вуаль дол-

жна была быть опущена; но при всемъ этомъ, она все-таки должна была быть тщательно одѣтой, потому что при малѣйшемъ отступленіи отъ принятыхъ въ этомъ отношеніи правилъ, гинекомъ или надзиратель, которому было поручено наблюденіе за благочиніемъ между женщинами, приговаривалъ виновную къ штрафу и записывалъ ея имя на корѣ платана, которая выставлялась въ керамикѣ.

Аѳинскій народъ не имѣлъ понятія о домашней жизни; самый домъ доказывалъ его равнодушіе къ домашнему крову и быту. Тамъ не было ничего такого, что бы могло привязывать мущину къ его жилищу.

Домъ Сократа стоилъ двѣсти франковъ вмѣстѣ съ мебелью; имѣть домъ въ двѣ тысячи франковъ считалось сумасшествіемъ. Въ Греціи жизнь публичная поглощала жизнь частную, гражданинъ жилъ на открытомъ воздухѣ и исчезалъ въ обществѣ своихъ согражданъ. Въ Греціи работали одни рабы, свободный гражданинъ считалъ для себя униженіемъ учиться какому-нибудь ремеслу, и потому никакое занятіе не удерживало его дома; такимъ образомъ онъ постоянно былъ праздношатающимся; ходилъ въ гимназію, въ театры, на площадь, въ пирей, академію, трактиръ, однимъ словомъ всюду, гдѣ только могъ найдти развлеченіе и разсѣять скуку отъ бездѣлья. Въ Греціи было установлено однобрачіе, но законъ допускалъ наложничество, т. е. до нѣкоторой степени многоженство. У насъ жены для поддержанія фамилій, говорилъ Демосѳенъ, а наложницы для удовольствія. Но наложница могла только тогда одержать

верхъ, когда она была привлекательнѣе жены; въ такомъ случаѣ мужъ предпочиталъ жить съ ней.

Что же оставалось дѣлать женщинѣ, совершенно покинутой или довольствующейся узаконенными посѣщеніями мужа. Она вступала въ борьбу съ своей соперницей; соперница—красива, жена въ свою очередь сдѣлается красавицей; она прибѣгнетъ къ помощи искуства, она пустить въ ходъ всѣ средства женской хитрости, чтобы склонить побѣду на свою сторону; и вотъ она принимается подкрашивать брови, пудрить волосы, натирать щеки бѣлилами и румянить ихъ сокомъ тутовыхъ ягодъ, красить грудь зеленой яшмовой краской и опрыскиваться киннамоновой водой. Взглянетъ на себя въ зеркало эта красивая женщина, зажигаетъ лампу и ждетъ. Но время идетъ, она ожидаетъ напрасно; въ отчаяніи бросается она на постель, причемъ вся краса стирается съ лица. Вдругъ она слышитъ звуки флейты, говоръ и смѣхъ, это мужъ веселится у наложницы вмѣстѣ съ друзьями; при окончаніи ужина, для воспаленія воображенія гостей, молодые танцоръ съ танцоркой представляютъ въ натурѣ союзъ Бахуса съ Аріадной.

Чѣмъ же было ей развлечься отъ этой пытки супружеской жизни? Работой? но рабыни работали за нее. Чтеніемъ? но женщинъ не учили читать, да и въ то время книга была рѣдкостью. Мечтать? но о чемъ? Мечта предполагаетъ такую дѣятельность души, которая пріобрѣтается только образованіемъ.

Что же ей оставалось дѣлать для избѣжанія этой скучной однообразной жизни?

Женщина начинаетъ искать утѣшенія въ пьянствѣ; она пьетъ безъ мѣры греческое вино, густое какъ варенье, родъ спиртуознаго желе, туманящаго голову; она до такой степени пристрастилась къ амфорѣ, что мужъ ея принужденъ запечатать дверь гинекея, чтобы его жена не могла подниматься въ погребъ (такъ какъ у древнихъ погреба помѣщались на чердакѣ). Увы! говоритъ одна изъ женщинъ Аристофана, мы не можемъ больше доставать сами вино изъ погреба, потому что мужья наши запираютъ его маленькимъ замысловатымъ лаконскимъ ключомъ и запечатываютъ замочную скважину такой печатью, съ которой никакъ нельзя снять слѣпка.

Вотъ, что говорила аѳинянка временъ Аристофана. Но что значитъ лаконскій ключъ? Что значила печать? Нѣтъ ни двери, ни стѣны, чрезъ которую не прошла бы скучающая женщина.

X.

ВАКХАНКА.

Вина было уже не достаточно, нужна была оргія. Эвоэ! вотъ ѣдетъ богъ; это праздникъ Бахуса, и толпа повторяетъ Эвоэ!

При этомъ возгласѣ нѣтъ ни одной набожной аѳинянки, которая не почувствовала бы въ себѣ присутствія божества. Она сбрасываетъ свое платье и полунагая съ открытою грудью устремляется въ средину вакханскаго празднества, громко крича; Эвоэ!

И вотъ вакханты и вакханки съ распущенными волосами, пьяные, съ козлиными шкурами на плечахъ идутъ и валяются по улицамъ, при звукахъ тамбуриновъ, флейтъ, кастаньетовъ и погремушекъ, и кричатъ Эвоэ!

Сначала идутъ канефоры, матроны, жрицы, несущія мистическую вазу, священныя качели и эмблему мущинъ и женщинъ изъ фиговаго дерева.

Потомъ слѣдуютъ менады, украшенныя плющомъ, закинувъ голову назадъ, размахивая ѳирсами и потрясая на народъ змѣями.

Прохожіе, не подходите къ нимъ; у нихъ рука

такъ же страшна, какъ у вакханокъ Эврипида, однимъ ударомъ убивавшихъ быка; онѣ растерзаютъ человѣка въ куски, какъ Орфея или Пантея. Время отъ времени раскрытый мѣхъ переходитъ изъ рукъ въ руки и менады прикладываютъ свои распаленныя уста къ отверстію, почерпая въ послѣднихъ капляхъ вина еще болѣе божественнаго вдохновенія.

И тогда онѣ вырываютъ козлятъ изъ рукъ жрецовъ, растерзываютъ ихъ ногтями, зубами и, вымаранныя кровью, декламируютъ грязные стихи, объясняя ихъ выразительными жестами. Честной женщинѣ нужно же пользоваться жизнью въ свою очередь, кутежемъ вознаградить себя за потерянное время; позабыть все, но зато пожить. Зараза мало-по-малу захватываетъ самихъ мущинъ; при проходѣ вакханаліи они чувствуютъ какое-то священное потрясеніе въ тѣлѣ, и увлекшись сочувствіемъ, весь народъ пускается въ пляску.

Демосѳенъ однажды сходилъ съ трибуны, гдѣ онъ громилъ Филиппа; увидавъ проходящій кортежъ по агорской площади, онъ пустился въ плясъ въ честь бога винодѣлія.

Наконецъ наступаетъ ночь, да и пора: вакханки не въ состояніи ходить, ихъ ноги подгибаются, голова качается и, едва достигнувъ храма бога Либера, онѣ въ изнеможеніи падаютъ въ траву священнаго лѣса.....

Иногда вспыхнувшій факелъ освѣтитъ смѣшанныя группы; изрѣдка слышны только послѣднія вспышки вакхической эпилепсіи, замирающей въ темнотѣ.

На разсвѣтѣ, остывшія менады просыпаются,

какъ-бы отъ сквернаго сна; онѣ поднимаются съ мѣста оргіи и блѣдныя, измученныя, тихо возвращаются домой и часто отъ этой тайной ночи приносятъ мужу лишняго ребенка.

Возвратившись въ свою темницу, онѣ продолжаютъ свою скучную жизнь; оставшаяся привычка электризовать себя пріемами вина разстраиваетъ ихъ нервную систему и ввергаетъ въ мрачную меланхолію, увеличивающуюся отъ какого-то тайнаго милезскаго заклинанія..... до тѣхъ поръ, пока, соскучившись ждать отсутствующаго мужа, не отдадутся другому.

Онѣ задыхаются въ этомъ удушливомъ воздухѣ, имъ нуженъ воздухъ другой, драма, пространство, гдѣ бы то ни было, какъ бы то ни было, за какую бы то ни было цѣну; только бы быть свободными, чувствовать, разнообразить ощущенія; борьба съ препятствіями придаетъ еще болѣе прелести тайной любви. Да и не справедливо ли это? не есть ли это законъ возмездія? Спросите объ этомъ лучше у жены Демосѳена: ея мужъ взялъ себѣ любовника, и она его раздѣляетъ съ мужемъ.

Чѣмъ болѣе матрона подвергалась опасности, тѣмъ болѣе она выказывала хитрости; жена Эѳилета съумѣла во время смазать дверь и запереть своего тюремщика; Филумена, только-что вышедшая замужъ, усыпляетъ своего мужа соннымъ порошкомъ и идетъ ужинать съ пріятелями, да еще съ какими пріятелями!

Несмотря на строгость заключенія, замужняя женщина нисходитъ до уровня куртизанки; она предается кутежу каждый день, и когда ей нужно воздержаться въ продолженіе девяти дней, во время

празднествъ Цереры, она принуждена бываетъ прибѣгнуть къ противоядію, ложась спать на подстилкѣ изъ цѣломудренника.

Но мужъ могъ поймать жену въ связи; если онъ ловилъ ее съ рабомъ, то не ища никакого удовлетворенія, убивалъ его. Онъ имѣлъ на это болѣе чѣмъ право; это былъ его долгъ. Если же онъ ловилъ жену съ гражданиномъ, то выгонялъ ее изъ дому и виновная дѣлалась существомъ, отверженнымъ отъ общества и стоявшимъ внѣ законовъ; ее билъ кто хотѣлъ, ее даже можно было убить, и чтобы заклеймить въ глазахъ всѣхъ ее пускали босикомъ и въ нищенской одеждѣ.

Что же касается до ея сообщника, то ему стригли волосы и зажимали ротъ рѣпой или вѣткой терновника и обсыпали пепломъ. Мужъ имѣлъ право убить его на мѣстѣ преступленія, но обыкновенно предпочиталъ выкупъ.

Обсудивъ дѣло, современемъ мужъ и жена кончали тѣмъ, что заключали между собой договоръ, основанный на взаимной терпимости. Мужъ не переставалъ уважать жену, говоритъ Ксенофонтъ, хотя бы она имѣла сношенія съ другимъ мущиной, если онъ былъ увѣренъ, что ея дружба къ нему отъ этого не поколеблется.

Мужъ болѣе чѣмъ уважалъ женины грѣхи; онъ извлекалъ при случаѣ изъ нихъ свои выгоды, онъ продавалъ ее и раздѣлялъ съ ней барыши, даже имѣлъ законное право отдавать ее кому нибудь поденно и она не смѣла жаловаться. Онъ могъ завѣщать ее одному изъ своихъ друзей, наслѣдникъ, въ свою очередь, могъ принять наслѣдство, если это было ему выгодно; но завѣщенная вдова

не имѣла возможности протестовать противъ такого закрѣпленія ея за другимъ.

Если у периклеры, т. е. у всеобщей наслѣдницы, не было дѣтей, то ея ближайшій родственникъ могъ занять мѣсто ея мужа, чтобы исправить вину, нанесенную ея неспособностью всей семьѣ.

Наконецъ, когда умиралъ мужъ периклеры, оставивъ ее бездѣтной, ближайшій родственникъ вдовы, хотя бы даже женатый, долженъ былъ развестись съ женой и быть преемникомъ умершаго.

Такъ повелѣвалъ законъ Солона, съ цѣлью поддержанія родственнаго единства неприкосновенностью родоваго имѣнія. На вещь обращали больше вниманія, чѣмъ на лицо, служившее какъ-бы прибавкой къ имѣнію.

Жена имѣла такое же право какъ и мужъ требовать развода, въ случаѣ несходства характеровъ, но это было чисто почетное право, не примѣнимое на практикѣ; какая бы жена захотѣла разсказывать всенародно о своемъ супружескомъ несчастіи безъ опасенія возбудить насмѣшки?

Жена Алкивіада хотѣла разъ попытаться развестись съ нимъ, но только что она явилась предъ судьями, какъ смѣшалась, заикнулась на первомъ словѣ и попросила о помилованіи; мужъ взялъ ее за руку и увелъ домой при одобреніи всего народа.

Аѳинянка, не имѣвшая никакой свободы, и находясь всегда подъ опекой, будучи молодой дѣвушкой у отца, женщиной у мужа, вдовой у дѣтей, не могла ни управлять своимъ имѣніемъ, ни свидѣтельствовать, ни завѣщать, ни требовать право-

судія. Лизидій говоритъ гдѣ-то, что ее можно сравнивать съ рабомъ, и подвергать пыткѣ.

Когда мужъ растрачивалъ имѣніе своей жены, то она не могла ничего предпринять сама противъ него, а должна была обратиться къ законному опекуну, къ первому архонту.

Когда умиралъ мужъ, вдова переходила изъ его опеки въ опеку сына, и этотъ шестнадцатилѣтній, юноша не имѣющій права вступить въ бракъ, по праву опекуна, могъ заставить мать выйдти во второй разъ замужъ. И все это было потому, что женщина находилась еще въ угнетенномъ положеніи. Женщина менѣе добродѣтельна, нежели мущина, говорилъ Платонъ; у женщины душа находится въ подчиненіи, говорилъ Аристотель; женщина не должна заставлять говорить о себѣ ни съ хорошей, ни съ дурной стороны, говорилъ Ѳукидидъ. Женщина, говорилъ Гиппократъ, развратна отъ природы; ея наклонности должны быть каждый день подавляемы, иначе онѣ разростутся въ разныя стороны какъ дерево; въ отсутствіи мужа, даже родственниковъ не достаточно для присмотра за нею. Ей отказывали даже въ правѣ на добродѣтель; Периклъ совѣтовалъ женщинамъ оплакивать своихъ мужей, чтобы не прибавлять неблагодарности ко всѣмъ ихъ порокамъ; зачѣмъ говорить дурно о женщинахъ? прибавлялъ Карканусъ, не достаточно ли просто сказать, что это женщина? Наконецъ Еврипидъ обращался къ нимъ на весь театръ съ такими словами: наше отечество помрачаетъ вашъ злой геній, врожденный развратъ вашей души; надо было бы желать, чтобы природа нашла сред-

ство для размноженія рода человѣческаго безъ вашей помощи.

Женщинѣ оставалось только страдать и умирать, и когда полагали, что она прожила хорошо, тогда на ея памятникѣ вырѣзывали узду; это была лучшая для нея похвала: она умѣла скрыть досаду и молчать.

XI.

ГЕТЕРА.

Если на женщину смотрѣли такимъ образомъ, то безъ сомнѣнія лучшая изъ нихъ была та, которую можно было взять и оставить, когда угодно, т. е. гетера.

А что же такое была гетера?

Это свободная женщина—женщина, вышедшая изъ обыкновеннаго уровня, блуждающая комета любви.

Гетера любила, какъ хотѣла и кого хотѣла, предпочитая конечно того, кто льстилъ ея самолюбію или дороже платилъ за улыбку; она посылала ему откушенное яблоко или увядшую розу, и онъ могъ обладать ею.

Не слѣдуетъ однако подводить всѣхъ подъ одну мѣрку; въ Аѳинахъ женщины были всегда не похожи одна на другую. Была Венера Pandemos. Но это была наемная богиня на часъ, стоившая едва оболъ. У ней на щитѣ былъ изображенъ козелъ и жила она въ особомъ кварталѣ Аѳинъ; посѣщали ея храмъ прохожіе и по выходѣ отправлялись въ бани—омыться отъ нечистотъ.

Эта Венера была ни что иное какъ рабыня, продавала себя кому угодно и приносила своему владѣльцу хорошій доходъ; она могла ходить по улицамъ не иначе какъ въ вычурномъ платьѣ и въ маскѣ.

Венера же—гетера, эта аристократка порока, знала только хорошее общество; къ ней входили только тогда, когда она сама отворяла двери, и это случалось не всегда.

Иногда по вечерамъ слышалась серенада подъ ея окномъ, это кто-нибудь пѣлъ жалобную пѣснь Параклотизерана; но если ее оскорбляли, или она показывала видъ, что оскорблена, то она выказывала чувство собственнаго достоинства.

Гетера могла расточать свою красоту на право и на лѣво; но у ней настоящій содержатель—только одинъ какой-нибудь государственный мужъ, или банкиръ, платившій за всѣ издержки. Она заключала съ нимъ родъ дружелюбнаго договора, отмѣняемаго по желанію, но такъ какъ въ этомъ случаѣ ея непремѣнная обязанность состояла привлекать и удерживать, то она не пренебрегала ничѣмъ для достиженія этихъ цѣлей.

И по инстинкту, и по положенію она должна была владѣть въ совершенствѣ искуствомъ одѣваться; это составляло не маловажный трудъ въ Аѳинахъ, гдѣ женщины носили тридцать прическъ, три или четыре платья одно на другомъ, три пояса въ рядъ, одинъ подъ мышками, другой подъ грудью и третій на тальѣ, и столько разныхъ красокъ для кожи, для лба, для щекъ, для груди, что съ перваго взгляда ихъ можно было принять за палитру. Но туалетъ составлялъ толь-

ко основаніе красоты, къ этому еще надо было присоединить искуство улыбаться и смѣяться, кстати показать или закрыть зубы, здѣсь округлить, тамъ поддѣлать или передѣлать природные дары, сообщить платью во время ходьбы искусное колебаніе или принять сладострастную позу и движеніе на ложѣ.

И къ этому чисто женскому искусству надо было еще присоединить настоящія искусства — танцы, музыку, поэзію, краснорѣчіе, даже философію; потому что гетера должна была употреблять все стараніе и изыскивать всѣ средства, чтобы возбуждать чувства, а кромѣ того нравиться и уму.

Грецiя давала въ сопутницы Венерѣ богиню Пельто или Суаду, нимфу граціи или краснорѣчія. Гетера выучивалась всему, что зналъ мущина, чтобы стать въ уровень съ нимъ и умѣть поддерживать разговоръ за пиромъ.

Имѣя право на образованіе, женщина получаетъ право на талантъ, т. .е на сіяніе мысли. Гетера, владѣвшая этимъ святымъ огнемъ, могла выказать себя и достичь славы наравнѣ съ мущиной, и Грецiя уполномочила женщину быть царицей ума.

Сафо открыла тайну лирической поэзіи. Она любила, но не была любима, и у ней изъ груди вырвался крикъ, до сихъ поръ приводящій въ содроганіе; Грецiя называла ее десятой музой, она даже могла назвать ее первой; въ Митиленѣ на монетахъ выбивали изображеніе Сафо.

Аспазія учила говорить; она вдохновляла Перикла и управляла Грецiей. По смерти Перикла

она выбрала отвѣтственнымъ министромъ торговца быками и сдѣлала его героемъ трибуны.

Не было ни одного знаменитаго или вліятельнаго лица, который не имѣлъ бы своей гетеры, вдохновлявшей его на все высокое и благородное; но когда онъ не могъ владѣть ею одинъ, то дѣлился съ кѣмъ-либо изъ своихъ друзей, такъ что одному она принадлежала въ четные, а другому въ нечетные дни.

Не одинъ длиннобородый философъ прогуливался въ душистой аѳинской долинѣ, между лавровымя и розовыми кустами, вмѣстѣ съ любимой ученицей, прелестная улыбка которой смягчала суровость урока. На гетеру можно смотрѣть какъ на музу всей греческой цивилизаціи; она своимъ вліяніемъ воодушевляла ее, она дала истинную красоту греческому искуству; ее находимъ мы на каждомъ уцѣлѣвшемъ обломкѣ мрамора.

Но стоя во главѣ искусствъ, она занимала послѣднее мѣсто въ гражданской жизни; она достигала славы, но не уваженія, она, правда, обладала душой, но выкупая ее тѣломъ.

Какъ объяснить это противорѣчіе? такъ какъ гетера выбрала сфинкса своимъ символомъ, то надо постараться отыскать ключъ къ этой загадкѣ.

Будь у человѣка только тѣло, не было бы никакой разницы между людьми, или только небольшая: жили бы они одинаково, какъ въ стадѣ, потому что тѣло всегда равно склонно къ развитію, и такъ какъ тѣло консервативно, то повсюду человѣчество стояло бы на одномъ уровнѣ. Но, слава Богу, надъ тѣломъ современемъ начинаетъ преобладать разумъ, величайшій революціонеръ, преоб-

разовывающій человѣка и раздѣляющій людей ученыхъ и геніальныхъ отъ невѣждъ. Только одинъ онъ придаетъ разнообразіе человѣческому стаду и создаетъ первую іерархію на землѣ, іерархію мысли.

Но вначалѣ человѣческій умъ спалъ въ невѣдѣніи самого себя, люди не умѣли ни читать, ни писать, общество, ограничившись одной чувственной жизнью и вылитое по одному образцу, жило въ равенствѣ и общей жизнью, потому что община есть сплотившееся равенство, въ которомъ всѣ составныя части одинаковы.

Сила, безъ сомнѣнія, разграничила господина и раба, полъ сильный и полъ слабый; но умъ сглаживалъ границы. Улиссъ охотно разговаривалъ съ своимъ свинопасомъ и ни минуты не скучалъ съ Пенелопой. Всеобщее невѣжество уравнивало мущину и женщину и одинаковый кругъ симпатій связывалъ еще болѣе брачныя отношенія. Развитіе шло впередъ. Человѣкъ изобрѣтаетъ письмо, онъ прививаетъ къ своей душѣ всеобъемлющій духъ образованія, все, что было перечувствовано и передумано до него, все, что чувствуется и думается около него, и обогащенный этимъ сокровищемъ, сильный силою мысли, онъ совершенно перерождается и потребности его увеличиваются.

Къ несчастію въ Греціи образованіе принадлежало исключительно мущинамъ; что же изъ этого вышло? Мущина, болѣе и болѣе развиваясь, оставлялъ женщину дальше и дальше за собой, обреченною на невѣжество, и наконецъ бросилъ ее совершенно какъ Эней Креузу, чтобы отправиться на дальнѣйшія открытія.

Душа эгоистична, потому что она божественна; она любитъ саму себя, въ любви она ищетъ отголоска своей божественности, и когда она его не находитъ, то ищетъ его въ чемъ бы то ни было; глупость и умъ никогда не уживались; а невѣжество—временная глупость, отъ которой можно избавиться или не избавляться. Аѳинянка сохранила его вслѣдствіе рутины, жена ничего не знала, мужъ же былъ образованъ и оттого они могли быть только нѣсколько минутъ вмѣстѣ, но никогда не могли мѣняться мыслями; мужъ на второмъ же словѣ скучалъ съ женой и отправлялся искать нравственнаго удовлетворенія въ какой бы то ни было любви, будь она даже ругательство надъ природой, какъ та чудовищная любовь, которую называютъ философской.

Гетера, принужденная своимъ положеніемъ къ самообразованію, приносила образованному человѣку, который ее любилъ, двойное удовольствіе; мужъ, отнынѣ поставленный между оффиціальной женой и женой, такъ сказать, оффиціозной, склонялся на сторону ума, отдавался гетерѣ и соглашался раздѣлять ее съ другими.

И что же мы видимъ въ этой вдохновенной Греціи, въ этой ранней школѣ юнаго человѣчества? Соперничество гетеры съ законнымъ бракомъ и генія, весело идущаго съ нею подъ руку къ безсмертію, Софокла съ Архипою, Эпикура подлѣ Леонтіумы, подлѣ Праксителя Фрину, подлѣ Апелесса Лаису, подлѣ Платона Арасакассу и т. д.

Когда въ минуту опасности давали обѣтъ, то посвящали Венерѣ молодую дѣвушку; Ѳемистоклъ, послѣ своей побѣды, въѣхалъ въ Аѳины на квад-

ригѣ вмѣстѣ съ четырьмя гетерами. Но униженіе женщины отзывается на мущинѣ; снисходя на низшую степень чувственной жизни изо дня въ день, онъ отказывается отъ постоянныхъ радостей семейной жизни, онъ забываетъ счастіе для удовольствія. Положивъ клеймо презрѣнія на женщину, мущина становится самъ для себя предметомъ отвращенія. Извѣстно, что сказалъ Демосѳенъ Лаисѣ: «я не плачу такъ дорого за раскаяніе.» Однажды грекъ почувствовалъ необходимость стряхнуть съ себя нечистоту греческой любви и какъ разъ послѣ одного изъ тѣхъ пировъ, въ которыхъ она занимала почетное мѣсто; Сократъ поднялъ руку къ небу и предложилъ теорію идеальной любви не отъ своего имени, но отъ имени Діотимы и даже нѣкоторымъ образомъ подъ ея диктовку. Эта Діотима была геніальная гетера, изучившая всевозможныя науки, знавшая медицину такъ же хорошо какъ и философію. Она съумѣла въ одно время спасти Аѳины отъ чумы и написать законы любви. Діотима первая угадала, что мы любимъ не тѣломъ, а чѣмъ-то высшимъ, безсмертнымъ, потому что любовь есть дѣло безсмертія, тайна избавиться отъ смерти посредствомъ возрожденія.

Предвѣстница Платона говорила, что любовь это—дитя труда и бѣдности, геній, творящій матерію и мысль. Произвести на свѣтъ дитя или образецъ искусства—дѣло любви, потому что это дѣло творчества.

Діотима извлекла любовь изъ грязи, чтобы возстановить ее въ душѣ; она говорила, что душа

женщины можетъ любить или быть любимой только въ такомъ случаѣ, когда она скромна и цѣломудренна. И въ то время какъ гости Агаѳона валялись и спали подъ столомъ, она показывала пальцемъ на статую непорочной Венеры-Уранiи, возвышавшейся надъ дымящуюся лампой пира.

XII.

МАТРОНА.

Римъ—та же Грецiя, только въ большихъ размѣрахъ; та же религiя, та же нравственность, та же философiя, тѣ же понятiя о мірѣ вообще и о женщинѣ въ особенности, съ нѣкоторыми только измѣненiями, зависящими отъ народнаго характера и условiй мѣстности.

Въ Римѣ бракъ былъ трехъ родовъ: первый, называвшiйся **confareatio** состоялъ въ томъ, что женихъ съ невѣстой приходили въ храмъ Юпитера и съѣдали пополамъ пирогъ, женихъ лежа, а невѣста сидя, въ присутствiи десяти свидѣтелей.

Второй родъ **coemptio** — символическая купля, вѣроятно сохранившаяся въ воспоминанiе старинной покупки жены мужемъ; за жену платили копѣйку, въ видѣ символа.

Наконецъ третiй родъ **usucapio**, или вводъ во владѣнiе на основанiи предшествовавшаго пользованiя.

Если мущина жилъ съ женщиной съ согласiя отца въ теченiе года и если онъ не проводилъ бо-

лѣе трехъ ночей сряду на сторонѣ, то женщина, жившая съ нимъ, становилась его женой.

Въ конфареаціи женщина переходила изъ рукъ отца въ руки мужа, или иначе говоря умирала для семьи отца, чтобы возродиться въ семьѣ мужа и сдѣлаться по гражданскому закону не женою его, а старшею дочерью.

Этотъ родъ брака, существовавшій исключительно между патриціями, вышелъ изъ употребленія при упадкѣ патриціевъ. Виргинія, дочь Олуса, выходитъ замужъ за консула изъ плебеевъ; чтобы наказать ее за неравный бракъ, женская аристократія запрещаетъ ей входъ въ алтарь патриціанскаго цѣломудрія; но отступница отвѣчала вызовомъ на вызовъ и соорудила алтарь плебейскаго цѣломудрія. Съ этихъ поръ, второй родъ брака, распространенный между плебеями, дѣлается общеупотребительнымъ. Когда къ нему присоединяли еще священный обрядъ per aes et libram, онъ имѣлъ для женщины тѣ же послѣдствія, какъ и бракъ перваго рода; женщина умирала для своей семьи и присоедянилась къ семьѣ мужа; но, съ теченіемъ времени, онъ перешелъ въ третій родъ брака, т. е. въ usucapio.

Итакъ въ началѣ римской исторіи при управленіи квиритовъ, законная жена, приходившаяся мужу дочерью чрезъ передачу ему отцовской власти, оставалась всю жизнь несовершеннолѣтней. Она не существовала, или существовала только призрачно, а по смерти мужа поступала подъ опеку агната, который обращался съ ней такъ грубо, что даже составилась поговорка «Ne sis mihi patruus oro», пожалуйста не будь моимъ опекуномъ.

*

Римлянинъ просилъ руки римлянки, большей частью двѣнадцати-или четырнадцатилѣтней дѣвушки; получивъ согласіе ея владѣльца, т. е. paterfamilias'a, онъ начиналъ дѣло обрученіемъ; sponsus, или женихъ, надѣвалъ на мизинецъ невѣсты желѣзное кольцо, потому что, какъ говорили, съ мизинцемъ соединялось сердце посредствомъ какого-то нерва.

Наканунѣ или въ день свадьбы, приносили въ жертву свинью, какъ въ Греціи, а желчь бросали за жертвенникъ. Послѣ этого составляли свадебный контрактъ, заканчивавшійся слѣдующими словами: «да будетъ все сдѣлано честно и справедливо.» Послѣ подписанія контракта cumillus, или шаферъ, приносилъ подарки невѣстѣ въ металлическомъ ящикѣ, украшенномъ рѣзьбой и изображавшемъ лѣтопись Венеры съ слѣдующей надписью: «Да здравствуетъ такой-то! да здравствуетъ такая-то!» съ именами жениха и невѣсты.

Затѣмъ подруга невѣсты начинала одѣвать ее; на голову надѣвали красный вуаль, а сверху маіорановый вѣнокъ, бѣлое платье въ знакъ дѣвства и поясъ, украшенный спутаннымъ узломъ, nodus Herculeus. И въ самомъ дѣлѣ нужна была геркулесовская работа, чтобы распутать его. Потомъ женихъ съ невѣстой являлись къ претору.

— Женщина, говорилъ мужъ, хочешь быть моей женой? — Хочу, отвѣчала она, и тотчасъ же мужъ обводилъ кончикомъ дротика по ея головѣ въ знакъ порабощенія.

Въ сумерки, молодая отправлялась въ домъ мужа, въ сопровожденіи матронъ и молодыхъ дѣву-

шекъ, несшихъ факелы, прялку, корзинку, кострюлю, или челнокъ для тканья.

Свадебная процессія совершалась при звукахъ флейты, время отъ времени молодые люди пѣли веселыя пѣсни; молодыя дѣвушки при этомъ били тактъ въ ладоши.

Мужъ встрѣчалъ жену при входѣ дома; прежде чѣмъ отворить дверь, онъ спрашивалъ, кто ты такая? Она отвѣчала: Ubi Gaius ego Gaia, т. е. ты мой сотоварищъ, я твоя подруга. Молодая вѣшала на дверь повязку и мазала ее волчимъ жиромъ, чтобы изгнать порчу; отсюда-то и происходитъ названіе uxor.

Въ эту минуту двѣ молодыя дѣвушки похищали молодую, при крикахъ Thalassius, въ воспоминаніе похищенія сабинянокъ, и ставили ее въ атріумъ, такъ что она не касалась порога, посвященнаго Вестѣ; туда приносили факелъ и кружку; мужъ и жена дотрогивались до обоихъ, чтобы пройти чрезъ двойное очищеніе водой и огнемъ; послѣ этого Gaius давалъ Gaiae символическій ключъ, посвящавшій ее въ хозяйки, и бросалъ орѣхи дѣтямъ, между тѣмъ какъ присутствующіе пѣли пѣсню: Sparge nuces. Затѣмъ новобрачные шли въ столовую, а оттуда въ спальню; тамъ была постель, стоявшая на эстрадѣ подъ пурпуровымъ балдахиномъ, съ изображеніями всѣхъ боговъ и богинь брака: Югитана, Домидика, Субига, богини Mater prima, Пертунды, Венеры и другихъ. За молодыми запирали дверь и въ то время какъ мужъ распутывалъ геркулесовъ узелъ, хоръ дѣвушекъ пѣлъ брачный гимнъ. На другой день тотъ

же хоръ приходилъ на то же мѣсто пѣть excitatorius или утреннюю пѣснь.

Вотъ римскій бракъ; жена присоединялась къ своему имени имя мужа. Она подписывала: Марція Катона, Тулія Квинта, какъ рабъ, носящій имя господина: Марсипоръ, Квинтипоръ, т. е. рабъ Марція, Квинтія. Матрона въ домашней жизни должна была повиноваться. Мужъ—естественный судья ея, говорилъ Катонъ; онъ имѣетъ надъ ней полную власть. Если она сдѣлала проступокъ, онъ наказываетъ ее, если она выпила вина, или измѣнила ему, онъ осуждаетъ ее. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Катонъ высказываетъ еще точнѣе свою мысль: Если ты поймаешь твою жену на мѣстѣ преступленія, говоритъ онъ, то убей ее; если же она поймаетъ тебя, пусть пройдетъ мимо и не прикоснется даже пальцемъ. Практика вполнѣ подтверждала эту теорію. Игнатій Метеллъ задушилъ свою жену за выпитую ею чашу цикубы; когда домашній трибуналъ произносилъ приговоръ, то одинъ изъ родственниковъ дѣлался исполнителемъ его.

Мужъ могъ бить жену за всякую вину; Геродотъ Алти заставилъ одного изъ своихъ рабовъ высѣчь Региллу, свою жену, несмотря на ея беременность; несчастная умерла во время пытки.

Если мужу противно было сѣчь или убивать жену, онъ могъ ее выгнать съ позоромъ, отнявъ у нея ключъ отъ дома и сказавъ: ступай прочь! иногда онъ выгонялъ ее изъ дому, снявъ платье Матроны и надѣвъ тогу, или платье куртизанки.

Въ Римѣ, какъ и въ Греціи, мущина былъ дурнаго мнѣнія о женщинѣ и считалъ ее за ошибку

природы. Женщина—неукротимый звѣрь, сказалъ Титъ Ливій; всякая мыслящая женщина думаетъ дурно, замѣчаетъ Публій Сиръ.

Величіе мужа и тупость жены считались за аксіому у судей. Наконецъ римляне стали смотрѣть на бракъ какъ на самопожертвованіе мущины для пользы человѣчества и потому благоразумный гражданинъ предпочиталъ оставаться холостымъ.

Чтобы принять мѣры противъ этой увеличивавшейся эпидеміи, ценсоръ Метеллъ Нумидійскій счелъ долгомъ обратиться къ народу съ слѣдующей рѣчью: Еслибы можно было обойтись безъ женщинъ, то ни одинъ изъ насъ не взялъ бы на себя труда возиться съ ними; но такъ какъ по законамъ природы съ одной стороны не возможно жить съ ними въ ладу, а съ другой, безъ ихъ содѣйствія, невозможно продолженіе рода человѣческаго, то я прошу васъ пожертвовать вашимъ частнымъ интересомъ для блага общаго.

Но несмотря на столь грубое мнѣніе о ней, римлянка завоевала себѣ гораздо болѣе свободы, чѣмъ аѳинянка; она освободилась отъ заключенія въ гинекеѣ, выхлопотала себѣ свободный выходъ изъ дому и лицо у нея не было уже закрыто вуалью, какъ у женщинъ въ Греціи, а только на половину; если она не достигла еще совершенной свободы, то могла, по крайней мѣрѣ, свободно являться во всей своей красотѣ. Матрона обѣдала вмѣстѣ съ мужемъ и участвовала въ пирахъ; она имѣла право consotium omnis vitae, т. е. принимать участіе во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Она вмѣстѣ съ мужемъ раздѣляла заботы по домашнему хо-

зяйству и каждое утро и вечеръ приносила жертву богамъ своего очага.

Если она ссорилась съ мужемъ или имѣла какую-нибудь причину жаловаться на него, то могла призывать его на примиреніе въ храмъ богини Вериплаки, покровительницы семейнаго спокойствія, этимъ женщина какъ-бы умоляла мужа о пощадѣ или обращалась къ его совѣсти; богиня же, какъ женщина, заступалась передъ мужемъ за жену и семейная ссора кончалась примиреніемъ. Благодаря посредничеству богини Вериплаки, а также простотѣ нравовъ въ первыя времена Римской республики, разводъ, существовавшій какъ законъ, не примѣнялся къ дѣлу до конца пунической войны. Тогда былъ первый случай развода: одинъ римлянинъ, по имени Корвилій, развелся съ женой по причинѣ ея безплодія, но и то горько сожалѣя о ней.

Въ то золотое время республики мужъ и жена, одинаково необразованные, чувствовали совершенно согласно, какъ тѣ двѣ лиры, о которыхъ говоритъ Оулу-Делле. Эти лиры висѣли на двухъ колонахъ атріума, одна противъ другой. Когда одна изъ нихъ издавала звуки отъ вечерняго вѣтра, то другая начинала играть сама собой и повторяла тѣ же самые звуки.

Притомъ свобода приноситъ съ собой какую-то прелесть; она нетолько болѣе возвышаетъ мужа, но чрезъ него возвышаетъ и жену. Находясь каждый день въ сношеніи съ римскимъ гражданиномъ, женщина пропитывалась духомъ патріотизма; она умѣла, при случаѣ, выказать героизмъ и пожертвовать жизнью для общаго блага.

И въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ важныхъ событіяхъ

римской исторіи, мы встрѣчаемъ женщину принимающей въ нихъ прямое или косвенное участіе. Женщина вызвала ниспроверженіе царской власти, при участіи женщины была уничтожена власть тирановъ. Когда Коріоланъ двинулся на Римъ, то ударъ былъ отклоненъ женщиной; Порсена угрожалъ городу,—опять таки женщина показала примѣръ сопротивленія врагу. Римъ, пораженный героизмомъ женщины, воздвигнулъ памятникъ Клеліи; и народъ, проходя по священному полю, видѣлъ конную статую дѣвушки. Наконецъ женщина оказала такія услуги отечеству, что сенатъ позволилъ всенародно хвалить ее и воздвигъ храмъ счастія женщины.

XIII.

МЕССАЛИНА.

Пришло время, когда одинъ изъ консуловъ въѣхалъ въ капитолій, влача за своей колесницей женщину, плачущую и вмѣстѣ съ тѣмъ улыбающуюся какъ Андромаха въ Иліадѣ.

Это была Грецiя, побѣжденная и вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдительница, пришедшая поработить Римъ въ самомъ его центрѣ.

До сихъ поръ римлянинъ былъ не болѣе какъ солдатъ землепашецъ, знавшій только мечъ и плугъ. Кромѣ войны и земледѣлія онъ не зналъ ничего; ему не были извѣстны имена Гомера, Платона и др.

Но познакомившись съ поэзіей и философіей, онъ ощутилъ въ себѣ то чувство удовлетвореннаго самолюбія, которое присуще дѣятельному уму.

Римлянинъ выучился греческому языку и сталъ употреблять его въ высшемъ обществѣ. Грецiя сдѣлалась для него отечествомъ образованія; онъ ѣздилъ туда, чтобы изучать на мѣстѣ человѣчество, достигшее высшаго развитія.

Старое римское поколѣніе принимало всѣ мѣры,

чтобы противодѣйствовать иноземному вторженію. Особенно въ философіи оно видѣло оскорбленіе, наносимое богамъ, и не могло допустить, чтобы были люди, не поклонявшіеся Юпитеру и толковавшіе жизнь по своему. А потому всѣ философы были изгнаны изъ Рима; имъ предоставлено было богохульствовать въ своемъ отечествѣ.

Но эти философы, большею частью старые стоики и эникурейцы, были замѣнены другими, болѣе опасными, именно гетерами, вышедшими изъ Греціи и философами съ развращеннымъ уже направленіемъ. Эти воспитатели тѣла и ума умѣли поработить заразъ всѣ чувства и накинуть на все розовый покровъ, они скоро увлекли за собой всю римскую молодежь. Вдругъ сенатъ неожиданно узнаетъ неслыханную вещь: какой-то бродяга, выходецъ изъ греческаго города, ввелъ тайно въ Италіи вакханаліи и мѣстомъ первыхъ своихъ подвиговъ выбралъ именно Этрурію, эту классическую страну коммунизма въ дѣлѣ любви.

Изъ Тосканы таинственное товарищество пробралось подземными путями до самаго Рима и завербовало отъ семи до восьми тысячъ женщинъ и мущинъ, и всѣ или почти всѣ изъ нихъ были первой молодости. Они устраивали ночью вакхическія оргіи съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ и убивали тѣхъ несчастныхъ молодыхъ дѣвушекъ, нечаянно попадавшихъ въ ихъ притонъ, которыя рѣшались сопротивляться.

Одна изъ куртизанокъ выдала тайну вакханалій; сенатъ коротко рѣшилъ дѣло: онъ велѣлъ повѣсить мущинъ и задушить женщинъ, принимавшихъ въ нихъ участіе; но вакханаліи не прекра-

тились, напротивъ онѣ изъ мрака вышли на свѣтъ и вскорѣ весь Римъ, преданный душой и тѣломъ цезарямъ, уподобился Мессалинѣ.

Побѣды обогатили римскій народъ, и это богатство, сосредоточенное большей частью въ рукахъ патриціевъ, давало имъ возможность жить въ праздности, надо же было богачамъ наполнить чѣмъ-нибудь день; и вотъ они начали употреблять всѣ средства, чтобы отыскать новый родъ удовольствій.

Вольный трудъ окончился съ началомъ рабства, а съ нимъ исчезло и послѣднее противодѣйствіе власти. Римскому народу оставалось только жить сложа руки и наслаждаться жизнью: патриціи тратили деньги, а плебеи протягивали руку за милостыней.

И вотъ въ Римѣ сдѣлалась господствующей одна только мысль, мысль о веселіи, и народъ, бывшій доселѣ свободнымъ и гордившійся своей свободой, сталъ теперь говорить первому встрѣчному богачу: Дай мнѣ хлѣба, а въ замѣнъ его я тебѣ уступлю часть моей власти.

Развратъ распространился скоро и на матрону, жившую до сего времени взаперти. Образованіе разорвало связь, существовавшую между мужемъ и женой; мужъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ знаній, тогда какъ жена едва умѣла подписать свое имя.

Мужъ сравнилъ свою неученую жену, которая не могла ничѣмъ его занять, съ образованной куртизанкой, имѣвшей средство развлекать его, и все болѣе и болѣе сталъ отдаляться отъ семейнаго очага.

Да и могла ли матрона соперничать съ грече-

ской куртизанкой, изучившей до тонкости искусство нравиться и посвященной во всѣ таинства Азіи? Матронѣ легко было удостовѣриться превосходствомъ предъ нею гетеры; ей стоило только посмотрѣть на гетеру, когда она проѣзжала по Субурской улицѣ, на квадригѣ, запряженной четырьмя большими мулами, которыми она сама правила.

И несмотря на это римская матрона не отступаетъ передъ гетерой, имѣя предъ своей соперницей преимущество своего положенія; она даже превзойдетъ ее въ роскоши нарядовъ, въ свою очередь сдѣлается куртизанкой, хотя бы съ одной только внѣшней стороны.

Катонъ, олицетворявшій собою старый римскій ригоризмъ, возсталъ противъ увеличивающейся роскоши и говорилъ, что матронѣ слѣдовало бы одѣваться съ простотой первобытныхъ временъ Регула; матроны не вынесли подобнаго удара и произвели возстаніе, окончившееся тѣмъ, что сенатъ вынужденъ былъ отмѣнить законъ Оппія. Съ этихъ поръ замужняя женщина въ Римѣ получила право употреблять всѣ средства для обольщенія.

И она воспользовалась вполнѣ этимъ правомъ; она стала теперь являться на утреннихъ прогулкахъ не иначе какъ въ открытомъ паланкинѣ, поддерживаемомъ осьмью сильными коппадокійцами какъ богиня, окруженная пурпуровымъ облакомъ; на груди у нея былъ спрятанъ живой ужъ для прохлажденія, а въ рукѣ держала она кусочекъ амбры, издававшей благовоніе. Въ такомъ видѣ она выставляла себя на показъ народу, какъ-бы отвѣчая на вызовъ соперницы. Она начала

чаще ѣздить въ баню, сдѣлавшуюся сборнымъ мѣстомъ для великосвѣтскаго общества безъ различія половъ. Хотя съ этихъ баняхъ для мущинъ и женщинъ были отдѣльныя ванны; но пріемная была общая.

Что же дѣлала въ банѣ римлянка? Она сравнивала свое тѣло оъ тѣломъ куртизанки.

Изъ бани матрона обыкновенно отправлялась въ театръ, и что же она видѣла тамъ? Безнравственныя переведенныя греческія комедіи, сюжетъ которыхъ заключался въ интригахъ куртизанокъ. Римъ былъ снисходителенъ. Степенный Титъ Ливій выражается слѣдующимъ образомъ, приводя въ одномъ мѣстѣ разсказъ о знатномъ наслѣдникѣ: «Гебутій любилъ Филенію, не тратя на эту любовь денегъ и не вредя своей репутаціи.» Связь эта безъ сомнѣнія и не могла стоить денегъ, потому что куртизанка дѣлилась съ нимъ своими барышами.

Матрона предпочитала однако комедіи пантомиму, потому что комедія имѣла претензію на литературу, да и притомъ же слухъ обыкновенно бываетъ щекотливѣе зрѣнія.

Вотъ почему такъ нравился всѣмъ фигляръ Батилла, представлявшій въ натурѣ свиданіе Фавна съ Наядой. Кромѣ театра былъ еще циркъ — это людская бойня. Тамъ изящная жена сенатора вдоволь могла насмотрѣться на людскія страданія, наслушаться хрипѣнія умирающихъ, надышаться запахомъ крови людей и животныхъ. Проведя такимъ образомъ день, матрона возвращалась домой ужинать. Молодой невольникъ наливалъ ей на руки аравійскую киноварь, она небрежно вытирала

ихъ объ волосы мальчика и требовала вина. Потомъ, помочивъ въ вино конецъ пальца, она писала имъ на столѣ символическіе знаки, понятные только для молодаго римлянина, лежавшаго около нея.

Въ концѣ ужина являлись въ комнату молодой человѣкъ съ вѣнкомъ на головѣ и молодая дѣвушка, одѣтая въ самое прозрачное платье, и начинали исполнять эротическій танецъ подъ звуки флейты, жалобные какъ вздохъ и прерывающіеся какъ восторгъ. Наконецъ матрона уходила въ спальню, всѣ стѣны которой были покрыты произведеніями портографической живописи, изобрѣтенной въ Греціи и распространенной донельзя въ Римѣ, какъ-бы для того только, чтобы еще больше пріучить женщину къ разврату.

Но, разгоряченная ужиномъ, матрона не можетъ спать и приказываетъ невольницѣ читать вслухъ какую-нибудь милесскую басню или возбуждающую сказку жрицы Елефантиды, украшенную картинами для большаго поясненія разсказа.

Итакъ, прогулка, баня, театръ, обѣдъ, музыка, танцы, живопись, чтеніе, все возбуждало женщину въ Римѣ къ разврату; вся жизненная обстановка безпрестанно напоминала ей о чувственности и поощряла ее къ распутству. Изъ этого вышло то, что мужъ и жена жили какъ хотѣли; да и самый законный бракъ исчезъ; онъ замѣнился пробнымъ сожительствомъ на годъ; притомъ мущина имѣлъ осторожность не спать дома больше трехъ ночей сряду, чтобы жившая съ нимъ женщина не могла сдѣлаться его законной женой.

Но вскорѣ и эта предосторожность сдѣлалась

излишней; мужъ могъ бросить жену когда хотѣлъ, даже безъ всякаго предлога, и потомъ взять снова ее, если она опять ему понравилась. Катонъ уступилъ свою жену другу Гортензію въ пожизненное владѣніе и послѣ его смерти снова началъ жить съ ней.

Римляне временъ Суллы, начиная съ него самаго, разводились съ пятью, шестью, десятью женами и жена въ свою очередь выходила пять, шесть, десять разъ замужъ, такъ что переходя изъ рукъ въ руки она иногда не знала отца своихъ дѣтей.

Такимъ образомъ бракъ, обращенный въ наложничество, былъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ; мужъ могъ всегда развестись съ женой отъ скупости или наскучивъ ею. Онъ посылалъ ей съ отпущенникомъ слѣдующую отпускную записку: «Ступай прочь, ты мнѣ противна, ты сморкаешься слишкомъ часто.» И жена, освобожденная отъ опеки, могла тратить свое состояніе по своему усмотрѣнію.

Мужъ, отпускавшій жену за прелюбодѣяніе, имѣлъ право завладѣть ея приданымъ. Патрицій, запутавшись въ долги, узналъ о какой-нибудь развратной наслѣдницѣ и женился на ней, чтобы поймать ее на мѣстѣ преступленія и завладѣть ея приданымъ; такъ что ограбленной женщинѣ оставалось одно средство: идти къ цензору и записаться въ куртизанки.

Бѣдный патрицій доходилъ вслѣдствіе нищеты дотого, что шелъ на содержаніе къ старой матронѣ и лелѣялъ съ любовью эту обреченную на скорую смерть жертву до тѣхъ поръ, пока не полу-

чалъ въ руки ея духовнаго завѣщанія, по которому все имѣніе матроны должно было перейдти въ его руки. Съ восторгомъ онъ говорилъ тогда: «наконецъ-то она умерла и я теперь поживу; этотъ домъ со всѣмъ имуществомъ принадлежитъ мнѣ.»

Женщина была полная распорядительница своего имущества и тѣмъ пріобрѣтала власть надъ мущиной и составляла въ Римѣ настоящую денежную аристократію. Вакханическій законъ помогъ злу; онъ постановилъ, чтобы ни одинъ мущина не завѣщалъ имѣнія въ пользу женщины и чтобы ни одна женщина не могла наслѣдовать больше 100,000 сестерцій. Но этотъ законъ ни къ чему не послужилъ; женщина получала попрежнему наслѣдство и попрежнему развратничала. Августъ, соединявшій въ себѣ столько пороковъ и злодѣяній, хотѣлъ остановить усиливавшееся распутство и издалъ юліевъ законъ, запрещавшій всякую связь съ замужней женщиной; но на другой же день, на томъ самомъ форумѣ, на которомъ онъ провозгласилъ этотъ законъ, его собственная дочь, а можетъ быть даже болѣе чѣмъ дочь, Юлія, преступила его.

Императоръ, внѣ себя отъ гнѣва, а всего вѣроятнѣе отъ ревности, хотѣлъ убить Юлію на мѣстѣ, но, одумавшись, согласился сослать ее на уединенную скалу, запретивъ кому бы то ни было навѣщать ее.

Современемъ юліевъ законъ потерялъ силу, какъ и законъ противъ роскоши и о наслѣдствѣ. Съ этихъ поръ римская исторія представляетъ намъ картину полнаго разврата. Мы видимъ въ ней только убійства, отравленія, распутство во всѣхъ

его видахъ, во всѣхъ возрастахъ, даже въ дѣтствѣ; такова судьба римской женщины во время имперіи. «Я не помню, чтобы я когда-нибудь была честной дѣвушкой», говоритъ одна изъ героинь Петронія. И скоро настало время, когда самъ мущина ужаснулся женщины.

Въ это-то распутное время жилъ Виргилій, человѣкъ самый цѣломудренный и застѣнчивый, краснѣвшій какъ весталка при малѣйшемъ нескромномъ словѣ; если на улицѣ на него пристально смотрѣлъ ребенокъ, то онъ убѣгалъ прятаться въ лавку; зато и прозвали его парѳенонской дѣвой Но изъ уваженія къ генію поэта мы умолчимъ о предметъ его любви.

Въ то время въ поэзіи говорилось только о любви, но спрашивается, кого можно было любить и какъ? Объ этомъ можно справиться у Овидія или у Проперція. Но вотъ на сцену являются Апулей и Суетоній; что они описываютъ? возьмемъ, напримѣръ, одну изъ оргій Тиверія въ Капрейскомъ гротѣ: вотъ императоръ, покрытый прыщами и запятнанный убійствами, въ одно и то же время оскверняетъ и старость и дѣтство. Матрона перешагнула границу, отдѣлявшую ее отъ куртизанки; она стала и по чувствамъ и по поступкамъ наравнѣ съ послѣдней. Переодѣваясь въ мужское платье она, вмѣстѣ съ фигляромъ, представляла комедіи; но и этого было для нея мало; вскорѣ она вступаетъ на арену въ борьбу съ гладіаторами совершенно нагая,—народъ могъ даромъ любоваться ея красотой. Не достаточно ли это характеризуетъ женщину этой эпохи?

Республика породила Лукрецію, имперія—Месса-

лину, Мессалина поровну дѣлила свои ласки между императоромъ и погонщикомъ муловъ, который впрочемъ имѣлъ полное право протестовать противъ этого раздѣла, потому что примѣръ разврата подавали всегда цари. Неронъ, одѣваясь попеременно то женщиной, то мущиной, обвѣнчался въ женскомъ платьѣ съ нѣкимъ Пиѳагорасомъ, а въ мужскомъ, съ своимъ отпущенникомъ Спорусомъ.

Но женщина, развращенная мущиной, развращаетъ его въ свою очередь. «Я очень хотѣлъ бы разрѣзать тебѣ животъ, говорилъ одинъ изъ царей своей женѣ, чтобы найти въ немъ тайну моей любви къ тебѣ.» И трудно рѣшить, кто—императоръ или императрица, наносилъ больше безчестія царскому достоинству.

---

*

XV.

ЖЕНЩИНА У ВАРВАРОВЪ.

Пришло время и слава римлянъ исчезла. Правленіе цезарей слишкомъ уже было тягостно для нихъ.

Въ центрѣ Европы, въ лѣсахъ и болотахъ жилъ безпокойный народъ, не любившій оставаться долго на одномъ мѣстѣ.

Это былъ почти дикій народъ, съ голубыми глазами, рыжій, вымазанный саломъ, покрытый только волчьей шкурой и привыкшій искони спать на соломѣ и питаться мясомъ дикихъ звѣрей.

Руководимые какимъ-то внутреннимъ инстинктомъ, люди эти направлялись все къ западу и, перешедши Рейнъ. наткнулись на какую-то стѣну, изъ-за которой возвышались постройки, ими никогда невиданныя.

Это былъ городъ, выстроенный со всей римской роскошью. Въ немъ все было великолѣпно и храмы и дворцы и театры и статуи; и народъ тамъ велъ самую веселую жизнь.

Разъ вечеромъ послѣдніе римляне, одѣтые въ богатыя платья и увѣнчанные розами, давали ужинъ

своимъ друзьямъ и ихъ женамъ; вдругъ услышали шумъ на улицахъ.

Варвары перелѣзаютъ стѣны и входятъ въ городъ въ первый разъ.

Ворвавшись въ залу пиршества, они увидѣли золотыя лампы, золотыя блюда, золотыя ложа и лежащихъ полуодѣтыхъ мущинъ и женщинъ. Ихъ обдалъ пріятный запахъ ароматовъ и кушаній. У нихъ закружилась голова, они бросились на мущинъ и стали убивать ихъ; потомъ наѣлись, напились вдоволь и заняли ихъ мѣста подлѣ женщинъ. На другой день они разграбили дома, сломали статуи, сожгли книги, какъ вещи для нихъ совершенно ненужныя. Они завладѣли только золотомъ и серебромъ, зная, что за это можно получить все, что нравится; потомъ, какъ честные разбойники, раздѣлили добычу поровну. Но послѣ раздѣла они бросились другъ на друга, оспаривая ограбленное. Вотъ исторія нашествія варваровъ.

Эти дикари, жившіе въ лѣсахъ, очень образовались попавъ въ такую благодатную страну съ хорошимъ виномъ и вкусными кушаньями и, утвердившись въ ней по праву сильныхъ, они поработили туземцевъ.

Только религія, наученная безстрашію въ борьбѣ съ звѣрями на аренѣ цирка, осмѣлилась подступить къ готамъ и попробовать образовать ихъ.

Когда варваръ голоденъ, то можно было еще склонить его на дѣло; но варваръ былъ сытъ. Несмотря на то, христіанство рѣшилось попытаться, и съ помощью женщинъ ему удалось покорить германцевъ.

Въ то время женщина имѣла то преимущество

предъ мущиной, что она безропотно, а иногда даже и съ охотой, покорялась; привлекая его своимъ изяществомъ, она пользовалась своей властью, чтобы обратить его къ евангелію.

Христіанство смотрѣло снисходительно на нашествіе. Варвары-завоеватели избавили его отъ администраціи римскихъ императоровъ, замѣнивъ ее моральной властью духовнаго пастыря.

Церковь могла лучше справиться съ необразованными дикарями, нежели съ высокими умами, ослѣпленными разными философскими системами.

Франки не разсуждали, тѣмъ охотнѣе принимали крещеніе, что смотрѣли на него какъ на дѣло обязательное для нихъ по договору. Вступая въ союзъ съ епископами, они, въ замѣнъ обѣщаннаго тѣми полнаго повиновенія имъ народа, дѣлались христіанами, что не мѣшало однако имъ жить по-своему и проводить время въ оргіяхъ и развратѣ. Какъ всѣ варвары, они презирали женщину и обращались съ ней какъ съ вьючной скотиной.

Германцы принесли изъ Азіи обычай покупать женъ; но они могли жениться только въ томъ случаѣ, если имъ удавалось повалить свою будущую жену, во время борьбы, на землю, такъ что ихъ бракъ былъ и покупка и похищеніе.

Средняя цѣна молодой дѣвушки была триста су; покупщикъ, дѣлая предложеніе, платилъ задатокъ. По словамъ Фредлера, когда Клодвигъ покупалъ Клотильду, то его уполномоченный предложилъ за нее отцу землю и деньги.

По заключеніи условія мужъ уводилъ жену къ себѣ на домъ; но на порогѣ молодую встрѣчалъ одинъ изъ родственниковъ мужа и прикла-

дывалъ ей къ груди конецъ сабли. За право прохода она должна была платить извѣстную цѣну. Это означало то, что если жена измѣняла мужу, то онъ могъ убить ее.

Иногда германцы, ради дешевизны, похищали молодыхъ дѣвушекъ. Похищенная должна была провести три дня у мужа, послѣ чего онъ велъ ее къ судьѣ.

Судъ устраивался на полѣ слѣдующимъ образомъ: втыкали двѣ палки, одну напротивъ другой, къ одной изъ нихъ становился отецъ дѣвушки, къ другой похититель ея, а въ середину она сама. Если она переходила на сторону мужа, то бракъ утверждался; если нѣтъ, то виновный долженъ былъ заплатить штрафъ.

Случалось иногда, что свободная женщина выходила замужъ за раба; въ такомъ случаѣ начальникъ племени подавалъ ей мечъ и прялку.

Если она выбирала мечъ, то должна была убить раба; если же выбирала прялку, то мужъ ея оставался живъ, но она сама дѣлалась рабой. Да и самый бракъ былъ для женщины не болѣе какъ рабство. Въ Пруссіи она пахала землю, обѣдала отдѣльно отъ мужа и ѣла остатки отъ его обѣда.

По его смерти она, какъ вещь, переходила во владѣніе его наслѣдниковъ, такъ что братъ, получившій въ наслѣдство родную сестру, имѣлъ полное право жениться на ней.

Жена не могла свидѣтельствовать въ судѣ противъ мужа, потому что женщина считалась только третью мущины, а треть по правиламъ ариѳметики не можетъ быть болѣе двухъ третей.

Мужъ могъ съ ней развестись; но еслибы ей

вздумалось оставить домъ мужа, то ее топили въ какой нибудь лужѣ.

Если женщина измѣняла, то мужъ обривалъ ей голову, раздѣвалъ ее и ударами плети заставлялъ проходить голую по всему селенію.

У саксонцевъ законъ противъ прелюбодѣянія былъ еще строже.

Тамъ провинившаяся женщина должна была сама удавиться; ея тѣло сожигали, а сообщника вѣшали надъ костромъ.

Если мущина дотрогивался до волосъ женщины, пожималъ ей руку или бросалъ ей обрѣзки отъ своихъ ногтей, проходя мимо, то платилъ сорокъ пять су, не болѣе и не менѣе, какъ за украденнаго быка.

Что бы ни говорилъ Тацитъ, женщина у варваровъ служила только для удовлетворенія страсти. Когда послѣ великаго переселенія варвары могли имѣть много женщинъ, то они женились на свободной женщинѣ и на невольницѣ, на образованной и на необразованной безъ разбора, лишь бы нравилась.

Одна служанка, по имени Ингонда, понравилась королю Клотеру; онъ женился на ней и полюбилъ ее насколько могъ любить король тогдашняго времени.

Однажды королева Ингонда сказала своему мужу:—Господинъ, у меня есть сестра Арланда, которая пасетъ коровъ въ деревнѣ; вели кому-нибудь изъ своихъ вельможъ жениться на ней, чтобы мнѣ не было стыдно за нее.

Клотеръ любилъ жену, пошелъ самъ къ Арландѣ и, найдя ее красавицей, привелъ во дворецъ и

вечеромъ сказалъ женѣ:—Я искалъ знатнаго мужа твоей сестрѣ, но не нашелъ никого лучше самого себя и взялъ ее себѣ въ жены.

— Что хорошо для моего господина, отвѣтила на это Ингонда, то хорошо и для его служанки. Съ этихъ поръ Клотеръ жилъ съ обѣими сестрами и поровну дѣлилъ ласки между ними.—Все-таки нашествіе варваровъ подвинуло цивилизацію впередъ.

Гдѣ-то есть легенда, разсказывающая, что какой-то восточный царь заболѣлъ изнурительной болѣзнью; онъ ѣлъ, пилъ, но, несмотря на это, все-таки медленно изнемогалъ.

Онъ обратился за совѣтомъ къ своему астрологу; тотъ, посовѣтовавшись въ свою очередь съ небомъ, прописалъ странное питье, для составленія котораго евнухъ повелъ доктора въ одинъ изъ коридоровъ сераля.

Изъ первой комнаты чрезъ портьеру доктору была протянута голая рука, бѣлая какъ снѣгъ; онъ открылъ въ рукѣ жилу, бережно подставилъ ониксовую чашу подъ лившуюся кровь незримой султанши.

Изъ другой комнаты высунулась черная рука, изъ третьей мѣднокрасная; переходя изъ комнаты въ комнату, онъ пустилъ кровь такимъ образомъ женщинамъ всевозможныхъ племенъ и отнесъ больному пѣнящееся лекарство. Царь выпилъ его залпомъ и выздоровѣлъ.

XVI.

РЫЦАРСТВО.

Продолжительное броженіе христіанства и варварства образовало феодализмъ.

Тамъ виденъ замокъ, здѣсь монастырь; баронъ строитъ свое жилище на возвышенности, монахъ въ долинѣ. Одинъ царитъ надъ тѣломъ, другой надъ духомъ.

Въ городахъ осталась только толпа ремесленниковъ и купцовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образуется среднее сословіе.

На выручку скучающей въ замкѣ женщинѣ явилось рыцарство, изобрѣтенное церковью.

Феодализмъ былъ ни что иное, какъ взаимное обезпеченіе въ грабежѣ, отъ котораго равно страдали и духовные и простой народъ.

Монахи, исповѣдуя бароновъ, старались отыскать въ нихъ слабую струну, которая послужила бы къ ихъ защитѣ, и отыскали въ ихъ сердцахъ наклонность къ женщинамъ.

Когда истый убійца сдѣлаетъ злодѣяніе и послѣ этого хорошо поѣстъ, то онъ дѣлается сговорчивъ и женщина лаской легко овладѣваетъ имъ. Духо-

венство очень ловко воспользовалось женщиной, какъ орудіемъ защиты, и чувство, внушаемое ею мущинамъ, обратило на водвореніе спокойствія.

Оно создало рыцарство, къ которому мущинъ приготовляли съ дѣтства.

Дворянинъ десяти лѣтъ поступалъ пажемъ къ сосѣднему владѣльцу замка или лучше сказать владѣтельницѣ, потому что она принимала его подъ свое покровительство и научала вѣжливому обращенію. Вотъ почему онъ носилъ имя дамоазо (damoiseau) въ честь своей учительницы.

Въ пятнадцать лѣтъ онъ дѣлался оруженосцемъ, онъ переходилъ въ конюшню и холилъ лошадь господина; наконецъ въ двадцать одинъ годъ его посвящали въ рыцари.

Церковь, какъ установительница рыцарства, сама опредѣлила обрядъ посвященія. Она посвящала въ рыцари точно также какъ посвящала въ санъ священника или крестила принимавшихъ христіанство. Новоизбранный молился, постился, исповѣдывался, обмывался, надѣвалъ бѣлую одежду, стригъ волосы и шелъ къ обѣднѣ между двумя воспріемниками, повѣсивъ шпагу на шею.

Послѣ обѣдни онъ снималъ перчатку и клялся на евангеліи защищать слабыхъ и угнетенныхъ. Послѣ того лицо, которому поручалось принять вновь избраннаго, ударялъ его три раза по лицу шпагой во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Послѣ этихъ почетныхъ ударовъ оба воспріемника привязывали ему золотыя шпоры. Новый рыцарь имѣлъ полное право, съ тѣхъ поръ, скитаться по свѣту и биться за Бога и за даму своего сердца.

Его Богъ былъ не болѣе какъ духовенство, а дама сердца—жена сосѣда.

Во время феодализма, бароны первенствовали по количеству своихъ ленныхъ владѣній; получая земли въ наслѣдство, они получали и власть. На югѣ женщины также получали наслѣдство и вмѣстѣ съ нимъ верховную власть надъ ленниками.

Рыцари добивались женъ не съ личными достоинствами, а съ землями, которыми онѣ владѣли, и женились безъ разбора на молодой и на старой, на безобразной и на красавицѣ, единственно для увеличенія своихъ владѣній. Такимъ образомъ бракъ обратился въ покупку и мущина могъ его расторгнуть когда хотѣлъ. Правда, что христіанство уничтожило разводъ; но такъ какъ въ извѣстной степени родства бракъ не допускался, то когда какому-нибудь барону хотѣлось развестись съ женой, чтобы, посредствомъ втораго брака, получить другое имѣніе, онъ всегда находилъ, что жена была съ нимъ въ родствѣ; епископъ расторгалъ бракъ и получалъ за это плату. Какъ же было любить женщину, имѣвшую только одно достоинство, хорошее приданое? А между тѣмъ, сердце требовало любви и, не найдя ее въ бракѣ, оно обращалось къ другимъ источникамъ.

И вотъ рыцарь беретъ двухъ женъ, одну для продолженія рода, — она живетъ въ его замкѣ,— другую для своего удовольствія; эту-то послѣднюю онъ любитъ всѣмъ сердцемъ и воспѣваетъ въ стихахъ, если у него есть даръ сочинять ихъ.

Но прежде чѣмъ онъ получитъ право воспѣвать ее, онъ долженъ пройти чрезъ четыре степени посвященія: первую—вздыхающаго, вторую—вымали-

вающаго, третью—выслушиваемаго, наконецъ четвертую—друга.

Тогда онъ становится на колѣни предъ своей дамой, и клянется служить ей до гроба и защищать ее отъ обидъ и оскорбленій.

Дама, съ своей стороны, объявляетъ, что готова принять услуги своего рыцаря и въ залогъ любви даетъ кольцо и поцалуй,—первый и послѣдній, говоритъ она; но на дѣлѣ выходитъ, что послѣдній онъ только теоретически. Тутъ скромный рыцарь испрашиваетъ у нея позволеніе посвятить ей свое существованіе. Иногда священникъ благословлялъ этотъ союзъ душъ; онъ могъ быть посредникомъ въ этой мистической связи, не компрометируя своего званія. По окончаніи всего этого, служитель любви отправлялся, вооруженный копьемъ—правозглашать повсюду, что его возлюбленная лучше всѣхъ, и былъ готовъ вступить въ бой со всякимъ рыцаремъ, осмѣливающимся утверждать противное. Ни одинъ сосѣдній рыцарь не отказывался принять вызовъ; поединокъ рѣшалъ споръ. Для этого поединка огораживали извѣстное пространство балюстрадой; на верху устраивали мѣста для дамъ и дѣвицъ. Такимъ образомъ устраивалась арена. Въ назначенное время ристалище открывалось и герольдъ трубилъ вызовъ. По данному знаку являлись рыцари, въ желѣзныхъ шлемахъ на головѣ и въ панцыряхъ на груди, садились на коней, убранныхъ колокольчиками или погремушками, и выѣзжали на арену, сопровождаемые оруженосцами или слугами, переодѣтыми въ медвѣдей или дикихъ. Иногда ихъ ратнаго коня выводилъ одинъ изъ сослуживцевъ; при этомъ онъ

говорилъ рыцарю слѣдующее: «не забудь, чей ты сынъ; не обезчести своего рода.» Иногда же сама дама держала за узду его коня; въ такомъ случаѣ, у рыцаря на рукахъ были надѣты цѣпи, въ доказательство его рабства.

Дама снимала цѣпи съ своего раба и давала ему какую-нибудь принадлежность своего наряда. Отпуская его, она говорила ему: «Прощайте, мой другъ, мое сокровище; пусть Пресвятая Дѣва поможетъ вамъ одержать побѣду, награду за которую вы получите отъ меня! Рыцарь благороднаго происхожденія никогда не обезславитъ своего рода.» И пожавъ его руку, она садилась на эстраду.

Во время битвы она высовывается за балюстраду, и воспламененнымъ взоромъ слѣдитъ за битвой, голосомъ и жестами поощряя своего заступника; она безпрестанно бросаетъ ему новые знаки любви, напр. головной уборъ; наконецъ сама бросается на арену, гдѣ звенитъ оружіе и льется кровь, потому что, несмотря на то, что рыцари дрались не отпущеннымъ оружіемъ, поединокъ имѣлъ характеръ ожесточеннаго боя и подчасъ нервная владѣтельница замка могла наслаждаться всѣмъ сладострастіемъ римскаго цирка.

Однажды, въ Римѣ былъ данъ турниръ въ Колизеѣ, и всѣ знатныя дамы присутствовали при немъ въ ложахъ, убранныхъ краснымъ сукномъ. Молодые конные гладіаторы проѣхали мимо ихъ съ девизами, написанными на щитахъ.

У Людовика Паленты, одѣтаго въ красномъ и черномъ, была слѣдующая надпись: «Если я умру, то смерть моя будетъ сладка.»

У Ивана Канони было платье пепельнаго цвѣта съ слѣдующей надписью: «Я горю надъ пепломъ.»

У Франциска Маньери было платье блѣдно зеленаго цвѣта съ надписью: У меня была сильная надежда, но теперь ея нѣтъ болѣе.

Капарце былъ одѣтъ въ платье арлекина, съ написаннымъ на наличникѣ признаніемъ: Я сталъ сумасшедшимъ для женщины.

Осьмнадцать рыцарей умерли въ этотъ день при улыбкахъ римлянокъ.

Бой на копьяхъ былъ ни что иное, какъ любезная манера убивать другъ друга.

При нускомъ турнирѣ въ XIII столѣтіи двадцать четыре трупа остались на мѣстѣ битвы.

Самые малые удары, получаемые на турнирахъ, были или вышибленный глазъ или разбитая челюсть; но раненный рыцарь имѣлъ хоть то утѣшеніе, что дама его сердца сама перевязывала его раны. Знатная дѣвушка всегда должна была учиться вправлять кости и ухаживать за ранеными.

Почетный рыцарь, выбранный дамами, провозглашалъ побѣдителя. Въ случаѣ спора, онъ обращался къ самимъ дамамъ, которыя произносили окончательный приговоръ, и герой дня получалъ награды за свое искуство изъ рукъ своей возлюбленной. Она надѣвала ему на голову розовый вѣнокъ и цаловала его. Ея защитникъ подносилъ ей въ замѣнъ лошадь и доспѣхи пораженнаго рыцаря, а иногда и его самаго, т. е. тотъ выкупъ, который можно было получить за него.

На турнирахъ поступали какъ на войнѣ; побѣдитель бралъ въ плѣнъ побѣжденнаго и возвращалъ ему свободу только за выкупъ. Нетолько самъ баронъ зависѣлъ отъ ловкаго удара копья, но даже и судьба его дочери, потому что побѣдившій его противникъ могъ жениться на ней. Такимъ образомъ рыцарь всегда разсчитывалъ на турниръ и шпага служила ему средствомъ къ пріобрѣтенію богатства. Ловко направленный ударъ доставлялъ ему баронство. Но если во время битвы онъ ударялъ противника не въ грудь, то почетный рыцарь бросалъ на арену свой жезлъ и объявлялъ его виновнымъ въ вѣроломствѣ. Вѣроломный рыцарь долженъ былъ выходить изъ арены задомъ; хвостъ у его лошади обрѣзывали надъ кучей навоза и въ знакъ безчестія ему позволялось ѣздить только на кобылѣ; вездѣ, гдѣ бы онъ ни обѣдалъ, каждый могъ разрѣзать предъ нимъ скатерть и перевернуть хлѣбъ.

По окончаніи турнира мѣстный владѣлецъ приглашалъ всѣхъ къ себѣ обѣдать. По рыцарскому этикету рыцаря сажали подлѣ его дамы и оба ѣли изъ одной тарелки. Въ серединѣ обѣда, одна изъ молодыхъ дѣвушекъ обносила кругомъ стола жаренаго фазана и всѣ по очереди произносили какой-нибудь обѣтъ надъ этимъ почетнымъ блюдомъ.

Одинъ клялся быть первымъ на приступѣ, другой отпустить бороду, третій наклеить пластырь на глазъ, четвертый носить лѣтомъ мѣховое платье, а зимой легкую куртку. Отъ этого-то послѣдняго обѣта и образовалось любовное товарищество гал-

лянъ и галлянокъ. Они хотѣли бороться съ природой и ходили едва одѣтые во время стужи, а лѣтомъ окутывались въ мѣха. Но одна суровая зима прекратила существованіе этого братства. Большая часть членовъ его замерзли среди восторженныхъ изліяній любви.

XVII.

СУДЪ ЛЮБВИ.

Вотъ каково было рыцарство. Въ немъ слились вмѣстѣ элементы галльскій, германскій, арабскій; но относительно положенія женщины это былъ родъ двоеженства, покровительствуемаго духовенствомъ и освященнаго общественнымъ мнѣніемъ. Рыцарь имѣлъ одну жену; этимъ онъ показывалъ, что исполняетъ долгъ въ отношеніи общества; но, кромѣ того, онъ могъ брать изъ того же общества женщину, которая ему нравилась.

У рыцарской любви было три степени: скорбь, или объясненіе съ предметомъ любви, помилованіе т. е. награда,—въ этотъ день рыцарь купался вмѣстѣ съ своей дамой,—и наконецъ счастіе, т. е. восторги счастливаго сердца.

Когда женщина склонялась на любовь рыцаря, то она не могла имѣть другой мысли кромѣ мысли о немъ; день и ночь думала она о своемъ возлюбленномъ, мечтала видѣть его въ своемъ мужѣ и утромъ, когда ея вѣрный служитель приходилъ мечтать подъ ея окна, она говорила одѣваясь и

глядя въ зеркало: «Богъ да ниспошлетъ счастливый день моему милому другу».

Милый другъ во второй періодъ любви имѣлъ право дѣлать разныя глупости. Петръ Видаль любилъ Луву де Пенотье (*), и чтобы доказать ей свою любовь, онъ назвался волкомъ и приходилъ выть у дверей своей возлюбленной; мало этого, однажды онъ нарядился въ шкуру только-что убитаго волка и выдержалъ травлю, въ которой собаки разодрали его въ клочки, такъ что онъ замертво былъ принесенъ домой.

У одной дамы было трое искателей ея сердца, она послала всѣмъ троимъ по рубашкѣ, приказавъ надѣть ее вмѣсто латъ, когда она выйдутъ на бой. Но только одинъ изъ нихъ рѣшился подвергнуться такому испытанію, онъ дрался съ обнаженной грудью противъ соперника, закованнаго въ латы; его рубашка вся покрылась кровью и онъ послалъ ее своей возлюбленной. Та, надѣвъ рубашку во время пиршества, обошла весь столъ въ этомъ окровавленномъ нарядѣ въ присутствіи своего мужа.

У влюбленнаго рыцарства была своя расправа и свои законы. Когда возникало какое-нибудь недоразумѣніе между рыцаремъ и его дамой, то обѣ спорящія стороны обращались къ суду любви.

Засѣданія суда любви происходили въ маѣ мѣсяцѣ, подъ тѣнью вяза, или въ почетной залѣ какого нибудь замка, на эстрадѣ, покрытой зеленымъ ковромъ; предсѣдательницей суда могла

(*) Louve—волчиха.

быть только женщина, никакъ не старше двадцати трехъ лѣтъ.

Присутствовавшіе въ засѣданіи были одѣты въ бѣлыхъ атласныхъ симарахъ, перехваченныхъ поясомъ.

Секретарь, сидѣвшій внизу у эстрады, предъ маленькимъ столикомъ, записывалъ рѣшенія суда. Этотъ секретарь былъ мальчикъ, переодѣтый амуромъ, который писалъ стрѣлой вмѣсто пера.

Судъ важно выслушивалъ обѣ стороны, потомъ, съ неменьшей важностью, начиналъ обсуждать дѣло и предсѣдательница произносила приговоръ. Если поклонникъ былъ не правъ, то судъ запрещалъ ему на нѣкоторое время видѣться съ своей дамой; если же, наоборотъ, провинялась дама, то ее присуждали носить старое платье. Судъ любви былъ не простымъ обрядомъ, а настоящимъ судилищемъ чести, приговоръ, который подтверждался общественнымъ мнѣніемъ, а странствующіе рыцари приводили въ исполненіе.

Проѣзжая по владѣнію какой-нибудь дамы, рыцарь спрашивалъ: была ли она когда-нибудь оскорблена въ своей чести, и если ему отвѣчали, что да, то онъ отмѣчалъ мѣломъ ворота замка и ѣхалъ дальше. Если же, напротивъ, дама жила честно, то онъ останавливался предъ калиткой и обращался къ ней съ слѣдующей рѣчью: «Мой добрый другъ, я молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ вамъ честь и благо, потому что вы заслуживаете почтенія и одобренія».

Часто судъ любви собирался, чтобы разсуждать о какомъ-нибудь общемъ вопросѣ, какъ напримѣръ:

Можетъ ли жена любить своего мужа?

Судъ любви подъ предсѣдательствомъ графини де Шампань рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно.

Одинъ рыцарь просилъ дѣвицу поцаловать его; на это она отвѣчала ему:

— Я васъ поцалую, когда буду замужемъ.

Одинъ рыцарь любилъ дѣвицу, но та любила другаго и, чтобы утѣшить безнадежнаго искателя, она обѣщала полюбить его въ томъ случаѣ, если она потеряетъ своего любовника. Она дѣйствительно потеряла перваго своего обожателя, потому что немного спустя вышла за него замужъ; но отказалась сдержать свое обѣщаніе, подъ тѣмъ предлогомъ, что выйти замужъ за любовника не значитъ еще потерять его.

Судъ любви, подъ предсѣдательствомъ Елеоноры де Гюань, опровергъ это извиненіе, противное правиламъ рыцарства, и присудилъ даму исполнить ея обязательство.

Другой вопросъ: лучше ли быть любовникомъ или мужемъ?

Гюи д'Юизель защищалъ любовника, а его двоюродный братъ Илій—мужа. Судъ рѣшилъ, что любовь мужа къ женѣ смѣшна, тогда какъ любовь рыцаря къ его дамѣ достойна похвалы.

Другая задача: лучше ли любить неопытную женщину или опытную?

Трубадуръ Манклоръ спорилъ объ этомъ вопросѣ съ рыцаремъ Эспердю.

—Эспердю, говорилъ онъ, я предпочитаю владѣть въ настоящемъ, чѣмъ въ будущемъ; любя даму, я увѣренъ въ томъ, чѣмъ я владѣю; но любя неопытную женщину, я не имѣю этой увѣренности.

Монклоръ, отвѣчалъ Эспердю, я предпочитаю надѣяться на будущія блага; съ неопытной женщиной я съ каждымъ днемъ могу выигрывать, тогда какъ съ женщиной опытной я ничего не могу пріобрѣсти новаго.

— Тотъ счастливѣе, возразилъ Манклоръ, кто владѣетъ опытной женщиной, она лучше умѣетъ привѣтствовать своего друга, нежели невинная, которая все разскажетъ своему мужу.

Если у любви былъ свой судъ въ средніе вѣка, то у ней былъ также свой духовный чинъ, свои братья проповѣдники, трубадуры или труверы.

Приходитъ весна, распускаются цвѣты, и вотъ предъ воротами какого-нибудь замка трубятъ въ рогъ, пажъ открываетъ ворота и оказывается, что это трубадуръ, просящій гостепріимства.

Трубадуръ, странствующій поэтъ, а часто и рыцарь, разноситъ изъ замка въ замокъ изображеніе какой-нибудь неизвѣстной красавицы и разсказываетъ въ пѣсняхъ о ея достоинствахъ первому встрѣчному.

Но къ искуству говорить стихами трубадуръ, по большей части, присоединяетъ еще умѣнье дѣлать разные фокусы, передразнивать соловья, играть на монокордѣ.

Онъ пѣлъ вечеромъ послѣ ужина въ залѣ замка, въ то время, какъ кравчій разносилъ десертное вино. Онъ начиналъ пѣть любовную пѣсню, сочиненную въ честь дамы, цвѣтъ которой онъ носилъ, потому что настоящій трубадуръ любилъ по крайней мѣрѣ одну женщину, а часто и нѣсколькихъ. Я такъ опытенъ въ любовныхъ дѣлахъ, говорилъ трубадуръ Сордель, что ни одна честная женщина

не въ состояніи противиться мнѣ. Что мнѣ за дѣло до печали мужа, лишь бы мнѣ наслаждаться.

Но все-таки трубадуръ хранилъ свою любовь въ тайнѣ и называлъ предметъ своей страсти какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ. То это была красавица, то безупречная, то нравящаяся, то прелестная всадница, если его возлюбленная была такого же воинственнаго духа, какъ Беатриса д'Ель Кара, которая промѣняла платье на шпагу.

Поэзія любви, однообразная какъ сама любовь, вращалась всегда около одного предмета и въ ней говорилось только о прозрачномъ ручейкѣ, о зелени луговъ, о пѣніи соловья, о томъ, что рыцарь умираетъ отъ любви къ своей возлюбленной.

Иногда труверъ ходилъ съ товарищемъ, чтобы пѣть съ нимъ дуэтъ. Этотъ дуэтъ состоялъ изъ сочиненія, написаннаго въ формѣ разговора на какой-нибудь вопросъ о любви и былъ какъ бы поэтическимъ поединкомъ, въ подражаніе турниру, въ которомъ одинъ изъ трубадуровъ давалъ тему, другой возражалъ на нее, а присутствующіе рѣшали споръ.

Послѣ стиховъ трубадуръ принимался за фокусы. Онъ кидалъ вверхъ яблоко и подхватывалъ его ножемъ. Однимъ словомъ, онъ выказывалъ все свое искуство и по окончаніи своихъ упражненій получалъ плату.

Труверу платили натурой, ему давали или платье, или старую лошадь. Если владѣлецъ замка былъ щедръ, то прибавлялъ къ этому немного денегъ. У средневѣковаго поэта былъ положительный умъ, онъ въ дворянахъ цѣнилъ больше всего щедрость и умѣлъ извлекать изъ нея пользу.

Вы можете учиться показывать фокусы для того, чтобы нравиться, говорилъ Жиро Рикье, я же дѣлаю ихъ для того, чтобы нажиться.

Трубадуръ льстилъ, а баронъ платилъ, и не было такой издержки, которую не сдѣлалъ бы баронъ ради лести. При Бокерскомъ турнирѣ Бертранъ Рейбо велѣлъ вспахать ристалище двѣнадцатью парами быковъ и насыпать на борозды тридцать тысячъ золотыхъ монетъ. Графиня де-Соргъ, съ своей стороны, прислала золотую діадему, стоющую сорокъ тысячъ солей, чтобы украсить Вильгильма Мета, провозглашеннаго на турнирѣ первымъ фокусникомъ.

Послѣ фокусовъ подавали вино и трубадуръ шелъ спать, обнимая призракъ своей красавицы, а иногда нетолько призракъ, но что-нибудь повещественнѣе, потому что владѣтельницы любили нравиться трубадуру, да и въ самомъ дѣлѣ отъ него пріобрѣталась слава. Онѣ принимали ихъ весьма гостепріимно, и даже, когда онъ отправлялся въ отведенное ему мѣсто ночлега, то одна изъ приближенныхъ посылалась провести съ нимъ время.

На другой день, при солнечномъ восходѣ, дѣвушка пѣла ему утреннюю пѣсню:

Милый товарищъ, спишь ли ты? пробудись, настанетъ скоро день.

Ромео прощался съ своей временной Юліей и пускался снова въ свое поэтическое скитальчество.

Въ то время, какъ трубадуры пѣли пѣсни, на берегахъ Арно молодой флорентинецъ прислушивался къ этому первому лепету поэзіи и составлялъ изъ него средневѣковую поэму.

Дантъ наслѣдовалъ Бернару Ванопадуру, и призрачная красавица получила имя Беатриче.

Дантъ увидѣлъ на улицѣ проходившую дѣвушку, нашелъ ее прекрасной, поклонился ей, та отвѣчала на поклонъ и въ тотъ же вечеръ онъ написалъ свой первый сонетъ: Будь благословенъ Тотъ, Кто создалъ это прелестное твореніе.

Это твореніе была Беатриче. Нѣсколько времени спустя, онъ встрѣтилъ ее опять, поклонился ей, но на этотъ разъ предметъ его мечтаній не отвѣтилъ ему. Беатриче вышла замужъ за Симона Барди, но вскорѣ послѣ свадьбы умерла. Когда ее хоронили, Дантъ положилъ руку на гробъ и поклялся сказать объ этой женщинѣ то, чего не говорилъ еще ни о комъ.

И онъ сдержалъ свою клятву. Беатриче явилась ему на одинъ мигъ, но въ этой минуты онъ полюбилъ ее, какъ высшее воплощеніе красоты, и не переставалъ слѣдить за видѣніемъ, улетѣвшимъ въ невидимый міръ.

Греція мечтала о Венерѣ Ураніи, Дантъ олицетворилъ ее въ своей божественной эпопеѣ, и подъ именемъ Беатриче создалъ апоѳеозу женщины.

XVIII.

КОЛДОВСТВО.

Въ то время какъ у рыцарей происходили суды любви у колдуновъ были также свои собранія, извѣстныя подъ именемъ шабашей.

Колдунъ былъ получеловѣкъ, полудьяволъ; однако человѣкъ не рождался колдуномъ, а дѣлался имъ точно такъ же какъ дѣлался рыцаремъ посредствомъ посвященія и клятвы.

У дьявола страсть завербовывать себѣ слугъ развита въ высшей степени, и вотъ вечеромъ онъ сбрасываетъ съ себя козлиную шкуру, которая можетъ его выдать, надѣваетъ шляпу съ перомъ и, встрѣтивъ молодую дѣвушку, подходитъ къ ней съ льстивой рѣчью. Если, на бѣду, она остановится его слушать, то погибель ея неминуема.

У женщины, по словамъ одного ученаго изъ духовныхъ, сердце мягко (*) какъ воскъ, изъ женщины

(*) Слово женщина—*mulier* происходитъ отъ слова *molis*—мягкій.

можно все сдѣлать, и потому дьяволъ на одного колдуна пріобрѣтаетъ десять колдуней.

Но онъ никогда не отказывается и отъ мущины, если видить, что тотъ годенъ для службы; онъ подходитъ къ нему подъ видомъ торговца и, показывая мѣшокъ съ деньгами, говоритъ ему: ступай за мной, я тебѣ обѣщаю хорошую поживу.

Если мущина такъ глупъ, что соглашается на сдѣлку, хитрецъ тотчасъ вынимаетъ изъ кармана росписку и велитъ подписать, тотъ дѣлаетъ крючокъ внизу записки, дьяволъ кладетъ когти на плечо подписавшаго и на этомъ плечѣ кожа твердѣетъ какъ кора; послѣ этого онъ даетъ вновь посвященному мазь, чтобы подмазывать телегу, на которой онъ будетъ ѣздить на шабашъ. Вдругъ, въ ночной тишинѣ раздается звукъ рожка, это сатана созываетъ свою армію.

На этотъ призывъ всѣ живущіе по сосѣдству колдуны и колдуньи чувствуютъ, что ихъ приподнимаетъ вѣтромъ и они на метлахъ летятъ по воздуху.

Въ полночь какому-нибудь пастуху, спавшему подъ открытымъ небомъ, слышался какъ бы свистъ вѣтра, это былъ воздушный поѣздъ, скакавшій на шабашъ съ неимовѣрной быстротой. Иногда случалось, что караванъ былъ застигаемъ дождемъ, но, какъ только его предводитель произносилъ магическое заклинаніе, ливень обращался въ другую сторону и поѣздъ пріѣзжалъ благополучно въ какую-то фантастическую прогалину, облитую луннымъ свѣтомъ. Тамъ сатана предсѣдательствовалъ во всей славѣ, съ клинообразной бородой и рогами; направо сидѣла его жена, та-

кая же бородатая и мохнатая, какъ и онъ. По мѣрѣ того какъ колдуны съѣзжались, они стройно проходили мимо сатаны и присѣдали ему задомъ; послѣ этого они садились за столъ, установленный кушаньями изъ драконовъ и жабъ, приправленныхъ Адамовой головой, запивая все это возбуждающимъ напиткомъ, называемымъ мальвазіей.

Но, въ дѣйствительности, всѣ эти кушанья изъ жабъ и змѣй были не болѣе какъ вѣтеръ; накормивъ все собраніе, сатана вынималъ изъ кармана свирѣль и присутствующіе начинали необузданный танецъ—спина объ спину; мальвазія производила свое дѣйствіе, даже луна отъ ужаса пряталась.

По окончаніи танца сатана служитъ обѣдню, въ которой агнцемъ служитъ кусокъ черной рѣпы; всѣмъ присутствующимъ раздается по зажженой свѣчѣ, при прикосновеніи къ ней колдуна она таетъ и исчезаетъ вдали какъ блуждающій огонекъ.

Наконецъ, во время жертвоприношенія, сатана самъ всходитъ на алтарь, самъ собой зажигается и совершенно сгараетъ, отъ него остается одинъ пепелъ; каждый колдунъ беретъ по щепоткѣ и при первомъ пѣніи пѣтуха садится снова на свою метлу и возвращается домой. Этой-то щепоткой пепла колдунъ пріобрѣтаетъ силу, ему стоитъ только сказать слово надъ ней и онъ по желанію производитъ дождь, вёдро или бурю, ломаетъ замки, убиваетъ скотъ, крадетъ жатвы и, одѣваясь въ волчью шкуру, рыскаетъ оборотнемъ по лѣсу.

Однажды, какой-то дворянинъ шелъ на охоту

съ ружьемъ на плечѣ; проходя мимо замка, онъ увидѣлъ хозяина, стоящаго на подъемномъ мосту.

— Другъ, сказалъ онъ ему, вели на кухнѣ не гасить огонь; если я убью зайца, то принесу его тебѣ на ужинъ.

— Ты можешь вполнѣ разсчитывать на хорошій пріемъ, отвѣчалъ владѣлецъ, и на бутылку кларета. Охотникъ отправился дальше, проходилъ цѣлый день, не застрѣливъ ни одной птицы; онъ возвращался въ сумерки назадъ, какъ вдругъ видитъ, что при поворотѣ тропинки изъ лѣска на него бѣжитъ волкъ, сгибая молодые подростки, какъ траву. Онъ прицѣлился, стрѣла попала въ самую средину головы, зазвенѣла какъ будто ударившись объ желѣзо и отскочила, волкъ отряхнулся и вспрыгнулъ на грудь охотника.

Дворянинъ схватываетъ его за горло, вынимаетъ свой охотничій ножъ и отрѣзываетъ ему одну изъ лапъ; волкъ завылъ отъ бѣшенства и, бросивъ охотника, пустился бѣжать съ такой же быстротой, какъ будто у него были всѣ четыре лапы.

Побѣдитель положилъ отрѣзанную лапу въ сумку и возвратился въ замокъ своего друга.

— Ну что же? спрашиваетъ владѣлецъ: вертѣлъ готовъ.

— Совершенно напрасно, сегодня для меня былъ несчастный день, я добылъ только вамъ вотъ что.

Съ этими словами раскрываетъ сумку, но, вмѣсто положенной имъ туда волчьей лапы, онъ видитъ женскую руку, украшенную гербовымъ кольцомъ.

Владѣлецъ поблѣднѣлъ при видѣ этой добычи; онъ узналъ въ рукѣ почти собственную свою ру-

ку, а въ кольцѣ то самое кольцо, которое купилъ въ день свадьбы. Въ голову его запало подозрѣніе и, чтобы удостовѣриться, онъ пошелъ въ кухню.

Его жена, дрожавшая отъ холода и укутанная въ плащъ, грѣла у огня свои мокрыя ноги; онъ поднялъ плащъ и вскрикнулъ отъ ужаса, у несчастной была отрѣзана кисть руки; онъ былъ женатъ на колдуньѣ.

Земскій ріонскій судъ, увѣдомленный объ этомъ дѣлѣ, приговорилъ ее къ сожженію на кострѣ.

Всякій разъ, какъ гдѣ-нибудь показывалась эпидемія, колдуны были сожигаемы въ несмѣтномъ количествѣ; въ одномъ Франшъ-Конте ихъ было сожжено три тысячи. Жертвы признавались, что они участвовали въ шабашахъ и открывали разныя тайны своимъ палачамъ.

Но изъ всѣхъ этихъ жертвъ одна составляла исключеніе, это была молоденькая крестьянка, невысокая ростомъ, толстая, съ черными волосами и загорѣлымъ лицомъ, ее звали Жанетой, или Ла-Раме по фамиліи матери по лоренски.

Около деревни, гдѣ она жила, текъ ручей подъ сѣнью бука; въ первый день мая молодыя дѣвушки вѣшали на этотъ букъ свои шляпы. У этого ручья Жанета любила слушать вечерній благовѣстъ.

Ей казалось, что этотъ небесный голосъ пробуждалъ въ ней внутренній голосъ; однажды вечеромъ ея сердце забилось сильнѣе и ей послышалось, что съ ней кто-то говоритъ, она обернулась и увидѣла стоявшую около нея женщину. Это была Св. Екатерина, повелѣвшая ей прогнать англійскую армію изъ королевства, потому что въ

это время во Франціи было два короля, одинъ въ Лондонѣ, другой въ Шинонѣ.

Жанета пошла къ Бодрикуру; когда она сообщила о причинѣ своего прихода, Бодрикуръ грубо отвѣтилъ ей, назвавъ негодяйкой, и отказался выслушать ея дальнѣйшую исповѣдь.

Чрезъ нѣсколько времени Жанета снова пришла къ рыцарю: Бодрикуръ, осѣненный свыше, далъ ей мужскую одежду и лошадь.

— Будь что будетъ, сказалъ онъ; и далъ ей двухъ рыцарей въ проводники въ Шинонъ. Съ этихъ поръ она сдѣлалась уже не Лоренской крестьянкой, а Жанной д'Аркъ, олицетворяющей Францію.

Путь длиненъ, непріятель дѣлаетъ набѣги, но Жанна безъ заботы ѣдетъ впередъ, она слѣдуетъ за Св. Екатериной. Ея видѣніе было не обманъ и не безуміе. Въ средніе вѣка вѣрили въ дѣйствительность видѣній, мысль облекалась въ форму какого-либо Святаго или Святой; уже Екатерина Сіенская поѣхала, по повелѣнію Святой своей покровительницы, за папой въ Авиньонъ, чтобы привести его въ Ватиканъ.

Прибывъ въ армію, Жанна настойчиво предложила герцогу Ведфордскому очистить королевство. Англійскій военоначальникъ въ отвѣтъ на это назвалъ ее скотницей.

Но скотница заставила его отступить отъ Орлеана; она привела короля въ Реймсъ и короновала его.

Ее можно было принять за Архангела Михаила; когда она нападала на непріятеля съ мечомъ въ рукахъ. Казалось, что отъ ея доспѣховъ, покры-

тыхъ краснымъ шарфомъ, извергалось пламя; она поражала непріятеля наэлектризованной рукой, чтобы доказать, какъ говорила сама, силой ударовъ права царской крови.

Но когда она сходила съ лошади, чтобы отдохнуть отъ усталости, то становилась доброй и простой женщиной, не забывавшей даже пришивать золотую бахраму къ своему шарфу, всегда скромной и степенной.

Она была закована въ какую-то невидимую броню, которая защищала ее отъ всякаго дурнаго помышленія. Послѣ коронованія въ Реймсѣ, ей казалось, что ея посланіе кончено, она хотѣла вернуться въ свою деревню; но король удержалъ ее при арміи. Жанна осталась, и всѣмъ извѣстенъ ея конецъ. Она была ранена, взята въ плѣнъ, приговорена къ смерти и кѣмъ же? не Англіей, а церковью. Церковь приговорила ее къ сожженію на кострѣ за колдовство; англичане были только исполнителями этого приговора. Ни король, ни дворяне не постарались спасти благородную Жанну, спасшую государство.

«Какъ со мной обращаются? сказала она, услышавъ приговоръ. Неужели это тѣло, которое я хранила въ чистотѣ, сожгутъ!»

Ее дѣйствительно сожгли и разбросали по вѣтру; но Франція съ благоговѣніемъ собрала пепелъ, оставшійся послѣ этой дочери народа, и до тѣхъ поръ пока будетъ существовать французскій народъ, Жанна д'Аркъ будетъ считаться мученицей за отечество.

Что же такое послѣ этого эта страна и какъ въ ней дѣйствуютъ? благороднѣйшая и чистѣйшая

женщина была приговорена къ смерти, какъ колдунья. Человѣчество такъ создано, что Жаннѣ д'Аркъ чего то бы не доставало еслибы она не была сожжена; это такъ слѣдовало, таковъ законъ; трагедія служитъ развязкой всему великому на землѣ.

Не было ли колдовство въ сущности какимъ-нибудь заоблачнымъ видѣніемъ или болѣзнью? Нѣтъ, въ вымышленномъ колдовствѣ была своя доля дѣйствительности, въ немъ выразилось состояніе раба среднихъ вѣковъ; человѣка безъ имени, безъ всякихъ правъ, часто даже безъ пристанища, жившаго подлѣ своего стада совершенно животной жизнью. Римское завоеваніе ввело въ Галлію азіятскій развратъ и покрыло имъ всю землю, какъ слоемъ навоза, такъ что въ шабашахъ надо видѣть не болѣе какъ пародію на празднества Бахуса. Колдунъ замѣнилъ вакханта, а колдунья вакханку. Фавнъ явился подъ шкурой дьявольскаго козла. Итакъ всякому было свое: рыцарство выпало на долю благородныхъ, а колдовство—на долю простолюдиновъ.

XIX.

ЖЕНЩИНА ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Церковь обратила бракъ въ таинство; она дѣлала оповѣщенія въ проповѣдяхъ и соединяла жениха съ невѣстой не предъ алтаремъ, а передъ дверьми церкви.

Во всякой провинціи былъ свой обычай просить руки молодой дѣвушки. Въ Бретани отъ имени жениха приходилъ къ невѣстѣ сватъ-поэтъ, называвшійся бозвананъ; у него были надѣты на одной ногѣ синій чулокъ, на другой бѣлый; онъ пѣлъ невѣстѣ привѣтствіе.

Если родители дѣвушки принимали привѣтствіе, то приглашали бозванана съѣсть вмѣстѣ съ ними пирогъ и запить его бутылкой вина. Въ противномъ случаѣ, поэту приносили вареную говядину, которую онъ съѣдалъ украдкой.

Иногда же влюбленный предпочиталъ самъ дѣлать предложеніе; онъ просилъ свиданья у молодой дѣвушки; когда онъ являлся въ назначенный ею самою часъ и находилъ комнату ея пустой и го-

ловни, поставленныя стойкомъ, то ему оставалось только удалиться. Французская пословица говоритъ, что стоячія головни выгоняютъ влюбленныхъ.

Въ Гасконіи искатель руки ужиналъ въ домѣ невѣсты; онъ ѣлъ, пилъ и разсказывалъ что нибудь; на разсвѣтѣ молодая дѣвушка приносила десертъ. Если она ставила на столъ блюдо съ орѣхами, то это означало отказъ, если же она ихъ не приносила, то сейчасъ составляли условіе. Но на бракъ нужно было согласіе сюзерена; безъ этого согласія ни одна женщина не имѣла права выйдти замужъ.

Сюзеренъ имѣлъ право выдать замужъ свою вассалку за кого ему хотѣлось, будь она даже осьмидесяти четырехъ лѣтъ и хоть дыши она на ладонъ.

Если женщина была знатнаго происхожденія, то, прежде брака, она подвергалась тщательному осмотру особой женской коммиссіи. Ее раздѣвали и подробно осматривали; если находили, что дѣвушка могла быть матерью, то выдавали ей свидѣтельство. Только тогда дѣвушка могла вступать въ бракъ.

Наканунѣ свадьбы подруги невѣсты пѣли подъ ея окномъ прощальную пѣснь, вѣшали цвѣточныя гирлянды у ея дверей; но если съ невѣстой были какія-нибудь приключенія, то ей бросали рубленную солому на порогъ дома. Наконецъ наступала свадьба; но она не могла быть ни въ воскресенье, потому что этотъ день посвященъ Богу, ни въ субботу, потому что это былъ канунъ воскресенья, ни въ понедѣльникъ, потому что это былъ слѣдующій день, ни въ пятницу, потому что пятни-

ца считалась несчастнымъ днемъ; итакъ только во вторникъ, среду и четвергъ, и то если въ эти дни не случалось праздника — свадебный поѣздъ направлялся въ церковь.

Шествіе открывали два шафера, верхами, съ кольями или съ обнаженными шпагами. За ними слѣдовали двѣ молодыя дѣвушки, несшія одна вѣтку боярышника, убранную лентами, другая-прялку, украшенную рѣзьбой. Въ продолженіе всего шествія, онѣ попеременно пѣли пѣсни, то о радостяхъ, то о горѣ семейной жизни.

Потомъ ѣхалъ женихъ тоже на лошади, держа невѣсту передъ собой, если она была не знатнаго рода; въ противномъ же случаѣ ее несли на носилкахъ, сдѣланныхъ изъ можжевельника. На головѣ у ней былъ надѣтъ розовый вѣнокъ. Священникъ встрѣчалъ свадебный поѣздъ у входа въ церковь.

Онъ спрашивалъ у присутствующихъ, нѣтъ ли препятствія этому браку, и если никто не отвѣчалъ, онъ обращался съ слѣдующимъ вопросомъ къ жениху:

— Такой-то, хочешь ли ты взять такую-то въ жены и хранить ее во здравіи?

Мужъ отвѣчалъ—да; и затѣмъ священникъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, говорилъ: Такая-то, хочешь ли ты выйти замужъ за такого-то?

— Да, отвѣчала она. Тогда священникъ соединялъ ихъ руки и получалъ десять денье за трудъ.

Потомъ мужъ бралъ изъ рукъ священника кольцо, примѣривалъ его на всѣ пальцы новобрачной и, надѣвъ на безымянный, говорилъ: Чествую васъ моею плотію; потомъ онъ клалъ ей въ руку денье

и говорилъ: Дарю, варъ моимъ добромъ. Когда вдова выходила во второй разъ замужъ, правая рука должна была быть закрыта въ продолженіи всего обряда.

Наконецъ священникъ благословлялъ новобрачныхъ, а послѣ благословенія всѣ присутствующіе цаловали молодую при барабанномъ боѣ. Въ воспоминаніе этой церемоніи каждый ударялъ кулакомъ своего сосѣда.

По окончаніи всѣхъ обрядовъ, свадебный поѣздъ возвращался домой и всѣ садились за столъ.

Въ это время мужъ несетъ своему господину свадебное кушанье, бараній бокъ и пинту вина; онъ, танцуя, подходилъ къ буфету и ставилъ свое приношеніе. Господинъ, въ замѣнъ этого, посылалъ на праздникъ сержанта съ борзой и гончей собакой.

Священникъ присутствовалъ при обѣдѣ; между вторымъ и третьимъ блюдомъ, онъ поднималъ свой стаканъ и говорилъ: «не забудемъ мертвыхъ», и затягивалъ De profundis; послѣ того гости опять начинали веселиться, бросали другъ въ друга блюдами и дрались вертелами въ воспоминаніе сватьбы.

Когда вѣшали какого-нибудь преступника, отецъ водилъ сына смотрѣть на казнь. Въ то время, какъ преступникъ входилъ на лѣстницу, отецъ говорилъ сыну: «помни», и давалъ ему пощечины, чтобы онъ лучше запомнилъ.

По окончаніи обѣда начинались танцы, но въ срединѣ бала одинъ изъ молодыхъ людей похищалъ молодую и только тогда отдавалъ ее мужу, когда тотъ обѣщался устроить еще такой же праздникъ.

Когда наступало время ложиться спать, молодая

умывалась фіалковой водой, потомъ снимала сапогъ съ ноги мужа, въ знакъ покорности. Священникъ благословлялъ брачное ложе и гости бросали на него подарки, принесенные молодымъ.

На другой день утромъ, дружки приносили молодымъ горячій напитокъ, приправленный пряностями.

Въ этотъ день молодая, разряженная, принимала поздравленія отъ родныхъ и знакомыхъ, сидя на кровати.

Часто даже запирали ставни и зажигали свѣчи, чтобы придать болѣе блеску этой церемоніи.

Послѣ этой публичной выставки, жена окончательно поступала во власть мужа, и онъ передавалъ ей все хозяйство.

Одинъ флорентинскій дворянинъ, по имени Пандольфини женился на Страцци, дѣвушкѣ благороднаго происхожденія.

На слѣдующій день, проснувшись, онъ важно сдѣлалъ ей слѣдующее внушеніе:

— Жена, сказалъ онъ ей, я требую отъ тебя трехъ вещей: первое, чтобы, ложась спать, ты думала только о твоемъ мужѣ.

Молодая покраснѣла и потупилась.

— Второе, чтобы въ домѣ у насъ было покойно. Третье, чтобы ты наблюдала за нашимъ имуществомъ.

Она скромно отвѣчала ему, что мать выучила ее шить и прясть.

Тогда Пандольфини началъ показывать женѣ свое хозяйство; онъ повелъ ее на чердакъ, въ погребъ, въ дровяной сарай; показалъ ей всю мебель, бѣлье, серебро; но не показалъ своего каби-

нета; даже запретилъ ей входить туда. Мужъ никогда не повѣрялъ своихъ дѣлъ женѣ и если она находила какую-нибудь заброшенную бумагу, то должна была принести ее мужу не развертывая.

Проводя жену, такимъ образомъ, по всѣмъ комнатамъ, онъ приводитъ ее въ молельню и, ставъ съ ней вмѣстѣ на колѣни предъ образомъ Мадоны, молится о томъ, чтобы у него родилось много сыновей, но не дочерей, которыя не приносятъ ничего кромѣ хлопотъ. Это мнѣніе вполнѣ подтверждается слѣдующимъ пуатьескимъ обычаемъ: отецъ, сбывшій замужъ свою послѣднюю дочь, слѣдовалъ за свадебнымъ поѣздомъ съ метлой на плечѣ,— наконецъ-то онъ очистилъ свой домъ.

Въ средніе вѣка женщину боготворили и вмѣстѣ съ тѣмъ презирали. Фроассаръ оправдываетъ салическій законъ такъ: Франдузское королевство, говоритъ онъ, наполнено такимъ высокимъ дворянствомъ, что ему несвойственно имѣть короля — женщину.

Женщина должна была повиноваться во всемъ и всегда мужу. Что бы онъ ни приказалъ ей, она должна была исполнить. Если онъ подставлялъ ей палку и говорилъ, прыгай, она должна была прыгать, потому что, какъ тогда говорили, мужъ глава женѣ; жена называла его барономъ. Когда онъ сходилъ съ лошади, она держала стремя и во время празднества служила ему за столомъ.

Въ подтвержденіе этихъ правилъ о повиновеніи, приводятъ слѣдующую легенду о Гризельдѣ. У Гризельды была дочь; мужъ убиваетъ ее, Гризельда благодаритъ мужа за это; у ней былъ сынъ, мужъ убиваетъ и его; она все-таки благодаритъ.

Мужъ выгоняетъ ее изъ замка, она уходитъ безъ ропота. Онъ женится на другой и призываетъ Гризельду служить новобрачной. Гризельда возвращается въ замокъ и стелетъ постель своей сопернице.

Мужъ могъ бить жену, чтобы заставить ее повиноваться. Въ другихъ случахъ, говоритъ Бонауаръ, мужьямъ можно простить обиды, которыя они причиняютъ женамъ, и судъ не долженъ вмешиваться въ эти дѣла, потому что мужъ можетъ бить свою жену, не причиняя ей смерти.

Феодализмъ слишкомъ высоко ставилъ силу и потому не уважалъ слабости. Дворянинъ изъ Анжу четырнадцатаго столѣтія разсказываетъ, что однажды средневѣковый владѣлецъ изувѣчилъ свою жену за то только, что она противорѣчила ему.

«Я видѣлъ женщину, говоритъ онъ, прескверная характера и большую спорщицу, которая постоянно противорѣчила мужу при гостяхъ. Мужъ ея, храбрый рыцарь, выйдя однажды изъ терпѣнья, ударомъ кулака повалилъ жену на полъ, потомъ сталъ мять ее ногами и, шпорой разодравъ ей лицо, изуродовалъ ее такъ, что до самой смерти она отъ стыда никому не показывалась. Жофруа Ландри одобряетъ поведеніе этого рыцаря. Онъ разсказалъ эту исторію въ назиданіе своей дочери и прибавилъ, въ видѣ замѣчанія. «Мужъ воленъ въ жизни и смерти своей жены.»

По обычаю, существовавшему въ Бордо, онъ признавался невиннымъ въ томъ случаѣ, если убивалъ жену въ припадкѣ гнѣва. Одинъ мужъ высѣкъ свою жену до крови, потомъ завернулъ ее въ воловью шкуру, обсыпанную перцомъ, и толь-

ко тогда снялъ съ нея эту оболочку, когда она обѣщала ему вполнѣ повиноваться. Но если, по закону взаимности, жена отвѣчала мужу побоями же, то ее сажали на осла лицомъ къ хвосту и заставляли объѣзжать околодокъ; а мужъ долженъ былъ держать поводъ и платить штрафъ.

Мужъ могъ нетолько бить жену, но и разводиться съ ней. Одинъ трубадуръ, по имени Раймондъ Мираваль, женился на такой же пѣвицѣ, какъ и онъ, по имени Гандереинса; но Раймондъ влюбился въ Кастрѣ въ прелестную, богатую вдову альбиноску; онъ преслѣдовалъ ее своей любовью; но прелестная вдова не хотѣла довольствоваться титуломъ друга, а хотѣла сдѣлаться женой. Раймондъ сказалъ Гандерсинсѣ: ты сочиняешь стихи такъ же хорошо, какъ и я; а мнѣ кажется, что въ семьѣ достаточно одного поэта,—и онъ развелся съ ней, чтобы жениться на вдовѣ. Женщина могла требовать развода только въ случаѣ безсилія мужа и то она должна была доказать это предъ свидѣтелями, подвергнувшись публичному испытанію.

Челобитницу и обвиняемаго приводили въ посторонній домъ; мужу предоставлялась цѣлая ночь, чтобы опровергнуть обвиненіе. Въ средніе вѣка, какъ видите, стыда не знали.

XX.

ПОКЛОНЕНІЕ ЖЕНЩИНѢ.

Между тѣмъ положеніе женщины улучшилось; сперва женщина имѣла только приданое, теперь она является самостоятельной владѣтельницей собственности; приданое служило ей защитой противъ мужа, а наслѣдство, остававшееся послѣ смерти его, избавляло ее отъ вліянія опекуна. Во времена феодализма политическая жизнь общества сосредоточивалась болѣе въ деревняхъ. Владѣя укрѣпленнымъ замкомъ, построеннымъ на отвѣсной саклѣ, мужъ по неволѣ сидѣлъ дома съ женой.

Римскіе граждане проводили время внѣ дома, на форумахъ или въ преторіяхъ; домой они возвращались только спать или обѣдать. Бароны же напротивъ, заключенные въ своихъ замкахъ, вынуждены были дѣлить жизнь съ своими женами. Они сражались или охотились; но сраженіе происходило вблизи ихъ замковъ, а охота въ ихъ же владѣніяхъ. Ихъ отсутствіе изъ дому было непродолжительно и оно еще болѣе скрѣпляло дружбу между мужемъ и женой. Одна умная женщина выразилась по этому случаю такъ: мнѣ пріятнѣе

кратковременное свиданіе съ мужемъ, нежели постоянное присутствіе его.

Жена сопровождала мужа на охотѣ съ соколомъ; она даже ѣздила вмѣстѣ съ нимъ на войну и при случаѣ сражалась. Среди рѣзкаго звука, происходившаго отъ столкновенія кольчугъ, часто слышенъ былъ шелестъ женскаго платья, быстро уносимый лошадью. Марго де-Лей защищала Монтелимаръ, герцогиня Бульонская носила латы, какъ рыцарь, графиня Салисбюри храбро отстаивала свой замокъ, Маданно Скалиста, окрещенная еврейка, странствовавшая по Сициліи, то въ панцырѣ, то въ монашескомъ платьѣ, изгнала изъ Сициліи анжуйскую династію и потомъ такъ таинственно умерла въ пещерѣ.

Въ средніе вѣка мужъ и жена получали одинаковое образованіе или, лучше сказать, не получали никакого. Баронъ считалъ за сумасшествіе умѣть читать и писать. Когда ему давали подписывать контрактъ, онъ гордо отвѣчалъ, что не умѣетъ писать, потому что онъ баронъ. Герцогъ Ланкастерскій прислалъ пропускъ Дичеслену и конетабль вручилъ его для прочтенія, какъ разсказываетъ хроника того времени, потому что онъ не позволялъ ни одному учителю учить себя.

Если дѣвушка выучивалась по-латыни, то это считалось дурнымъ дѣломъ.

«Она дурно кончитъ,» говорила пословица. Вотъ почему Алоиза была анахронизмомъ въ средніе вѣка; она была древней женщиной, парижской Сафо. Читая ея пламенную переписку съ призракомъ любовника ея, кажется, что это послѣдній поцалуй греческаго генія на горячихъ устахъ монахини.

Легенда сравнивала ученыхъ женщинъ съ феей Мемозиной, которая высиживала яйца ехидны. Франческо Барберино объявляетъ, что прекрасный полъ можно учить всему, кромѣ чтенія и письма. Дю Файстъ должна была прибѣгать къ чужой помощи, чтобы написать отвѣтъ своему поклоннику, сиру де Курси.

Да и что было читать? книги стоили дорого до изобрѣтенія книгопечатанія; только королевы, или принцессы могли обладать библіотеками или читальнями, какъ тогда ихъ называли.

Въ читальнѣ Маргариты Фландрской едва была сотня томовъ, романовъ, картинъ, трактатовъ объ астрологіи и теологіи, а между тѣмъ эта библіотека въ XVI столѣтіи слыла за чудо роскоши.

Этотъ-то недостатокъ образованія и составлялъ связь между мужемъ и женой и они отлично понимали другъ друга. А въ душевныхъ потемкахъ, точно также какъ ночью, женщина всегда будетъ имѣть перевѣсъ. Баронъ ищетъ дѣятельности внѣ дома, его жена охраняетъ въ это время замокъ; она работаетъ въ молельнѣ, подлѣ своего налоя. Сосредоченная жизнь пріучаетъ ее къ размышленію, и она пользуется имъ, чтобы основать царство женщины.

Женщина господствуетъ не потому, что она сильна, а потому что слаба или, лучше сказать, привлекательна; она научаетъ барона, какъ жить и какъ нравиться; она распространяетъ на него обаяніе тонкаго и вѣжливаго обращенія; «видно, что онъ не былъ въ женскомъ обществѣ,» говорили про какого-нибудь грубаго барона. Однимъ словомъ, улучшеніе мущины чрезъ вліяніе женщины было

цѣлью рыцарства, до извѣстной степени приведенною въ исполненіе.

Поклоненіе женщинѣ отразилось даже и на религіи; Богородицу, отстраненную до сихъ поръ на второй планъ, стали ставить наравнѣ съ Спасителемъ и, вслѣдствіе рыцарской вѣжливости, догматы вѣры принимаютъ женскій оттѣнокъ.

Богородица сдѣлалась какъ бы четвертымъ лицомъ Св. Троицы; преимущественно молились Богородицѣ, ея изображеніе носили на шляпахъ; ей посвящали церкви, строившіяся съ неимовѣрной быстротой.

Такимъ образомъ женщина вдохновляла архитектуру и поэзію; она ввела въ моду поэтическіе вечера фокусниковъ. Иногда послѣ ужина она слушала разсказы трувера, и можетъ быть предчувствовала то вліяніе, которое она будетъ имѣть современемъ.

Но все-таки женщинѣ нужно было еще остерегаться; хотя ей и удалось нѣсколько обтесать барона, но онъ еще не окончательно образовался. Рыцарь, конечно, былъ вѣжливъ, онъ повиновался своей дамѣ съ полной покорностью; но подъ этой наружной оболочкой у него былъ скрытъ бѣшеный характеръ.

Графъ д'Оранжъ, рыцарь и вмѣстѣ съ тѣмъ трубадуръ, говорилъ: «я научу любовниковъ, какъ нужно любить.» Хотите прославиться чрезъ женщинъ? При первомъ словѣ отказа употребите угрозу, а если угроза встрѣтитъ возраженіе, отвѣчайте ударомъ кулака, и повѣрьте, что вы сдѣлаете изъ женщины все, что хотите.

Учреждая рыцарство, духовенство думало оста-

новить мущинъ отъ разгульной жизни, но горько ошиблось, потому что рыцари отъ учтивости скоро перешли къ разврату. Вильгельмъ VII, графъ Пуатье, полюбилъ Энгельбергу де Шателлеро; онъ отнялъ ее отъ мужа несмотря на отлученіе отъ церкви, и построилъ ей въ Ніюртѣ замокъ, въ которомъ подъ видомъ монастыря былъ устроенъ сераль, въ которомъ Энгельберга была настоятельница.

— Когда же наконецъ ты исправишься? спрашивалъ епископъ Пуатье у Вильгельма.

— Тогда, когда ты будешь причесываться, отвѣчалъ графъ, показывая на плѣшивую голову прелата.

Рыцарь клялся въ вѣрности своей дамѣ предъ священникомъ, но онъ влюблялся вновь и просилъ священника разрѣшить его отъ клятвы. Въ этотъ день онъ посылалъ дамѣ своего сердца полу своего платья, означавшую, что онъ прерываетъ съ ней всякія сношенія.

Когда-же женщина первая прекращала сношенія, она посылала рыцарю крапиву. Маркиза Полиньякъ любила безгранично рыцаря де Сен-Лейдье; но изъ подозрѣнія въ невѣрности, она промѣняла его на одного изъ оруженосцевъ, и съ тонкимъ коварствомъ отдалась своему новому возлюбленному, въ самомъ замкѣ Сен-Лейдье.

Если дамѣ нравился рыцарь, она аттаковала его безъ зазрѣнія совѣсти. Элиза де Монфоръ прислала слѣдующее энергическое посланіе Раймонду. «Я предлагаю вамъ свою любовь и мое тѣло въ замѣнъ перенесеннаго вами горя. Прошу васъ приходите ко мнѣ. Если вы не придете, то я сама пріѣду къ вамъ.»

Другая женщина, муза того времени, по имени Дона-Кастелоза, перемѣшиваетъ любовь съ катехизисомъ и пишетъ въ стихахъ Арману де Бреону: «Я васъ люблю, и если я умру, то грѣхъ будетъ на вашей душѣ.»

Владѣтельница замка, также продавалась, какъ и жрица субурской улицы. «Женщина пропала, если она будетъ снисходительно слушать богатаго барона,» говорили въ то время. Прежде, прибавляетъ Петръ Кардиналъ, рыцарь подвергался долгому испытанію; теперь онъ заплатитъ, чтобы не ждать. Если же онъ не могъ заплатить, то похищалъ свою возлюбленную, и большею частью она ему прощала это насиліе.

Легенда разсказываетъ, что встарину былъ парчевой плащъ, удлиннявшійся, или укорачивавшійся, какъ скоро его надѣвали на даму сомнительнаго поведенія. Однажды его принесли ко двору короля Артура. Его начали примѣрять съ королевы—плащъ сталъ короче; потомъ надѣли на ея первую статсъ-даму—плащъ сталъ длиннѣе; и такъ переходя отъ дамы къ дамѣ, онъ становился то короче, то длиннѣе. Одна только выдержала испытаніе, да и то потому, что давно уже лежала, въ постелѣ, больная.

Вотъ средневѣковое мнѣніе о женщинѣ, а между тѣмъ мужья были ревнивы; они позволяли себѣ любить женъ сосѣдей своихъ, но не допускали измѣны со стороны женъ. Они прибѣгали къ средству, употребляемому на востокѣ, чтобы сохранить вѣрность жены.

Мужъ, отправляясь на войну или въ крестовые походы, надѣвалъ на нее стальной поясъ, который запиралъ на замокъ, и отправлялся искать славы

съ ключемъ замка въ карманѣ. Но ключъ можно поддѣлать, потому что обида вызываетъ месть. Но горе любовнику, застигнутому мужемъ. Мужъ убивалъ или уродовалъ его и посылалъ женѣ кусокъ мяса своей жертвы, а часто даже заставлялъ ее съѣдать этотъ кусокъ. Иногда, желая долѣе насладиться мщеніемъ, онъ заключалъ своего противника въ подземную темницу, а жену запиралъ въ башню. Потомъ ночью, призванный хирургъ поднимался, съ завязанными глазами, по винтообразной лѣстницѣ; его вводили въ маленькую комнату, освѣщенную лампой; въ ней на скамьѣ лежала связанная женщина; монахъ, закрытый капишономъ, держалъ предъ нею распятіе. Докторъ открывалъ ей артерію, а священникъ читалъ *de profundis*; часъ спустя изъ комнатки выносили гробъ.

Любовникъ слѣдовалъ примѣру мужа; онъ глядѣлъ на свою любовницу какъ на свою собственность и считалъ долгомъ мстить, если она ему измѣняла.

Вотъ выходитъ изъ дворца женщина, закутанная въ покрывало, въ сопровожденіи горничной; она таинственно проходитъ около стѣны: улыбается и мечтаетъ, какъ будто унося воспоминаніе о счастьи. На поворотѣ улицы ее настигаетъ замаскированный мущина; валитъ ее на землю и, ставъ ей колѣномъ на грудь, остріемъ кинжала дѣлаетъ ей шрамъ на лицѣ; потомъ бросаетъ на нее козлиную шкуру съ разнымъ соромъ. Несчастная, такимъ образомъ обезображенная и обезчещенная, иногда переживаетъ это оскорбленіе, но ей остается на землѣ одно убѣжище — монастырь.

Женщина также убивала изъ ревности: если не мужа, то соперницу. Одинъ аквитанскій герцогъ женился на Эммѣ. Эмма ѣхала разъ съ своими оруженосцами; вдругъ она увидѣла свою соперницу подлѣ тальмонскаго замка; она приказываетъ связать и раздѣть ее.... Да нужно-ли продолжать? Несчастная умерла на рукахъ послѣдняго оруженосца. Нынче уже нѣтъ тальмонскаго замка, но волны до сихъ поръ еще стонутъ у подошвы утеса.

XXI.

ВОЗРОЖДЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

Наконецъ наступила эпоха возрожденія. Христіанство смѣнило язычество; но настало время, когда язычество опять взяло верхъ или, лучше сказать, христіанство и язычество слились вмѣстѣ и породили эпоху набожную и развратную въ одно и тоже время.

Книгопечатаніе вызываетъ на сцену древность; Греція овладѣваетъ всѣми умами и какъ будто, по ея вызову, поэзія, музыка танцы, театръ, живопись приносятъ просвѣщеніе человѣчеству.

И въ тоже самое время, Европа открываетъ Индію и Америку, и пряные коренья, ваниль, кофе, сахаръ и водка воспламеняютъ застывшую средневѣковую кровь.

Мущина, разгорячась, требуетъ наслажденій; онъ старается наверстать потерянное время и ведетъ безпорядочную жизнь, но, умирая даже въ развратѣ, всякій старается предъ смертью, ради спасенія, перейдти въ монахи.

Вино, кровь, поцалуи, убійства, улыбки, кинжалы—все сливается вмѣстѣ въ этомъ круговоро-

тѣ, кишащемъ нѣжностью, жестокостью, ханжествомъ и развратомъ, печалью и веселіемъ;—круговоротѣ, теорія котораго создана Аристипомъ, а исторія описана Брантомомъ. Наконецъ узнаютъ, что прикосновеніе мущины можетъ заражать болѣзнью; несмотря на то, нужно же было любить и зараза распространяется все болѣе, и изъ живаго человѣка дѣлаетъ подобіе мертвеца.

Развратъ царствовалъ вездѣ! Куртизанка смѣнила знатную барыню, или лучше сказать послѣдняя обратилась въ куртизанку. Куртизанка голая прогуливается по бокерской ярмаркѣ; въ Римѣ ей даютъ право гражданства, папа раздаетъ ее въ видѣ награды. Лукреція Борджіа призываетъ ее въ Ватиканъ, чтобы брать у нея уроки.

Но не Лукреція Борджіа, несмотря на всѣ ея дарованія, олицетворяла женщину временъ возрожденія; нѣтъ, это была королева, — это Марія Стюартъ; въ ней соединялась и грація того времени, вѣроломство, благочестіе и своеволіе.

Марія, католичка, выходитъ на берегъ Шотландіи, съ тѣмъ, чтобы принять правленіе надъ кальвинистами. Она нашла это дѣло труднымъ и чтобы раздѣлить его съ кѣмъ-нибудъ, вышла замужъ за женоподобнаго юношу, проводившаго весь свой вѣкъ въ танцахъ; этого завитаго херувимчика звали Дарнлей. Въ тотъ самый день, какъ Марія вышла замужъ за Дарнлея, она влюбилась въ Риччіо, итальянскаго пѣвца. Марія думала возвыситься выбравъ пѣвца послѣ танцора. У Риччіо былъ прекрасный голосъ и она назначила его первымъ министромъ.

Царствовать не труднѣе чѣмъ пѣть. Риччіо до-

вольно хорошо справлялся съ своей должностью, при содѣйствіи Маріи; но шотландское дворянство не могло стерпѣть, что первымъ министромъ назначенъ лакей посланника. Дарнлей раздѣлялъ это мнѣніе и вступилъ въ заговоръ съ дворянами для сверженія Риччіо. Въ то время свергнуть человѣка значило убить его. И въ одинъ вечеръ, когда королева ужинала вмѣстѣ съ теноромъ, заговорщики вломились въ комнату и убили Риччіо. Дарнлей держалъ королеву за руки, чтобы она не могла подать помощи своему любовнику. Когда онъ упалъ на полъ, убійцы перетащили его въ другую комнату, и, какъ истые дворяне, обобрали съ него всѣ драгоцѣнности и оставили его истекать кровью, лившейся изъ шестидесяти четырехъ ранъ. Тогда Дарнлей оставилъ королеву, чтобы нанести Риччіо шестьдесятъ пятый ударъ.

Но въ отмщеніе за Риччіо, Марія взяла себѣ въ любовники Ботвеля, злодѣя въ полномъ смыслѣ слова. Королева, чувствуя, что она нашла въ немъ человѣка, способнаго отмстить за Риччіо, полюбила его до безумія и предложила поцалуй за убійство! Ботвель согласился на это условіе.

Марія прогнала отъ себя Дарнлея, но Дарнлей не переставалъ любить ее; какъ онъ ни старался изгнать изъ сердца образъ любимой женщины, онъ не успѣлъ въ этомъ; несчастный захворалъ. Королева воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы покончить дѣло. Она шепнула нѣсколько словъ Ботвелю. И вотъ Марія у изголовья Дарнлея, обнимаетъ его, ласкаетъ, приводитъ снова къ жизни и перевозитъ его потомъ въ уединенный домъ, стоящій у Эдинбургскихъ

воротъ; доведя его до восторженнаго состоянія своими поцалуями и ласками, она поцаловала его въ послѣдній разъ и обѣщала вернуться въ полночь.

Но полночь пробила, а она не возвращалась; Дарнлей заснулъ, напѣвая псаломъ; но чрезъ нѣсколько минутъ онъ проснулся и кликнулъ своего пажа, ему почудилось, что кто-то отпираетъ дверь. Пажъ зажегъ лампу и открылъ дверь, но едва онъ вступилъ въ коридоръ, какъ кто-то затушилъ лампу; и что потомъ происходило, про то знаетъ только одна ночь.

Въ это время Марія танцовала, при свѣтѣ факеловъ, въ своемъ Голирудскомъ замкѣ. Отъ времени до времени она прикладывала ухо къ окну, какъ бы желая уловить какой-то звукъ, и снова начинала танцовать. Вдругъ во время минуета, полъ въ замкѣ задрожалъ, стекла зазвенѣли, но королева улыбнулась и сказала: это ничего. Дѣйствительно это было ничего; только домъ, въ которомъ спалъ Дарнлей, взлетѣлъ на воздухъ. Балъ кончился и все въ замкѣ затихло.

Ночью замаскированный человѣкъ блуждалъ между обломками дома Дарнлея; удостовѣрившись, что взрывъ уничтожилъ даже трупъ несчастной жертвы, онъ пошелъ къ Маріи требовать обѣщанной награды. На слѣдующій день, кто-то написалъ на ея дверяхъ: мщеніе Гизардкѣ!

Гизардка вышла замужъ за Ботвеля,—противъ нея возстала вся Шотландія, и она принуждена была искать спасенія въ Англіи. Елизавета милостиво дала ей пріютъ въ замкѣ, въ которомъ она

продержала ее двадцать лѣтъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ она съ наслажденіемъ любовалась своей жертвой, мало-по-малу втягивая ее въ хитро разставленныя сѣти, и когда она поймала ее участвующей въ заговорѣ противъ нея, то предала ее палачу. Марію съ завязанными глазами привели въ залу фортенченскаго замка, обтянутую чернымъ сукномъ, она положила голову на плаху, и палачъ опустилъ топоръ, но Марія вскрикнула— ударъ былъ худо направленъ. Палачъ замахнулся второй разъ и голова скатилась на помостъ.

Такъ кончила жизнь Марія Стюартъ. Въ тотъ вечеръ, какъ умерла Клеопатра, голосъ прокричалъ изъ моря: Богъ Панъ умеръ! Міръ, услыхавъ этотъ возгласъ, содрогнулся; въ тотъ день, какъ скатилась голова Марія, предъ взорами Европы пронесся какъ-бы послѣдній призракъ средневѣковой жизни, и она объята была какимъ-то священнымъ ужасомъ.

Суровая реформація встаетъ изъ-за гроба Маріи; она пришла преобразовать женщину и возстановить ее; она начинаетъ тѣмъ, что уничтожаетъ безбрачіе; обѣтъ дѣвства нарушенъ. Она перенесла Божество къ семейному очагу, подъ видомъ книги, которая говоритъ именемъ Бога, духъ которой есть само Божество.

Лютеръ сказалъ реформатамъ: читайте эту книгу и научитесь вѣровать. Потому женщина должна была учиться читать, если хотѣла познать Спасителя.

Вечеромъ послѣ ужина все семейство собиралось, чтобы слушать чтеніе библіи; читаетъ дитя,

отецъ въ половину закрываетъ глаза, чтобы собраться съ мыслями; мать прядетъ осторожно, чтобы не нарушить тишины; сестра, задумавшись, слушаетъ Божіе Слово, приложивъ палецъ къ уху. Божественное Слово освящаетъ домъ, какъ церковь, и при чтеніи малютки самъ Богъ сходитъ на столъ, какъ на алтарь. Эта библія, переплетенная въ бархатъ и застежки, какъ скинія завѣта, вмѣщала въ себѣ всѣ тайны семьи, радости и горести, смерть и рожденіе всѣхъ членовъ семейства.

Въ реформаціи не было никакихъ таинственныхъ обрядовъ, не понятныхъ народу и отдѣлявшихъ его отъ священнослужителей; реформаты въ церкви слышали проповѣдь на понятномъ имъ языкѣ. А что-же такое проповѣдь, какъ не разговоръ между проповѣдникомъ и вѣрующимъ?

Чисто духовная религія развиваетъ и разумъ женщины. Если она еще не въ состояніи мыслить сама, то по крайней мѣрѣ начинаетъ вѣрить сама, по собственному побужденію; это уже не та вѣра, которую она принимала отъ другаго, вѣра, имѣвшая блестящую внѣшнюю выставку, но нисколько не вліявшая на ея жизнь.

Женщина перенесла религію извнѣ вовнутрь себя. Съ этихъ поръ она нашла въ своей совѣсти ангела хранителя, руководящаго ее постоянно при всѣхъ обстоятельствахъ ея жизни.

Такимъ образомъ развилось самосознаніе, этотъ священный двигатель человѣчества и въ равной степени развилась потребность труда; протестанты стали народъ работящій, ученый, промыш-

ленный, коммерческій, однимъ словомъ передовой. Вездѣ, гдѣ только мы видимъ подвигъ героизма, или смѣлую борьбу съ природой, какъ Голландію, возникшую изъ болота, или дѣвственные лѣса, обращенные въ пахатныя поля, вездѣ эти чудеса произвела реформація.

XXII.

ЦАРСТВО ЖЕНЩИНЫ.

Изъ всего прежде сказаннаго, не слѣдуетъ заключать, чтобы реформація сказала послѣднее слово о женщинѣ и чтобы женщина должна была въ своей домашней жизни заключиться въ ограниченномъ кругѣ, какъ въ монастырѣ, ничего не видя и ничего не слыша изъ того, что происходитъ, вокругъ нея, въ обществѣ. Напротивъ женщина, какъ и мущина, принадлежитъ человѣчеству и потому, также какъ и мущина, должна жить двоякой жизнью: жизнью личной и жизнью общественной, жизнью, заключенной въ себѣ, и жизнью, проявляющейся наружу. Но эту общественную жизнь женщина не должна искать внѣ предѣловъ своего дома, а напротивъ стараться расширить свой семейный кружокъ.

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія Катерина де Вивонь, маркиза Рамбулье, открывая у себя вечера, положила основаніе убѣжищу мысли.

Мущина всегда чувствуетъ потребность разговаривать и потому старается найти мѣсто, гдѣ бы онъ могъ удовлетворить этой потребности. Древ-

ніе изобрѣли для этого пиры, но такъ какъ въ нихъ были допускаемы одни мущины, то холостые разговоры необходимо были грубы и развратны. Въ гостинныхъ же напротивъ принимала участіе и женщина и обыкновенно руководила разговоромъ; она воодушевляла общество своей граціей и своею нѣжностью, удерживала его въ извѣстныхъ границахъ, и мущина уважаетъ самъ себя вслѣдствіе почтенія, которое онъ оказываетъ женщинѣ, вслѣдствіе обаянія, которое она производитъ на его умъ. Какъ и древніе пиры, собранія въ салонахъ происходили вечеромъ, въ то магнитическое послѣобѣденное время, когда при блескѣ свѣчъ, при благоуханіи цвѣтовъ, женщины соперничаютъ другъ съ другомъ, когда вся эта праздничная и веселая обстановка вливала въ душу какой-то особенный токъ, который можно назвать прелестью разговора.

Казалось, каждый пріобрѣталъ тутъ болѣе способности понимать и чувствовать. Тутъ не было ни государственныхъ, ни чиновныхъ людей; всѣ были равны; никто не старался поучать, никто не распоряжался, а всякій разговаривалъ для удовольствія.

Тутъ разсуждали о вещахъ безъ предвзятой напередъ идеи, а это самая лучшая метода разговаривать, потому что разговоръ, не обдуманный заранѣе, всегда бываетъ оживленнѣе. Тутъ не было разговоровъ по случаю или по заказу, но о чемъ бы ни разговаривали, всякій долженъ былъ обдумывать живо и быстро отвѣчать.

Условія гостиной не допускали, чтобы былъ въ ней какой-либо членъ дѣятельный, а прочіе были

пассивны. Въ ней всѣ говорили и всѣ слушали; каждый принималъ участіе въ игрѣ ума.

Тутъ заключалась самая жизнь слова, которая, давая искру, какъ въ электрической цѣпи, производила одинаковое дѣйствіе на всѣхъ. Женщина не оставалась въ сторонѣ; она также слушала, судила и служила въ одно и тоже время предметомъ вдохновленія и вознагражденія. Разговаривали болѣе для того, чтобы нравиться, чѣмъ чтобы убѣждать, и потому разговоръ принималъ какой-то оттѣнокъ кокетства. Отсюда-то и происходитъ оборотъ рѣчи, выражающій мысли въ полусловахъ, въ тонкимхъ наекахъ, понятныхъ только тѣмъ, къ кому они относятся.

Когда мы выражаемъ какую-нибудь мысль, или чувство, то намъ пріятно слѣдить за впечатлѣніемъ, какое мы производимъ на любимую женщину, и мы счастливы, когда увидимъ улыбку на ея лицѣ. Женщина, въ свою очередь, слѣдя за разговоромъ, дѣлается прелестнѣе, потому что на ея лицѣ невольно изображается то, что происходитъ у нея въ душѣ; слушаетъ ли, мечтаетъ ли, одобряетъ ли она что-нибудь, радуется ли чему, безпрестанно смѣняющіяся впечатлѣнія придаютъ ей еще болѣе красоты.

Катерина де Вивоннь произвела также переворотъ и въ архитектурѣ. До того времени дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ; въ Парижѣ они останавливались только на время. Ихъ жилища въ Парижѣ походили скорѣе на тюрьму, чѣмъ на жилища дворянина. Снаружи зубчатыя стѣны, какой-то подозрительный фасадъ, для входа узкая калитка и надъ всѣмъ этимъ длинная водосточ-

ная труба, которая въ дождливые дни окачивала прохожихъ водой. Внутри, каменная витая лѣстница, на верху которой была длинная передняя; потомъ шелъ рядъ комнатъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка, мрачныхъ отъ росписныхъ стеколъ, обтянутыхъ или кожей темножелтаго цвѣта, или полинявшими обоями. Спальня служила пріемной для всѣхъ гостей; въ глубинѣ этой комнаты помѣщалась огромная кровать, поставленная на возвышеніи и отдѣленная балюстрадой.

На этой-то кровати хозяйка дома и принимала гостей; женщины ложились на бархатныя подушки, а мущины стояли опираясь на эфесы шпагъ.

Маркиза Рамбулье передѣлала эту старинную систему принимать гостей; она первая выстроила домъ въ новѣйшемъ вкусѣ, сама начертила его планъ съ правильнымъ фасадомъ, съ широкой гостепріемной дверью, съ широкой лѣстницей, по которой кавалеръ могъ итти съ дамой подъ руку; съ анфиладою комнатъ, освѣщенныхъ большими окнами, однимъ словомъ со всѣми удобствами. Пріемъ гостей уже происходитъ не въ спальной, а въ гостиной, для убранства которой Катерина де Вивоннь приложила весь свой изящный вкусъ и художественный талантъ. Голубая шелковая драпировка замѣнила прежнюю темножелтую кожу; спущенные занавѣсы на окнахъ изъ той же матеріи передавали въ комнату солнечные лучи, въ видѣ луннаго свѣта. По среди комнаты висѣла хрустальная люстра, и нѣсколько хорошо расположенныхъ венеціанскихъ зеркалъ, отражая свѣтъ, придавали комнатѣ какой-то волшебный видъ.

Часы пробили назначенный часъ для пріема;

приглашенные входятъ, кланяются по обычаямъ того времени, не снимая шляпы съ головы; хозяйка предлагаетъ каждому стулъ или кресло, вещь до тѣхъ поръ не слыханную, и разговоръ происходитъ не лежа и не стоя, а сидя.

Но чтобы разговаривать, необходимъ умъ, умъ же встрѣчается по большей части у людей, занимающихся наукой; и для занятія гостей маркиза придумываетъ литературные вечера.

Но, принимая участіе въ литературѣ, какъ умная женщина, маркиза по происхожденію принадлежала къ аристократіи, и по этой-то двойственности своей природы, маркиза приглашала къ себѣ и дворянъ и писателей; отъ такого столкновенія обѣ стороны только выигрывали.

Въ средніе вѣка поэты нищенствовали; если во времена возрожденія имъ и не приходилось просить милостыни, то часто изъ-за куска хлѣба они вступали въ челядь богатаго владѣльца; такимъ образомъ поэтъ былъ родъ шута при какомъ-нибудь принцѣ или высшемъ духовномъ лицѣ. Но когда въ гостиной маркизы Рамбулье талантливые люди сошлись съ дворянами, то этимъ самымъ они получали какъ-бы отблескъ дворянства. Они еще не сдѣлались настоящими дворянами, но въ нихъ уже было замѣтно присутствіе силы; съ этого времени, академія должна была начать измѣнять свои списки; дворяне, въ свою очередь сталкиваясь съ писателями, пріобрѣтали познанія. До сихъ поръ проводили они свое время на войнѣ или охотѣ, т. е. убивая или бранясь, но теперь, вступивъ въ гостиную, оставили свои прежнія грубыя привычки и мало-по-малу пріучились чув-

ствовать и размышлять. Самый языкъ перемѣняетъ характеръ.

Онъ уже не грубый и цинический языкъ среднихъ вѣковъ; не тотъ тяжелый и педантическій языкъ, который употреблялся у тогдашнихъ ученыхъ; языкъ литературный слагается по образцу языка разговорнаго и сообщаетъ французской прозѣ тотъ граціозный, живой оттѣнокъ, который дѣлаетъ изъ нея образецъ литературнаго языка. Такимъ образомъ, нисколько не думая, маркиза Рамбулье основала во Франціи истинное общественное просвѣщеніе. Соединяя въ своемъ обществѣ дворянъ и писателей и стараясь сглаживать всѣ непріятныя столкновенія, которыя могли бы происходить отъ гордости одного сословія и отъ самолюбія другаго, маркиза ставила талантливыхъ людей подъ покровительство дворянства и создавала вліяніе общественнаго мнѣнія. Прежде говорили, что тотъ, кто собираетъ у себя сборище людей, замышляетъ бунтъ; теперь скорѣе можно было сказать, что тотъ, кто собираетъ у себя общество людей, способствуетъ просвѣщенію. Споръ никогда не пропадаетъ безслѣдно; начинаясь столкновеніемъ мнѣній, онъ кончается согласіемъ; рано или поздно люди приходятъ къ среднему выводу или скорѣе къ общему убѣжденію, называемому общественнымъ мнѣніемъ.

Общественное мнѣніе, образуясь мало-по-малу въ гостиныхъ, должно было до нѣкоторой степени уравновѣшивать деспотизмъ. Лига образовалась въ церкви, фронда въ гостиныхъ; изъ нихъ же, въ концѣ послѣдующаго столѣтія, образуются болѣе важныя историческія событія.

Тому, кто привыкъ къ разговору образованнаго общества, онъ становится необходимъ. Но разговаривать не всегда удобно, и потому входятъ въ употребленіе письма, письменные разговоры.

Переписка замѣнила въ семнадцатомъ вѣкѣ нынѣшнія газеты, а собранія въ гостиныхъ, сближая между собою различные кварталы Парижа, положили основаніе общественному мнѣнію и подготовили взаимный обмѣнъ мыслей между Парижемъ и провинціей. И опять-таки женщинѣ, маркизѣ принадлежитъ иниціатива этого дѣла. Г-жа Савиньи подготовила вліяніе прессы и создала заранѣе для нея тотъ легкій языкъ полемики, языкъ живой, языкъ импровизаціи, сильный своимъ дѣйствіемъ, который не отдѣлывалъ отчетливо фразу, а бросалъ ее вдругъ, неожиданно, мимоходомъ и переходя къ другой мысли. Съ этихъ поръ женщина является участницей во всемъ, что носитъ на себѣ отпечатокъ геніальной мысли, весь осьмнадцатый вѣкъ проходитъ чрезъ ея школу. Изо всѣхъ образцовыхъ произведеній этого времени нѣтъ ни одного, въ которомъ бы умъ, привыкшій угадывать на нихъ незримую подпись, не прочелъ бы подписи женщины.

XXIII.

ЖЕНЩИНА РЕВОЛЮЦІОНЕРКА.

Въ отелѣ маркизы Рамбулье только говорили, но тамъ не думали, по крайней мѣрѣ не размышляли свободно: чтобъ ввести въ разговоръ свободу мысли, нужна была женщина революціонерка—Нина де Ланкло.

Какъ аѳинская гетера, Нина искупаетъ свой умъ своимъ тѣломъ. Воспитанная отцомъ философомъ по-эпикурейски, она храбро избираетъ себѣ поприще жизни; видя, что женщина порабощена въ замужествѣ, она измѣняетъ своему полу.

Она разсуждаетъ какъ мущина, живетъ какъ мущина, любитъ какъ мущина, кого ей угодно, можетъ быть менѣе изъ потребности любви, чѣмъ изъ желанія показать свою независимость. Но, расточая красоту, она соблюдаетъ приличіе въ проявленіяхъ своего своенравнаго характера. Изящность есть добродѣтель порока и Нина нетолько вполнѣ обладала этой добродѣтелью, но даже обучала ей молодежь; дворянинъ только тогда получалъ значеніе въ свѣтѣ, когда получалъ образованіе въ будуарѣ Нины де Ланкло.

Наслажденія были для нея природной потребностью и отказываться отъ нихъ она считала преступленіемъ. Скромность, стыдливость, достоинство женщины, все это она считала за ничто. Она любила и понимала только мужскія добродѣтели— прямодушіе и честность. Она умѣла хранить повѣренную ей тайну, сдержать свое слово и пороки женщины выкупались въ ней добродѣтелями мущины.

Но какъ ни было измѣнчиво сердце Нины, стремившееся постоянно къ новому, любовь не составляла главной цѣли ея жизни. Она стояла выше чувственныхъ наслажденій, она заключается для нея въ гордости мысли, въ счастьи властвовать нравственно надъ своимъ вѣкомъ и произносить надъ нимъ приговоръ.

Она съ улыбкой судитъ о немъ, потомъ созидаетъ въ своемъ будуарѣ кружокъ вольнодумцевъ; это еще не философы, но невѣрующіе,—отъ невѣрія же до философіи только одинъ случайный шагъ. Этотъ случайный шагъ былъ сдѣланъ въ слѣдующемъ столѣтіи.

Какъ вѣрить послѣ того могуществу деспотизма? Людовикъ XIV, державшій въ трепетѣ Европу и дворянство въ своихъ рукахъ, открывшій домъ разврата въ Версалѣ, гдѣ онъ самъ подавалъ примѣръ волокитства, все-таки имѣлъ матерью испанку и многоженство его не мѣшало ему быть набожнымъ, онъ причащался каждый свѣтлый праздникъ и являлся народу Донжуаномъ, переодѣтымъ въ Тартюфа. Потомъ великій король отдаетъ приказаніе срыть Портъ Рояль, подавляетъ протестантизмъ, преслѣдуетъ философію, ссылаетъ Фенелона

и думаетъ уже, что совершенно задушилъ разумъ и навсегда закабалилъ душу и тѣло своихъ подданныхъ. И вдругъ умная эпикурейка одной улыбкой ниспровергаетъ всю его политику.

Она впрочемъ вовсе не думала объ этомъ, угощая аббатовъ и придворныхъ, не боявшихся мукъ ада; послѣ веселаго обѣда дверь запиралась на ключъ и начиналась откровенная бесѣда о томъ, чему вѣрить и чему не вѣрить, прерываемая куплетами Шолье и простодушнымъ смѣхомъ вандомскаго пріора.

Наконецъ Нина приближается къ смерти: аббатъ де Шатонефъ приводитъ къ ней веселаго мальчика; она посмотрѣла на него, предугадала его способности и подарила ему свою библіотеку. Мальчикъ оправдалъ ожиданія женщины революціонерки; его тогда звали д'Аруэтомъ, но скоро онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Вольтера.

Если аксіома Декарта: «я думаю, слѣдовательно существую» вѣрна, то женщина до семнадцатаго вѣка не существовала. Она начинаетъ жить, т. е. мыслить самостоятельно со времени Нины. Со времени г-жи де Севиньи до г-жи Ролланъ мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ ея умственное развитіе.

Г-жа де Севиньи въ молодости дерзаетъ вѣрить только собственному убѣжденію и конечно, еслибы была посмѣлѣе, сдѣлала бы нѣкоторыя измѣненія въ бывшемъ для нея обязательнымъ катехизисѣ. Она признавалась, что, прогуливаясь вечеромъ въ ливрійскомъ паркѣ и слушая шопотъ листьевъ при лунномъ свѣтѣ, не соглашалась вѣрить существо-

ванію ада и что трудно ей было заставить себя ему вѣрить.

Но маркиза дожила до пятидесяти лѣтъ, лобъ ея покрылся морщинами, паркъ въ Лаври уже не волнуетъ ее, она во что бы то ни стало хочетъ вѣрить; она хочетъ вѣрить противъ своей воли и въ припадкѣ отчаянія обращается къ милосердію божію. Подвигаясь къ старости, она все болѣе и болѣе чувствовала муку, которую она гдѣ-то назвала сумерками жизни. Какъ я ни желала жить, говоритъ она, я могла жить только жизнью отчаянія. Тутъ-то у нея вырвался трагическій вопль покорности: о святое провидѣніе, да будетъ воля твоя!

И она умерла въ карбонарствѣ. Но прошло одно поколѣніе и регентство избавило Францію отъ владычества лицемѣрія. Женщина чувствуетъ необходимость сомнѣнія и вполнѣ пользуется пріобрѣтеннымъ ею правомъ сомнѣваться. Первый примѣръ невѣрія показала Маркиза дю Деффанъ.

Замужняя Маркиза осьмнадцатаго столѣтія жила какъ вдова; то, что у нея есть мужъ, составляло для нея дѣло постороннее. Она молода, хороша; что ей за дѣло до души. Ей довольно одного тѣла, но красота проходитъ и она пускается въ философію, чтобы чѣмъ-нибудь вознаградить потерянное.

А потомъ? Она становится еще печальнѣе. Какой-то тайный голосъ шепчетъ ей, что душу нельзя уничтожить, что душа живетъ вѣрой какъ глазъ свѣтомъ. Тогда она вздыхаетъ, сокрушается; она бы желала вѣровать подобно своей кормилицѣ, чтобы разнообразить свою меланхолическую жизнь ка-

кимъ-нибудь новымъ занятіемъ; ей хочется хоть чотки перебирать.

Несчастная, вдвойнѣ слѣпая, и въ отрицаніи не находила утѣшенія. Какъ она ни старалась окружить себя философами—ничто нивъ ней самой, ни въ окружающемъ ее не могло утѣшить ее въ умственныхъ потемкахъ, въ которые она погружена; она переживала такъ сказать саму себя и умирала въ отчаяніи и вмѣстѣ съ тѣмъ облегченная смертью.

Восьмнадцатое столѣтіе однако разрушало и созидало: оно утверждало больше, нежели сомнѣвалось. Оно доводитъ до энтузіазма вѣру въ разумъ и въ свободу, которая есть ни что иное какъ разумъ, воплощенный въ дѣйствительность.

Въ то время когда этотъ проповѣдывавшій вѣкъ перевернулъ человѣческій разумъ, когда Вольтеръ умираетъ, когда Руссо собирается умирать, у окна на Понъ-Нёфѣ (Новомъ мосту) мечтала молодая дѣвушка и какъ-бы по предчувствію глядѣла въ сторону площади Согласія на день, умиравшій въ кровавой зорѣ.

Это была простая мѣщанка, какъ говорили въ то время съ презрѣніемъ. Дѣйствительно, она была простая мѣщанка, дочь рѣщика, бѣдная и одинокая дѣвушка; учителями у нея были книги, — она отдаетъ душу свою вѣку и вѣкъ развивается въ ней и наконецъ разражается чуднымъ взрывомъ героизма.

Воспитанная набожной матерью, Манона Филипонъ сначала вѣровала не разсуждая, но, научаясь мало-по-малу вѣрить самой себѣ и повѣрять свои убѣжденія, она отказывается отъ своего прошла-

го и предъ богомъ свѣта при первомъ появленіи восходящаго свѣтила.

Эта женщина изъ среды народа была воплощеніемъ идеи; и она была сильна всѣмъ могуществомъ идеи. По набережной проходила дѣвушка въ ситцевомъ платьѣ, и на нее никто не обращалъ вниманія. Это простая мѣщанка, думали проходящіе. Они не могли предугадать ея будущности, да и сама Манонъ не догадывалась о ней; она только старалась пріобрѣсти знаніе. Но когда наступилъ часъ революціи, она дѣлается г-жею Роланъ.

Она паритъ надъ безсмертной Жирондой и когда силой обстоятельствъ Жиронда сначала получила власть, а потомъ была ниспровергнута, г-жа Роланъ вдохновляетъ свою партію и фанатизируетъ ее умѣренностью. Она поплатилась своей головой за то, что осмѣлилась быть справедливой, между тѣмъ какъ потерявшаяся революція пришла къ убѣжденію, что убивать значитъ спасать отечество.

Она хорошо жила и съумѣла хорошо умереть. Когда она узнала, что ея часъ пришелъ, она захотѣла ускорить его и, поднявъ взоръ къ небу, воскликнула: Боже всемогущій, прими меня! Но она тотчасъ вспомнила, что принадлежитъ гильотинѣ, подавила въ себѣ нетерпѣніе получить вѣчную свободу и стала ждать часъ, назначенный ей Фукье Тенвиллемъ.

Нѣсколько времени спустя, въ сѣрый ноябрьскій вечеръ, по улицѣ Сентъ-Оноре проѣзжала телѣжка. Въ ней сидѣлъ мущина, полуживой отъ ужаса, и стояла женщина, освѣщенная послѣдни-

ми лучами солнца; она смотрѣла на толпу свѣтлымъ взглядомъ и старалась утѣшить своего товарища.

На эшафотѣ она уступила ему право быть казненной первымъ и потомъ твердой поступью взошла на лѣстницу. Когда палачъ привязывалъ ее къ доскѣ, она увидѣла сквозь туманъ статую Свободы. «О Свобода, сказала она, какъ тебя обманываютъ!» Въ это мгновеніе подъ ней исчезаетъ полъ и она оканчиваетъ свою мысль на небѣ Вашингтона.

Испорченное поколѣніе старается теперь свергнуть эту великую гильотинированную женщину съ ея пьедестала. Разбирая ея завѣщаніе, ее обвиняютъ по ея признаніямъ и обращаютъ противъ нея собственную ея исповѣдь. Да, она не нашла счастья въ бракѣ, а полюбила; но она умерла непорочной, какъ и жила.

Отъ нея и ею начинается современная женщина, женщина гражданка, которой равно дороги и семейство, и отечество.

XXIV.

ЖЕНЩИНА ВЪ ИСТОРІИ.

Здѣсь кончаются наши историческія изслѣдованія о значеніи женщины. Она теперь только еще въ началѣ своего развитія.

Чтобы сравнить, чѣмъ была прежде женщина, съ тѣмъ, чѣмъ она должна быть при участіи прогресса, намъ слѣдовало прослѣдить ея судьбу съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени.

Изъ этого историческаго изслѣдованія можно вывести слѣдующіе факты или, лучше сказать, законы, столь же непреложные, какъ и астрономическія истины.

Вездѣ, гдѣ царствовалъ деспотизмъ, семейство подчинялось государству и слагалось по его образцу. Совершенно естественно, что сильный повелѣваетъ, а слабый повинуется. Жена была рабой мужа; онъ вымещалъ на ней свое собственное порабощеніе. Но тамъ, гдѣ женщина раба, она развратна, развращала мущину и тѣмъ брала перевѣсъ въ свою очередь.

Деспотизмъ съ своей стороны покровительствуетъ проституціи: въ Римѣ она сдѣлалась орудіемъ

правительства, а въ Венеціи она возведена на степень государственнаго учрежденія. Надо же забавлять моихъ придворныхъ, говорилъ Людовикъ XIV, и для потѣхи ихъ онъ ввелъ развратъ въ Версаль. Общество гніетъ и для возрожденія его нужно или нашествіе варваровъ, или революція.

Вездѣ, гдѣ общество живетъ только войной и ради войны, тамъ убійца, носящій громкое имя героя, все болѣе и болѣе пріучаемый занятіями своими къ дисциплинѣ, скорѣе всѣхъ подпадаетъ подъ власть женщины и такимъ образомъ въ этихъ обществахъ власть переходитъ въ женскія руки. Когда рубакѣ нечего дѣлать какъ только упиваться своей славой, ему необходимо замѣнить страсть къ войнѣ страстью къ чувственности; женщина при этомъ улыбается и дѣлаетъ его своимъ плѣнникомъ. Такъ она пріобрѣла господство въ Спартѣ, въ средніе вѣка, въ Польшѣ, во времена Директоріи и аристократическимъ огнемъ своихъ взглядовъ смягчала дикое республиканство Самбръ-и-Мезовской арміи.

Тамъ гдѣ образованіе было доступно только мущинѣ, неравенство мужа и жены ставило между ними преграду. По мѣрѣ того какъ нравственный уровень мущины поднимался, женщина все болѣе и болѣе опускалась. Между ними могло быть только сожительство, но союзъ ихъ былъ въ дѣйствительности духовнымъ разобщеніемъ. Мущинѣ нечего сказать женщинѣ и женщинѣ нечего ему отвѣчать. Мущинѣ въ обществѣ жены нѣтъ никакой прелести. Домашняя жизнь дѣлается для него скучной и онъ ищетъ внѣ дома случая подѣлиться мыслями. Чтобы разсѣять скуку, кото-

рую нагоняетъ на него жена, мужъ спѣшитъ къ свободной женщинѣ, которая по своему ремеслу должна была умѣть нравиться и которая для этого старалась образовать себя. Жена, брошенная мужемъ для гетеры, старается вознаградить себя чѣмъ-нибудь и предается пьянству, или распутству, а чаще и тому и другому. Этимъ она мститъ бросившему ее мужу, который однако въ свою очередь имѣетъ право убить ее. Тамъ, гдѣ первенствовала аристократія, волокитство составляло главную цѣль жизни для мущины. Дворяне, живя доходами, не имѣя надобности заработывать себѣ хлѣбъ; даже болѣе—считая праздность какъ-бы обязанностью дворянина,—имѣютъ слишкомъ много свободнаго времени и, чтобы наполнить его чѣмъ-нибудь, занимаются ухаживаніемъ за скучающими кокетками, которыя съ радостью довѣряются мущинамъ. Когда аристократія ввела порокъ въ моду подъ именемъ вѣжливаго обращенія (bon ton), то всякій дворянинъ долженъ былъ непремѣнно имѣть любовницу; а знатная барыня—хоть одну интригу въ жизни. Этого требовало приличіе. Бракъ въ такомъ праздномъ обществѣ не болѣе какъ обоюдное согласіе вступать въ бракъ безпрестанно; мужъ остается только лицомъ отвѣтственнымъ передъ обществомъ за поступки своей жены. Въ этомъ обществѣ является странная личность cavalier servant, который есть ни что иное какъ незаконный потомокъ древнихъ рыцарей. Онъ состоитъ въ званіи перваго лакея барыни, которая позволяетъ ему носить свою собаку во время прогулки и держать зеркало когда она дѣлаетъ свой туалетъ. Этому обществу заключившемуся въ рамкѣ чичисбейства остается только

сладостно умереть подъ звуки комической оперы, или обѣдни, положенной на музыку.

Напротивъ вездѣ, гдѣ демократія брала перевѣсъ, женщина пользовалась уваженіемъ. Простой народъ, по преимуществу трудящійся, гордится тѣмъ, что онъ работаетъ. Можно быть богатымъ, но нельзя быть празднымъ; получаешь, слѣдовательно нужно и отдавать, платить обществу за услугу услугой. Работникъ женится на любимой женщинѣ, потому что онъ ее любилъ и ему некогда было разлюбить ее. Онъ не искалъ приданаго, выбирая себѣ невѣсту, потому что чувствовалъ, что его хватитъ чтобы содержать семью; жена платила ему любовью и онъ не оставался въ накладѣ. Работа предохраняетъ человѣка отъ него самого, т. е. отъ случайностей соблазна; онъ не зналъ бы, чѣмъ наполнить день, еслибъ работа не отнимала у него половину его; окончивъ свою работу, работникъ веселый и довольный собой возвращается домой, гдѣ ждетъ его любящая жена. Онъ тѣмъ болѣе цѣнитъ любовь и тѣмъ болѣе привязанъ къ семейству, что онъ каждый вечеръ даритъ ему доброе дѣло, заработокъ, самопожертвованіе и добродѣтель. Діотимъ Мегарскій справедливо говорилъ Сократу, что любовь—дочь работы и бѣдности.

Наконецъ вездѣ, гдѣ есть свобода, она беретъ нравственность подъ свое покровительство; всякій живетъ открыто и имѣетъ право судить о поступкахъ своего сосѣда. Общественное мнѣніе судитъ—кто живетъ хорошо и кто дурно, и народъ, этотъ незримый цензоръ, исполняетъ приговоръ. Когда

передъ глазами его съ гвалтомъ проносится развратъ празднаго сословія, оскорбляющій экономнаго работника, онъ бросаетъ на него строгій взглядъ и заставляетъ выраженіемъ своего неудовольствія скрыться въ раздушенный будуаръ. Нравственность народа всегда растетъ по мѣрѣ развитія его свободы, а достоинство женщины увеличивается по мѣрѣ улучшенія нравственности. Если вы, въѣзжая въ какую нибудь страну, хотите знать первую статью ея конституціи, вамъ не нужно справляться со сводомъ законовъ, стоитъ только посмотрѣть на женщину. Если ей льстятъ и унижаютъ ее — значитъ въ странѣ деспотизмъ; если же она скромна и гордится своей скромностью—вы можете быть увѣрены, что это дѣло свободы. Еслибы мущина ниспровергъ статую свободы изъ подлости, женщина должна была бы поднять ее изъ эгоизма.

Вотъ свидѣтельство исторіи. Слѣдуетъ прибавить, что исторія, всегда внимательная къ судьбѣ женщины, все болѣе и болѣе заботилась о ея воспитаніи. Въ длинной хроникѣ ея вездѣ замѣтенъ медленный процессъ возрожденія женщины для мысли.

Это возрожденіе женщины имѣетъ четыре фазы: чтеніе, разговоръ, переписка, литература. Женщина сначала выучивается читать и выходитъ изъ тѣни; она входитъ съ книгой въ рукѣ въ школу человѣческаго разума, она знакомится съ геніемъ міра.

Безъ сомнѣнія въ то время не одинъ отсталый мудрецъ кричалъ во имя прошедшаго: Учить женщину читать! да Боже мой, она будетъ читать именно то, о чемъ ей не слѣдуетъ знать. Это зна-

читъ промѣнять золотой вѣкъ ея души на лживую науку, это значитъ дать ей оружіе противъ себя, это все равно что снова открыть ящикъ Пандоры. Вотъ что они говорили и имъ очень хотѣлось вырвать книгу изъ рукъ женщины; но женщина тѣмъ неменѣе продолжала читать и кто объ этомъ сожалѣетъ теперь?

Потомъ женщина выучилась блистать въ разговорѣ тѣмъ, что она вычитала. Берегитесь, говорили тогда иные: если вы допускаете женщину къ обмѣну мыслей, если вы ей даете общественное положеніе въ гостиной, она будетъ умничать, она еще болѣе будетъ кокетничать и что выйдетъ изъ ея ребенка и изъ ея мужа? Самъ Мольеръ, великій Мольеръ насмѣхается надъ женщинами, блистающими умомъ. Но женщина продолжала образовываться и кто теперь объ этомъ жалѣетъ?

Послѣ того женщина принимается излагать свои мысли въ письмахъ. Когда обнаружился въ первый разъ этотъ родъ литературной дѣятельности женщины, грустно вздохнулъ не одинъ безпокойный консерваторъ. Если женщина узнаетъ, что она обладаетъ священнымъ даромъ и что ей стоитъ только обратиться къ сокровенной музѣ, чтобы войти въ сношенія съ обществомъ, она пожалуй также начнетъ сочинять на свой ладъ книги и подавать свое мнѣніе о государственныхъ дѣлахъ; мущинѣ же придется только шить и прясть! Женщина не обращала вниманія на эти возгласы и теперь кто пожелалъ бы вырвать перо у г-жи де Севинье?

Наконецъ въ девятнадцатомъ столѣтіи женщина пишетъ какъ мущина и осмѣливается даже срав-

ниваться съ нимъ талантомъ. Правда и теперь встрѣчаются турки, желающіе опутать женскій умъ такимъ же непроницаемымъ покровомъ, какимъ востокъ занавѣшиваетъ мусульманкѣ лицо. Они признаютъ, что у женщины есть вдохновеніе, но говорятъ, что она должна скрывать его свѣтъ какъ потайной фонарь. Они прощаютъ цвѣтку его ароматъ, лишь бы онъ не распространялъ его; но одна женщина отвѣчала: «геній не имѣетъ пола», и она подтвердила это своимъ примѣромъ.

И теперь когда женщина, предоставленная самой себѣ и получившая право владѣть божественнымъ даромъ своей души, видимо идетъ къ свѣтлой цѣли своего преобразованія, слѣдуетъ опредѣлить ея мѣсто въ семействѣ. и возстановить достоинство матери.

XXV.

МАТЬ СЕМЕЙСТВА.

Вотъ женщина съ лицомъ обращеннымъ къ небу какъ Прометей. Потъ течетъ съ ея лба, она борется съ ангеломъ скорби. Всѣ фибры ея дрожатъ отъ боли.

Она молитъ о помощи, голосъ замираетъ у нея на устахъ; она хватаетъ руками воздухъ, какъ-бы отыскивая за что ухватиться; временами она вскакиваетъ и падаетъ въ продолжительный обморокъ.

Потомъ, пробужденная отъ своей летаргіи новыми судорогами, она разрѣшается младенцемъ. Изъ ея утробы раздается крикъ, побѣдный крикъ рождающейся на свѣтъ души. Мать сіяетъ небесной радостью и, вся еще дрожащая отъ ужасной агоніи, забываетъ свои страданія. Подлѣ нея лежитъ ея ребенокъ, ребенокъ человѣка его любимаго. Таинственная гармонія требуетъ, чтобы ребенокъ являлся на свѣтъ какъ-бы въ кризисѣ природы и чтобы самое святое на землѣ рождалось въ величественной сладости страданія.

Громъ, ударяя въ дерево, оставляетъ на немъ клеймо и дерево становится священнымъ. Когда

Богъ—творецъ посѣщаетъ женщину въ ту минуту, когда она сама создаетъ, онъ поражаетъ ее, чтобы она навсегда помнила о прикосновеніи его.

Съ этой минуты страданія у матери съ ребенкомъ заключенъ трогательный союзъ; отнынѣ у нея двѣ причины, чтобы любить его. Она любитъ его нетолько потому, что мечтала о немъ, но также и потому, что перенесла изъ-за него страданія.

Да, она любитъ его какъ осуществившуюся мечту, потому что какъ только она почувствовала первое трепетаніе этой новой души, пришедшей съ неба во снѣ любви, ея лицо, сіявшее до того распускавшейся молодостью, принимаетъ выраженіе степенной задумчивости; ея неопредѣленный взглядъ вопрошаетъ будущее. Она сознаетъ, что въ ней—зародышъ жизни.

Этотъ зародышъ жизни-уже ребенокъ, покоющійся теперь въ колыбели; это зародышъ человѣка и можетъ быть человѣка особо отмѣченнаго судьбой. Онъ еще тѣснѣе связываетъ мужа съ женой; онъ приноситъ имъ вторую любовь-подъ старость.

Холостяку не достаетъ добродѣтели, или по крайней мѣрѣ случая быть добродѣтельнымъ. Онъ приходитъ вечеромъ домой, и у него нѣтъ жены, которая бы научила его добротѣ, нѣтъ и свѣжей болѣкурой головки, которая научила бы его чистосердечію. Ему некого любить, некому помочь, онъ не знаетъ радости самопожертвованія, у него даже нѣтъ случая ее испытать. Онъ одинъ, всегда одинъ, живетъ только для самого себя, его привязываютъ къ землѣ только его подошвы, и онъ думаетъ, что

живетъ! Жизнь не знаетъ его; пусть его проходитъ!

Человѣкъ внѣ семейства—только зачатокъ человѣка; чтобы его жизнь была полна, надо. чтобъ ему понятна была любовь матери, сестры, жены, дочери, чтобы онъ, проникнувшись всей прелестью и нѣжностью ихъ, выработалъ себѣ душу сильную и добрую, душу и мужскую, и женскую вмѣстѣ.

Когда человѣкъ обзаводится семьей, сказалъ Бэконъ, онъ увеличиваетъ шансы своего несчастья. Да; конечно, во времена деспотизма тиранъ имѣлъ болѣе власти надъ семьяниномъ; онъ могъ наносить ему столько ударовъ, сколько у него было дѣтей; а холостякъ ни къ чему не привязанъ. Когда Сеянъ отмѣчалъ его имя на своей табличкѣ, онъ могъ уйти за границу. Его нельзя было удержать ни угрозой, ни милостью; у него вѣдь не было сына, котораго надо бы пристроить.

Но Бэконъ ошибся: человѣкъ, заводясь семьей увеличиваетъ шансы своего счастья. Что за бѣда, что деспотизмъ отнимаетъ у него право гражданства и что Цезарь властвуетъ какъ левъ въ пустынѣ? Онъ можетъ прогнать народъ съ площадей, но онъ не можетъ изгнать отца изъ семейства. Въ семьѣ еще можно быть лично свободнымъ и находить въ ней счастье настолько, по крайней мѣрѣ, насколько то возможно когда свобода носитъ покрывало, и въ той странѣ, которая была когда-то отечествомъ и которая теперь походитъ на тюрьму.

Какъ бы ни было, у отца семейства всегда есть работа на пользу общества: онъ трудится, сберегаетъ и капиталомъ, вырабатываемымъ въ потѣ

лица и передаваемымъ потомству, онъ возвышается надъ временемъ и создаетъ династію. Всякій разъ, когда онъ откладываетъ экю, чтобы избавить свою семью отъ бѣдности, онъ избавляетъ свое отечество отъ рабства. Деспотизмъ можетъ быть только тамъ, гдѣ народъ бѣденъ, потому что независимое положеніе образуетъ независимый характеръ. И лишь только народъ перестаетъ протягивать руку за подаяніемъ, деспотизмъ перестаетъ властвовать.

Женщина работаетъ въ свою очередь. Она изъ ребенка создаетъ человѣка, образуетъ его и употребляетъ на это дѣло всю дипломатію нѣжности. Она первая постигла теорію привлекательности труда, она умѣетъ занять ребенка забавляя его. Она учитъ его дѣлать добро и любить своимъ примѣромъ. И если впослѣдствіи ребенокъ будетъ не лишнимъ человѣкомъ на свѣтѣ, ея иниціативѣ принадлежитъ половина его заслугъ.

Но ея труды не пропадаютъ даромъ для нея самой. Ея добродѣтель обращается на нее саму и придаетъ ей новую красоту. Будучи вмѣстѣ матерью и любящей женщиной, она какъ померанцевое дерево украшается одновременно и цвѣтами и плодами. Всякій, кто ни приблизится къ ней, чувствуетъ въ себѣ какую-то перемѣну и желаніе быть лучше. Между тѣмъ дитя не поглощаетъ безвозмездно въ себя все, что принимаетъ отъ матери. Оно и само способствуетъ семейному счастью. Оно наполняетъ и воодушевляетъ семью своей дѣтской жизнью. Счастливое и постоянно выражающее свое счастье, оно составляетъ такъ сказать живую радость домашняго очага. Слушая его милое лепетанье, можно забывать несправедливость жизни.

Оно дышетъ невинностью и дыханіе его такъ сказать очищаетъ атмосферу жизни. Его чистосердечный взглядъ кажется взглядомъ совѣсти; если кто поступитъ не хорошо, оно становится упрекомъ.

Однажды человѣкъ повалилъ на землю другаго и хотѣлъ убить его. Несчастный! сказалъ лежавшій на землѣ: еслибъ твой сынъ могъ теперь видѣть тебя! Убійца бросилъ ножъ и убѣжалъ.

Ребенокъ научаетъ человѣка цѣнить время и жертвовать минутнымъ наслажденіемъ для болѣе прочной цѣли. Жизнь тѣмъ болѣе имѣетъ достоинствъ, чѣмъ болѣе она соприкасается съ вѣчностью. Въ чемъ заключается превосходство сбереженія надъ наслажденіемъ? въ томъ, что наслажденіе кратковременно, а сбереженіе продолжительно.

Отецъ нетолько живетъ, но и возрождается въ своемъ дитяти; у него дитя—талисманъ, съ которымъ онъ не боится никакихъ испытаній, даже смерти. Между человѣкомъ и смертью стоитъ дорогая жизнь дитяти и онъ смѣло вступаетъ въ битву съ судьбой, онъ не доступенъ ея ударамъ.

Побѣдивъ Индію, Албукеркъ возвращался въ Европу. Дулъ тихій вѣтерокъ и корабль гордо шелъ на всѣхъ парусахъ, неся своему отечеству побѣду надъ новымъ міромъ. Но вдругъ у мыса Доброй Надежды вдали показалось чорное пятно, оно ростетъ мало-по-малу и покрываетъ все небо: ночь нисходитъ днемъ на темное море. Буря разражается надъ кораблемъ: вверху гроза, внизу ревутъ волны, корабль, весь въ огнѣ, еще держится на водѣ, но уже не можетъ итти и готовъ потонуть каждую минуту.

Капеланъ молится Божіей Матери; свистъ вѣтра уноситъ его слова и волна за волной обдаетъ палубу, какъ дикій звѣрь лижетъ свою добычу. Наконецъ руль ломается въ рукахъ капитана.

Все кончено; оставалось только умереть. Мать прижимала къ груди своего ребенка, невинный младенецъ улыбался бурѣ. Вдругъ Альбукеркъ вырываетъ его изъ рукъ матери и, поднявъ его къ небу, воскликнулъ: боже! спаси насъ ради этого дитяти!

Небо услышало его молитву; вѣтеръ стихъ, море успокоилось; корабль продолжалъ свой путь и благополучно достигъ пристани.

XXVI.

ДѢВУШКА НЕВѢСТА.

Идеалъ семейства—въ тройномъ единствѣ отца, матери и ребенка. Какъ его достигнуть, если не совершенно, такъ по крайней мѣрѣ отчасти?

Наше время возбудило этотъ вопросъ, постараемся разрѣшить его. У насъ есть теперь мужъ и жена; но существуетъ ли у насъ бракъ въ полномъ смыслѣ этого слова?

Гдѣ его найти? Въ деревнѣ ли, въ такъ-называемой простой сельской жизни? Но крестьянка—душа, покоющаяся въ тѣлѣ измученномъ работой.

Она ходитъ съ голыми ногами по пыли, палимая солнцемъ. Она стережетъ стадо, полетъ огородъ, смотритъ за домашними птицами, косить сѣно, убираетъ хлѣбъ, варитъ кушанье, топить печи, стираетъ бѣлье.

У ней нѣтъ отдыха кромѣ воскресенья, да и то это отдыхъ на половину; лишь только пропѣлъ пѣтухъ, ей надо доить коровъ, итти продавать молоко на рынокъ. Потомъ, если у ней есть охота, она беретъ себѣ мужа, т. е. дополненіе къ нищетѣ.

Тогда она имѣетъ право страдать не много болѣе, если не считать необычныхъ побоевъ по возвращеніи изъ кабака. Время отъ времени у нея родится ребенокъ, обреченный на такую же жизнь, какъ и ея. Наконецъ время сжаливается надъ ней и ее хоронятъ.

Выше простой крестьянки стоитъ сельская аристократка — норманская фермерша. Она можетъ быть счастлива, потому что не прихотлива; у нея есть кусокъ хлѣба и что-то въ родѣ мужа, она счастлива своей долей и припѣваючи кормитъ свою малютку.

Фермерша значительное лицо. Она начальница птичьяго двора, стрижетъ овецъ къ троицыну дню, а къ рождеству закалываетъ откормленную свинью. Остальное время она смотритъ за птицами и за коровами. Женщина, считающая птицъ, совершенно избѣгаетъ грусти, но можетъ ли она осуществлять идеалъ брака?

Нѣтъ; она настолько же подходитъ къ этому идеалу, какъ и жена пролетарія, работающая на фабрикѣ. Вездѣ, гдѣ вслѣдствіе экономическаго насилія заработная плата доведена до минимума необходимаго для существованія, женщина не женщина, а проклятіе производительности, погруженной въ адъ паровой машины.

Вездѣ вокругъ нея вертятся колеса машинъ и ремнями разсѣкаютъ воздухъ, а она стоитъ передъ шпулькой слѣдя за движеніями станка, чтобы связать оборвавшуюся нитку.

Кончивъ работу, она ѣстъ и ньетъ въ какой-нибудь дрянной харчевнѣ и если у нея нѣтъ дѣла, извѣстнаго на фабрикѣ подъ именемъ пятой чет-

верти дня, то она идетъ въ темную лагугу и бросается отъ усталости на нары подлѣ того, кого общество св. Іосифа дало ей подъ именемъ мужа.

Если что родится отъ этого союза и не умретъ черезъ четверть часа, то мать несетъ его въ дѣтскій пріютъ.

Вотъ какова семейная жизнь у самаго низкаго пролетарія, напоминающая первобытныя времена человѣчества. Совсѣмъ иначе живетъ работникъ, получающій сносный заработокъ. Онъ выбираетъ себѣ жену по сердцу и обращается съ нею какъ съ равною себѣ. Онъ зарабатываетъ себѣ на житье и даже откладываетъ копѣйку на чорный день; жена съ своей стороны смотритъ за домомъ и старается украсить его, чтобы доставить удовольствіе мужу.

Чистота, эта роскошь бѣдняка, блеститъ въ его комнаткѣ; у него чистая бѣлая занавѣска на окнѣ, плебейскій левкой на каминѣ и если хорошенько поискать на полкѣ, то увидимъ евангеліе рядомъ съ портретомъ Руссо. Дѣти остаются дома пока имъ не наступила пора учиться. По воскресеньямъ все семейство отправляется въ лѣсъ, наслаждается солнцемъ какъ народнымъ праздникомъ и весело ворочается домой. Не въ этомъ однако заключается осуществленіе семейнаго счастія человѣчества. Человѣкъ—человѣкъ значитъ и мущина и женщина—живетъ вполнѣ только тогда, когда онъ мыслитъ, а мыслить онъ можетъ только имѣя досугъ, необходимый для образованія ума. Только люди, достаточно обезпеченные отъ труда посредствомъ труда, дѣйствительно обладаютъ возможностью заботиться о своемъ нравственномъ развитіи.

Но и въ этомъ классѣ, эманципированномъ посредствомъ богатства, какъ и во всякомъ другомъ, трудно найти образецъ брака.

Вотъ наслѣдница; но какъ она воспитана, или лучше сказать приготовлена для мужа? Прежде всего она выучилась одѣваться со вкусомъ: она умѣетъ шить, вышивать, завязать ленту, приколоть булавку, ловко надѣть платье, прицѣпить цвѣтокъ къ своей прическѣ.

Но не достаточно имѣть пальчики феи, способные украсить все, къ чему они прикасаются; нужно умѣть маневрировать своей красотой, граціозно ходить или, скорѣе, летать, держаться прямо безъ натяжки, съумѣть прикрасить природныя качества, показать одно, скрыть другое, кстати улыбнуться и опустить глаза, смотрѣть въ одно и тоже время съ вызывающимъ и съ застѣнчивымъ видомъ и своей позой ежеминутно говорить: поглядите на меня—какъ я хороша! но выражать это нужно съ приличіемъ, подобающимъ хорошо воспитанной дѣвушкѣ, и съ безстыдствомъ, свойственнымъ простодушію.

Дѣвушка невѣста присоединяетъ ко всему этому какой нибудь талантъ, доставляющій удовольствіе; она умѣетъ танцовать, потому что это необходимо; она съ приличной томностью протанцуетъ кадриль; она имѣетъ право претендовать на нѣкоторое музыкальное образованіе и съ давняго времени тиранитъ фортепьяно, чтобы извлечь изъ него что-то похожее на сонату. Если у нея есть слабый голосокъ, она поетъ романсы; если у нея голосъ силенъ, то она принимается пѣть бравурныя аріи и съ жаромъ оканчиваетъ финальную руладу.

Если же у нея нѣтъ голоса, она пускается въ рисованье; она даже снимаетъ виды съ природы, она объѣзжаетъ Италію въ извощичьей коляскѣ и привозитъ въ своемъ альбомѣ пейзажи.

Что же касается до научнаго образованія, то оно достигается тѣмъ, что ее отдаютъ на годъ, или на два, въ какой-нибудь монастырь или пансіонъ; тамъ она нахватается верхушекъ знанія, довольно вѣрно выучитъ орѳографію, смутно пойметъ, что земля вертится вокругъ солнца; она даже осмѣлится утверждать, что дважды два четыре, и въ состояніи будетъ повѣрять счеты кухарки.

Можетъ быть даже она по желанію честолюбивой матери выучилась англійскому или итальянскому языку; но это уже педантическая роскошь, и только аристократка, желающая пооригинальничать, можетъ безъ приготовленія переводить Векфильдскаго священника или Метастазія. Это уже считается излишествомъ, необходимымъ только какой-нибудь баронессѣ или учительницѣ.

Понятій дѣвушка невѣста не имѣетъ ровно ни объ чемъ, она не знаетъ ни свѣта, ни жизни, ни людей, ни самой себя, или знаетъ объ этомъ столько же, сколько написано о томъ въ катехизисѣ, который она учила. Она его учила наизустъ. но только для того, чтобы приготовиться къ первому причастію, по случаю котораго она надѣвала кисейное платье.

Кромѣ того, что есть въ этой высокоуважаемой и скучной для нея книгѣ она не знаетъ почти ничего; она не чувствуетъ влеченія ни къ какой наукѣ; она согласна повѣрить, что есть рай, а можетъ быть и адъ, потому что о существованіи ихъ говоритъ

ея законоучитель, но она не даетъ себѣ труда удостовѣриться не обманули ли ее. Для приличія достаточно, чтобы она была религіозна, т. е. чтобы она ходила исповѣдываться разъ въ мѣсяцъ и къ обѣднѣ по воскресеньямъ, чтобы она крестилась святой водой, соблюдала по пятницамъ постъ; но она во всемъ этомъ видитъ не болѣе какъ соблюденіе формальности, необходимой—какъ дѣланіе визитовъ. Набожность избавляетъ ее отъ истинной религіи.

Время отъ времени она читаетъ; но исторія утомляетъ ее, нравственныя сочиненія приводятъ въ уныніе, только романы ей нравятся: за Ламермурской невѣстой она просидитъ цѣлый вечеръ, если не будетъ перевертывать страницъ, чтобы поскорѣе добраться до конца. Но что за романъ читаетъ ея мать? романъ, который ей читать не позволяютъ. Она не перестаетъ о немъ думать именно потому, что ей запрещаютъ его читать. Развѣ у матери и у дочери нравственность не должна быть одинакова?

Можетъ быть придетъ часъ, когда она не устоитъ отъ искушенія разъяснить себѣ этотъ вопросъ. А до тѣхъ поръ ей предоставляется право воспламенять свое сердце пылкой идилліей въ родѣ Павла и Виргиніи. Но она еще болѣе любитъ театръ, или, иначе говоря, романъ въ дѣйствіи; она смотритъ на другихъ, на нее также смотрятъ, и она вполнѣ предается страсти: и тутъ посреди толпы, въ душной атмосферѣ при блескѣ огня она чувствуетъ первое трепетаніе сердца, которое часто рѣшаетъ ея судьбу.

Можно безошибно сказать, что она въ театрѣ

кончаетъ свое образованіе:—она выучивается тутъ, какъ держаться во время любовнаго признанія, какъ женщинѣ выходить изъ затруднительнаго положенія, въ одно и тоже время оттолкнуть и привлечь поклонника.

Вотъ какія дѣвушки вступаютъ въ бракъ. Изо всѣхъ струнъ человѣческой души въ нихъ развиваютъ только кокетство и воображеніе. Кажется, люди нарочно стараются доказать, что женщина есть не болѣе какъ прелестная ошибка природы. Молодыя дѣвушки вступаютъ вь бракъ, а между тѣмъ у нихъ нѣтъ ни одной серьёзной мысли, ни одного серьёзнаго занятія. Онѣ умѣютъ только нравиться и мечтать. Что же ожидаетъ ихъ въ будущемъ и осуществятся ли ихъ мечты?

XXVII.

ДЕНЬ СВАТЬБЫ.

Мужчинѣ тридцать лѣтъ, онъ пожилъ достаточно; пора остепениться,—онъ изучилъ вполнѣ любовь и растратилъ свою молодость во всевозможныхъ наслажденіяхъ.—Но вмѣстѣ съ опытностью человѣкъ пріобрѣтаетъ и смѣлость. Въ тридцать лѣтъ онъ уже дѣлается разсчетливымъ въ дѣлѣ любви и отъ времени до времени достигаетъ того, что обыкновенно называютъ удачей. Онъ изучилъ женщину въ совершенствѣ, всякихъ женщинъ, ему надоѣла кочевая жизнь холостяка и онъ начинаетъ подумывать объ осѣдлости. Осѣдлость—это бракъ. Онъ покупаетъ какое-нибудь мѣсто или торговое заведеніе и, гордясь вновь пріобрѣтеннымъ положеніемъ, за которое еще не заплачено, ищетъ партіи. Гдѣ ангельская душа, которая выручитъ его изъ затруднительнаго положенія?

Вездѣ, гдѣ есть дѣвушка-невѣста, есть женщина, созданная единственно для того, чтобъ ему помогать; она будучи сама замужемъ дотого проникнулась любовью къ браку, что заводитъ справоч-

ную контору для пристроиванія невѣстъ. На лбу ея блеститъ звѣзда дипломаціи, вся жизнь ея проходитъ въ устройствѣ брачныхъ союзовъ.

Эта добрая женщина полагаетъ, что дѣвушкѣ съ приданымъ всего лучше выйти замужъ за человѣка, который въ немъ нуждается. Руководясь такой системой гармонированія, она вычисляетъ приданое молодому человѣку и знакомитъ его съ невѣстой. Это первое дѣйствіе сватовства.

Съ обѣихъ сторонъ приступаютъ къ вычисленію средствъ къ жизни, какъ наличныхъ, такъ и ожидаемыхъ, ожидаемыхъ значитъ отъ смерти родственника. Если послѣ такого анализа средствъ къ жизни находятъ, что они съ той и другой стороны приблизительно стóятъ другъ друга, то приступаютъ ко второму дѣйствію. Женихъ заявляетъ невѣстѣ свое желаніе и проситъ свиданія. Въ цивилизованныхъ странахъ не продаютъ уже дѣвушекъ; дѣвушкѣ по закону позволяется давать свое согласіе на бракъ и поэтому она должна же взглянуть на того, кому отдается.

Назначается день свиданія. Посѣщеніе мущины, и въ особенности молодаго человѣка, должно-быть считается очень страшнымъ дѣломъ, потому что мать позволяетъ своей дочери разговаривать съ нимъ наединѣ только въ тотъ священный часъ, когда онъ намѣренъ просить ея руки.

Что скажетъ дѣвушка? что отвѣтитъ она? Объ этомъ она мечтаетъ полночи, и все, что она ни мечтаетъ, таетъ въ ея умѣ какъ первый снѣгъ.

Настаетъ кризисъ: она выходитъ въ гостинную, одѣтая съ изящной простотой, садится возлѣ ма-

тери съ работой чтобы имѣть претекстъ наклонить голову.

Женихъ пріѣзжаетъ въ полной формѣ, завитый, въ искусно повязанномъ галстухѣ, какъ проситель, получившій аудіенцію у министра и надѣющійся получить какое-нибудь мѣсто.

Онъ клаияется, ему отвѣчаютъ; происходитъ обмѣнъ пошлыхъ фразъ для того, чтобы вести приличный разговоръ; женихъ старается выказать весь свой умъ и когда онъ находитъ, что произвелъ надлежащее впечатлѣніе, встаетъ и раскланивается.

Во все время его визита невѣста сидитъ молча, или отвѣчаетъ односложными словами, потому что между ею и молодымъ человѣкомъ игра не ровна; она привыкла съ малолѣтства жить какъ какая нибудь сомнамбула, она видитъ мущину только въ сновидѣніяхъ и сразу получаетъ хорошее мнѣніе о томъ, кто хочетъ на ней жениться.

Она принимаетъ предложеніе на ней жениться какъ комплиментъ. Достойна ли она этого хорошаго комплимента? Нужно-быть очень неловкимъ, чтобъ не понравиться невѣстѣ на первомъ свиданьи.

Мущина напротивъ, уже пресыщенный случайностями, изучившій женщинъ, опредѣляетъ съ перваго взгляда свою невѣсту, онъ судитъ о ней по ея первому слову, хладнокровно, методически и немедленно рѣшаетъ вопросъ,—продолжать ли ему вести или оставить начатое дѣло.

Онъ доводитъ его до обсужденія контракта. Тутъ поднимается споръ о всякой бездѣлицѣ и торгъ каждую минуту бываетъ близокъ къ разрыву.

Наконецъ контрактъ подписанъ. Если мущина женится, значитъ онъ любитъ свою невѣсту, или по крайней мѣрѣ скоро долженъ полюбить ее. Приличіе требуетъ, чтобы любовь проявилась по подписаніи контракта.

Любовь заключается въ томъ, что женихъ проводитъ часъ, или два, съ своей невѣстой, подъ надзоромъ матери, и иногда прогуливается съ ней въ саду, все-таки въ обществѣ матери, или же дѣлаетъ поѣздку за городъ, чтобы къ любви присоединить и поэзію. Женихъ имѣетъ право тогда проговорить своей невѣстѣ мадригалъ; дѣвушка выслушиваетъ его, улыбаясь изъ приличія, и думаетъ, зачѣмъ ее пугали любовью, если въ этомъ состоитъ любовь.

На другой день поутру у нея предъ дверьми выростаетъ цѣлый садъ камелій и азалій. Она внимательно ихъ обглядываетъ и мысленно распрашиваетъ ихъ; но эти цвѣты не могутъ дать ей ни отвѣта, ни аромата.

Уже періодъ любви длится достаточно. По мнѣнію всѣхъ женихъ и невѣста вполнѣ полюбили другъ друга и будутъ любить вѣчно. Теперь самое приличное время, чтобы прислать свадебную корзинку съ приданымъ бѣльемъ и всѣми блестящими бездѣлушками, предназначенными на украшеніе будущей молодой.

Родственники и друзья наперерывъ спѣшатъ прислать золотыя и серебряныя бездѣлки, чтобы увеличить ея приданое. Мать невѣсты выставляетъ все это на показъ, какъ въ какомъ-нибудь музеѣ: выставка пустяковъ—первый урокъ, получаемый будущею хозяйкою.

Отъ свадебной корзинки переходятъ къ самой развязкѣ. Бывало оруженосецъ при посвященіи въ рыцари проводилъ всю ночь въ бдѣніи; приготовляясь къ перемѣнѣ въ своей судьбѣ, онъ причащался, постился и съ веревкой на шеѣ бился лбомъ объ полъ, чтобы изгнать изъ своей головы всякую дурную мысль. Знатный юноша нашего времени тоже приготовляется къ перемѣнѣ жизни при вступленіи въ бракъ—прощается съ холостой жизнью. Онъ дѣлаетъ своимъ товарищамъ по кутежу обѣдъ, и гдѣ же онъ кончаетъ ночь своей послѣдней холостой оргіи?

На другой день утромъ, едва обтеревши губы, онъ возвращается къ своей невѣстѣ, чтобы кончить свадебное дѣло. Невѣста садится въ парадную карету, женихъ въ другую и они ѣдутъ къ меру въ сопровожденіи родныхъ и свидѣтелей.

Они входятъ въ пустую залу, разгороженную надвое балюстрадой и украшенную гипсовымъ бюстомъ, осѣненнымъ знаменемъ; этотъ бюстъ представляетъ правителя, порожденнаго послѣдней революціей. Приходитъ чиновникъ, иногда украшенный орденомъ, почти всегда сѣдой и непремѣнно въ шарфѣ; любезно кивнувъ головой присутствующимъ, онъ садится за столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и начинаетъ перелистывать книгу, разрисованную по обрѣзу какъ радуга—это должно быть Наполеоновъ кодексъ.

Женихъ и невѣста, стоя предъ перилами, говорятъ клерку свое имя и фамилію, и имена и фамиліи своихъ свидѣтелей. Клеркъ записываетъ ихъ въ книгу и прочитываетъ ихъ всему собранію. Послѣ чтенія меръ встаетъ и, открывъ свою

книгу, прочитываетъ статью, изъ которой слѣдуетъ, что мужъ долженъ оказывать своей женѣ покровительство, а жена должна повиноваться мужу. Потомъ онъ спрашиваетъ жениха, выбралъ ли онъ дѣвушку по своему желанію,—тотъ отвѣчаетъ да,—и затѣмъ невѣсту: добровольно ли она соглашается на бракъ,—та отвѣчаетъ также да. Послѣ этого обоюднаго признанія меръ объявляетъ чету соединенной и это записывается въ книгу.

Все сказано, но не все еще кончено. Остается еще вѣнчаніе въ церкви. Можно было всю жизнь пренебрегать религіей и воевать съ своимъ кюре; но все-таки слѣдуетъ явиться къ этому кюре, чтобъ имѣть право на семейную жизнь. Слѣдуетъ исповѣдываться или купить свидѣтельство о томъ, что исповѣдывался; купивъ такимъ образомъ право лгать передъ Богомъ и самимъ собой, слѣдуетъ разослать приглашенія ко всѣмъ своимъ знакомымъ, напечатанныя на атласистой бумагѣ съ просьбою почтить своимъ присутствіемъ дѣло лицемѣрія.

Въ назначенный день свадебный поѣздъ подъѣзжаетъ къ дверямъ церкви. Невѣста входитъ первая, одѣтая съ ногъ до головы въ бѣлое платье подъ руку съ своимъ отцомъ, а если его нѣтъ, то съ дядей съ отцовской или матерней стороны; церковный приставъ съ перевязью черезъ плечо подходитъ къ ней и торжественно приводитъ ее къ алтарю, ударяя своей палкой объ полъ. Въ это время органъ играетъ оперный мотивъ.

Женихъ слѣдуетъ за невѣстой и они становятся на колѣни другъ подлѣ друга на возвышеніе, украшенное бархатной подушкой. Священникъ служитъ обѣдню съ музыкой, надъ головами молодыхъ

развѣшиваютъ кусокъ краснаго сукна; потомъ священникъ говоритъ краткую мистическую рѣчь, въ которой сравниваетъ союзъ мущины и женщины съ союзомъ Христа съ церковью.

Послѣ этого присутствующіе переходятъ въ ризницу и тутъ супруги, родственники, друзья, знакомые всѣ безъ исключенія поздравляютъ другъ друга, цѣлуются, жмутъ другъ другу руки. Потомъ всѣ расходятся, обмѣниваясь впечатлѣніями, произведенными на нихъ красотой молодой. И вотъ два существа до сихъ поръ еще неизвѣстныя другъ другъ соединены на вѣки. Молодая дѣвушка перемѣнила имя и блѣдная какъ смерть подъ своимъ флердоранжевымъ вѣнкомъ она старается улыбнуться.

Земля измѣняется; пустыня можетъ превратиться въ городъ,—но женщина, властью мера и священника отданная мужу, принадлежитъ уже невозвратному.

Кто бы ни былъ тотъ, кто повезетъ ее въ свой домъ, что бы ни случилось съ этимъ человѣкомъ, она будетъ ему сопутствовать до послѣдняго издыханія; она найдетъ отъ него убѣжище только въ могилѣ, потому что она написала надъ своей дверью слово, которое слѣдовало бы только надписывать при входѣ на кладбище.

XXVIII.

ЗАМУЖНЯЯ ЖЕНЩИНА.

Праздникъ кончился, огни въ домѣ потушены; только въ одномъ окнѣ свѣтится еще огонекъ. Тамъ сидитъ взволнованная женщина, которая спрашиваетъ самое себя: кто я теперь? и зачѣмъ я здѣсь? Но поздно задавать себѣ эти вопросы, потому что дверь заперта и исхода нѣтъ.

Молодая дѣвушка, не переступивъ порога этой комнаты, не должна понимать, что такое женщина. По общепринятому правилу она была воспитана какъ цѣломудренная Агнесса. Развѣ невѣдѣніе не невинность? Это могъ думать Ловеласъ, находившій, что Кларисса успѣетъ еще выучиться...

Но если Агнесса не глупа, то она отгадаетъ загадку; ея духовникъ сказалъ ей мимоходомъ нѣсколько словъ, которыя достаточны чтобы возбудить ея любопытство, а кто бы помѣшалъ ей постараться узнать ихъ смыслъ?

Она ничего не подозрѣваетъ, но съ кѣмъ же она теперь? Съ мущиной, имя котораго она носитъ; съ мущиной, сердце котораго полно какъ шотландскій замокъ призраками женщинъ, которыхъ онъ лю-

билъ и обманывалъ; и можетъ быть онъ еще вчера прощался съ холостой жизнью.

Онъ приходитъ на это священное свиданіе радостный, сіяющій и не сомнѣвается, что это первое и послѣднее слово въ жизни женщины дѣлаетъ его супругу такъ же счастливою какъ счастлива султанша, которой повелитель ея бросаетъ платокъ.

Но она плачетъ, рыдаетъ, все, что ни есть въ ней чувствительнаго и возмущающагося — до послѣдней фибры дрожитъ: она одна только понимаетъ, что женщина не есть долгъ, что она—жертва.

А онъ думаетъ, что, сказавъ да два раза, онъ имѣетъ право разбить въ прахъ ея идеалъ; и первая минута его брака—это слезы его подруги.

Если въ этомъ состоитъ вступленіе въ семейную жизнь, то непремѣнно слѣдуетъ вырвать страницу изъ уголовнаго уложенія... Жертва долго сохраняетъ слѣды ранъ; чтобы она вполнѣ простила мужу святотатство, необходима жертва искупленія, т. е. дитя.

Послѣ того женщина должна постоянно быть съ мужемъ съ перваго до двадцать четвертаго часа дня, будь или не будь у нея симпатіи къ его характеру или къ его понятіямъ.

Симпатія къ характеру мужа! Къ чему она? У жены не можетъ быть никакого характера, она должна имѣть характеръ своего мужа; ея долгъ повиноваться, и развѣ это не милость? Вѣдь повиновеніе избавляетъ ее отъ труда имѣть волю.

Симпатія къ понятіямъ мужа! Но женщина живетъ не разсуждая, да и разсуждать ей лишнее, когда у нея есть мужъ; а если у нея есть стрем-

леніе къ роскоши умственной независимости, то пусть ее ожидаетъ вдовства.

Въ первые дни и во весь медовый мѣсяцъ мужъ настолько любезенъ, что ѣздитъ съ женой на балы, въ театры, на вечера, всюду гдѣ, онъ можетъ забыть ее и забыться самъ за партіей бостона.

Но современемъ онъ привыкаетъ выѣзжать одинъ; у него есть свои занятія, онъ обремененъ работой, онъ ходитъ въ клубъ, въ кафе, у него является страсть къ порядку въ политикѣ и онъ по разу въ день спасаетъ отечество куря цигару и читая газету.

Онъ едва возвращается домой къ обѣду или поздно вечеромъ, а жена цѣлые часы смотритъ на часы и подавляя печаль не разъ вытретъ лицо, чтобы скрыть слѣды непрошенныхъ слезъ.

Хотя мужъ и чувствуетъ иногда глухіе упреки совѣсти; но деспотизму мущины нѣтъ средствъ загладить свои ошибки. Онъ прибавляетъ къ нимъ еще несправедливость и если жена осмѣливается упрекнуть мужа, онъ отвѣчаетъ ей: «молчи, я въ своемъ домѣ господинъ.» По закону онъ правъ, потому что можетъ жить гдѣ ему вздумается. Впрочемъ это совершенно справедливо; когда двое живутъ вмѣстѣ, кто-нибудь изъ двухъ долженъ повиноваться. Мужъ нетолько полный властелинъ въ домѣ, но и полный собственникъ состоянія своей жены; онъ получаетъ проценты съ капитала, тратитъ ихъ на свои прихоти и все это подъ предлогомъ добраго согласія въ семействѣ.

Что мужъ первенствуетъ въ хозяйствѣ, это еще ничего при воспитаніи, которое получаютъ наши женщины; но если мужъ наканунѣ сватьбы предъ-

являетъ свои права на приданое жены не давая ей никакого отчета, то это дѣло въ высшей степени недостойное.

Однако законъ требуетъ этого: противъ Наполеонова кодекса нельзя дѣлать никакихъ возраженій. Наполеонъ открылъ, что женщина не носитъ усовъ и потому не можетъ командовать кавалерійскимъ эскадрономъ; тѣмъ болѣе не можетъ она управлять хозяйствомъ.

Когда въ государственномъ совѣтѣ обсуждали мудреный вопросъ о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ супруговъ, то Наполеонъ нашелъ необходимымъ вмѣшаться въ преніе и формулировать теорію немного азіятскую: «только мужъ, сказалъ онъ, имѣетъ права, жена имѣетъ только обязанности.»

Мужъ, говоритъ онъ, долженъ имѣть неограниченную власть надъ поступками своей жены; онъ имѣетъ право сказать ей: сударыня, вы не смѣете сегодня выйдти изъ дому, вы не поѣдете въ театръ, вы не должны видѣться съ такими-то лицами, т. е. вы принадлежите мнѣ тѣломъ и душой.

Наполеонъ переносилъ казарменную дисциплину въ семейство. Даже на св. Еленѣ, когда у него было довольно времени для размышленія, онъ, казалось, сожалѣлъ о полигаміи. Дѣйствительно при полигаміи нѣтъ отдыха производительности, и онъ, какъ завоеватель, истреблявшій много людей въ битвахъ, откровенно сознавался, что совершенство брака состоитъ въ возможно большемъ производствѣ дѣтей.

Наполеонъ даже гдѣ-то объявляетъ формально, что еслибъ Франція могла овладѣть Сенъ-Домин-

томъ, то онъ устроилъ бы тамъ полигамію, вѣроятно для того чтобы увеличить великую армію нѣсколькими полками изъ негровъ и мулатовъ. Но не достаточно закономъ дать мужу власть надъ женой, надо еще приводить законъ въ исполненіе. Это-то примѣненіе закона иногда обнаруживаетъ несостоятельность принципа, имъ принятаго. Случается, что женщина бойкая и особенно съ хорошимъ приданымъ думаетъ такъ: если въ домѣ непремѣнно нужно, чтобъ одинъ повиновался, а другой командовалъ, то пусть это будетъ по очереди. И въ свою очередь она говоритъ: я хочу! и говоритъ это по праву своего приданаго, увѣренная, что найдетъ поддержку въ своемъ семействѣ, или по праву своей красоты, которую мужъ обожаетъ какъ идола.

Эта властвующая женщина вымещаетъ разомъ на своемъ мужѣ все, что терпятъ остальныя замужнія женщины. Она дѣлаетъ изъ него прикащика, лакея; она посылаетъ его поминутно къ своей модисткѣ, къ своей швеѣ, и еслибъ она посмѣла довести до конца его униженіе, она примѣряла бы на немъ свои юпки и корсеты.

Она требуетъ, чтобъ онъ сопровождалъ ее къ обѣднѣ и несъ ея молитвенникъ, не смѣлъ бы ни жаловаться, ни отговариваться, она не допускаетъ никакихъ возраженій,—въ противномъ случаѣ начинаетъ дуться, плакать, съ ней дѣлаются нервные припадки, за которыми слѣдуетъ болѣзнь, и вотъ мужъ въ карантинѣ.

Когда барынѣ вздумается навѣстить какую-нибудь пріятельницу, мужъ долженъ вести гулять дѣтей въ Люксамбурскій садъ и нести веревочку

или серсо. Зачѣмъ ему возражать? Развѣ отецъ не лучшая нянька для дѣтей?

По крайней мѣрѣ вечеромъ онъ надѣется въ награду воспользоваться пріятной семейной бесѣдой и послѣ обѣда одѣвшись съ наслажденіемъ въ халатъ онъ полудремлетъ въ креслѣ у камина; а на дворѣ снѣгъ и дождь, и свиститъ декабрьскій вѣтеръ. Но супругѣ хочется блеснуть въ новомъ нарядѣ, и сегодня вечеръ у управляющаго банка. Мужъ принужденъ снять халатъ и туфли, бриться, надѣвать бѣлый галстухъ, лакированные сапоги и отправляться нанимать карету. Когда онъ достанетъ ее, а это иногда очень трудно, онъ долженъ упаковать въ нее шестьдесятъ аршинъ газу необходимыхъ для бальнаго платья и отыскать въ ней себѣ маленькое мѣстечко между двумя воланами.

Онъ ѣдетъ посреди густаго тумана съ молчаливой женой и иногда протираетъ затускнѣвшее стекло, чтобъ посмотрѣть, гдѣ ѣдетъ. Когда наконецъ онъ видитъ обѣтованную землю, фасадъ, освѣщенный газомъ, то приказываетъ кучеру остановиться. Потомъ онъ торжественно входитъ въ освѣщенную залу подъ руку съ женой, шумящей юпками какъ взволнованное море. Онъ становится гдѣ-нибудь съ шляпой подъ мышкой и съ вытянутой шеей какъ на полковомъ смотру, и едва черезъ часъ перекидывается нѣсколькими словами съ какимъ-нибудь биржевымъ спекуляторомъ о курсѣ трехпроцентныхъ бумагъ или центральнаго займа. Наконецъ въ часъ ночи жена сжаливается надъ нимъ и везетъ его домой.

Надо сказать впрочемъ къ чести мужскаго пола,

что мужъ, съ которымъ жена обращается такимъ образомъ, рѣшается подъ часъ на демоистраціи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я проѣзжалъ черезъ галлоримскую столицу Сентонжа; это было, если не ошибаюсь, зимой вечеромъ. Городъ былъ весь иллюминованъ. Что значила эта иллюминація? Франція въ то время была въ мирѣ со всѣми державами; слѣдовательно не побѣда праздновалась. Что же былъ за поводъ празднества? Видите ли; папа открылъ, что въ религіи не доставало одного догмата, а потому онъ издалъ догматъ о непорочномъ зачатіи.

Итакъ въ этотъ вечеръ въ одной изъ улицъ, болѣе другихъ иллюминованной, замѣтенъ былъ транспарантъ, повѣшенный надъ воротами, на которомъ былъ написанъ протестъ, вызванный какъ видно изъ глубины души:

Эту иллюминацію дѣлаетъ моя жена, а не я.

Это протестовалъ вѣроятно какой-нибудь взбунтовавшійся мужъ, чувствовавшій потребность заявить чѣмъ-нибудь свою самостоятельность; но навѣрно ему дорого пришлось поплатиться за свою смѣлость.

Какъ бы ни было, присвоеніе власти женой надъ мужемъ есть возмущеніе, аномалія.

Мужъ царитъ и управляетъ, и отдаетъ отчетъ только Богу, которому онъ не вѣруетъ, и самому себѣ, которому онъ вѣруетъ слишкомъ много изъ эгоизма.

XXIX.

ЖЕНЩИНА ПОКОРИВШАЯСЯ.

Молодая дѣвушка рѣшается выйти замужъ за человѣка, ей предлагаемаго, обыкновенно для того чтобы любить и быть имъ любимой.

Любовь составляетъ ея науку и ея развитіе: ее любитъ отецъ, ее любитъ мать: вся жизнь ея нѣжность и именины сердца подъ весеннимъ небомъ; ей нѣтъ времени желать, развлеченія предупреждаютъ ея желанія.

Выходя замужъ, она естественно полагаетъ, что счастье ея будетъ продолжаться, въ ней развивали только одну способность своенравіе, она изучаетъ бракъ посредствомъ романовъ. Она создаетъ себѣ идеалъ мужа принаровленный къ ея понятіямъ; она носится съ нимъ и сравниваетъ его съ знакомыми ей мущинами. Само собой разумѣется, что ея идеальный мужъ не можетъ не повредить мужу дѣйствительному.

Дѣйствительный мужъ уже не мечтаетъ, если и мечталъ когда-нибудь. Онъ могъ въ забывчивости молодости еще безразсудно увлекаться, но лѣта исправили его отъ недостатковъ. Онъ пережилъ

уже всѣ бури и женился для того чтобъ наслаждаться спокойствіемъ.

Вначалѣ, разумѣется, жена имѣетъ для него прелесть новизны, онъ молодится для нея; впрочемъ и это—снисхожденіе съ его стороны. Вскорѣ дни становятся короче, солнце опускается ниже и ниже и лучи его, освѣщающія земной рай, становятся все блѣднѣе и холоднѣе.

Чтобы любить, надо время; у жены его слишкомъ много и она требуетъ много любви; но у мужа нѣтъ досуга, на немъ лежатъ заботы о добываніи средствъ къ жизни, ему безпрерывно приходится бороться за существованіе. И право, жестоко требовать отъ мужа, вернувшагося домой усталымъ, свѣжей пылкости перваго любовника.

Женщина требуетъ слишкомъ много, мужъ даетъ слишкомъ мало. Кто виноватъ? Ни та, ни другой, а образованіе, которое они получаютъ, потому что они вносятъ въ семейство совершенно противорѣчащія другъ другу основы развитія.

Жена этого не понимаетъ, да и какъ ей понять это? Кто заботился о ея умственномъ развитіи? Она воображаетъ, что она несчастлива, и начинаетъ жаловаться на судьбу сперва тихо, а потомъ громко, прикрывая упреки ласками. — Мужъ съ своей стороны не понимаетъ, какимъ образомъ онъ, работая за двоихъ, можетъ какъ-нибудь оскорбить жену, и потому при первой жалобѣ ея онъ сердится, а при второй выходитъ изъ себя.

Жена еще болѣе увеличиваетъ размолвку тѣмъ самымъ средствомъ, которое она употребляетъ для устраненія ихъ: съ каждымъ днемъ мужъ становится невнимательнѣе и требовательнѣе.

Онъ человѣкъ акуратный, онъ любитъ порядокъ во всемъ, въ особенности въ домашнихъ расходахъ; онъ находитъ, что счеты портнихи слишкомъ велики. Тогда жена, положа руку на сердце, говоритъ: я ошиблась.

Но мужъ не находитъ, что онъ ошибается, напротивъ: его воспиталъ и поддерживаетъ гражданскій кодексъ въ мысли, что мужъ въ отношеніи жены не можетъ поступать ошибочно, а тѣмъ болѣе несправедливо.

Я мужъ, говоритъ онъ; а слѣдовательно я глава въ домѣ: и это я онъ видитъ во всемъ и вездѣ.

Но упрекать мужа въ этомъ властолюбіи было бы несправедливо, потому что общественное мнѣніе нетолько дозволяетъ ему разсуждать такимъ образомъ, но даже вмѣняетъ это въ обязанность, а потому каждая жалоба жены кажется ему преступленіемъ противъ правъ мужа, чуть ли не посягательствомъ на государственную безопасность.

Что же остается дѣлать женщинѣ? у нея только два исхода: или покориться или бунтовать.

Если она робка, то склоняется предъ необходимостью; тамъ, гдѣ коза привязана, тамъ она и пасется. Но въ ней не выработался внутренній міръ необходимый для утѣшенія и поддержки, а между тѣмъ она сама должна поддерживать себя и изъ самой себя извлекать мужество, безъ котораго жизнь невыносима; и вотъ она заглядываетъ вглубь своей души и находитъ въ ней религію своего дѣтства. Къ ней-то она и обращается, чтобы найти облегченіе отъ тяжести своего отчужденія отъ всего живаго, все болѣе и болѣе увеличивающейся.

Если уже свѣтъ вмѣняетъ женщинѣ въ обязан-

ность самопожертваніе, то лучше же жертвовать собой для бога, нежели для мужа. У нея является надежда теперь, или–когда нибудь, въ этомъ свѣтѣ, или въ будущемъ, получить вознагражденіе за свое самопожертвованіе; и молодая женщина отъ скуки дѣлается ханжей.

Въ здѣшнемъ мірѣ два существа созданы другъ для друга: это священникъ (католическій) и женщина, потому что положеніе ихъ сходно и убѣжденія одинаковы.

Конечно мы всѣ отдаемъ религіи должныя ей почести; мы считаемъ ее совершенно необходимой для нашей цивилизаціи, мы красимъ церкви, украшаемъ монастыри, заботимся объ улучшеніи быта духовенства и, когда женимся или умираемъ, мы предаемъ себя извѣстнымъ обрядамъ.

Но кромѣ этой наружной уступчивости и машинальной вѣжливости даемъ ли мы священнику прямое, дѣйствительное вліяніе на семейство или государство? Нѣтъ, никакого. Революція отняла у духовенства всѣ средства дѣйствовать; его чтутъ, но отстраняютъ отъ дѣла. Вотъ его положеніе.

Таково же и положеніе женщины. Гдѣ бы мы ее ни встрѣчали, за обѣдами, на балахъ, на вечерахъ, вездѣ мы расточаемъ ей доказательства нашего повиновенія ей, вездѣ мы ей льстимъ, вездѣ мы ей воздвигаемъ пьедесталъ, у котораго стоимъ въ почтительной позѣ придворнаго. Но допускаемъ ли мы имѣть какое–нибудь вліяніе, или даже бываемъ ли мы откровенны съ этой рабой, увѣнчанной цвѣтами, которая какъ будто властвуетъ вездѣ какъ царица, а между тѣмъ у себя

дома не имѣетъ вліянія даже на малѣйшую соломенку.

Женщина умная и достойная охотно бы промѣняла всѣ прелестные комплименты, которыми мы поэтически убиваемъ ее, какъ аѳинскими кинжалами, покрытыми миртами, за право всякаго существа сѣять въ мірѣ то, что въ немъ есть поэтическаго и разумнаго.

Духовенство поняло въ женщинѣ эту потребность изліянія чувствъ и предоставило ей для этого церковь. Священникъ далъ занятіе женщинѣ и женщина отдалась ему. Съ тѣхъ поръ женщина перестала жить исключительно домашней жизнью; для нея открылась другая жизнь внѣшняя, жизнь набожная.

Она ходитъ въ церковь, молится, слушаетъ проповѣди, собираетъ пожертвованія на церковь, вступаетъ въ какое-нибудь братство, получаетъ титулъ патронессы, вышиваетъ платье пресвятой Дѣвѣ; для нея Римъ придумалъ догматъ непорочнаго зачатія и продолжительный праздникъ мѣсяца Маріи.

Мужъ очень снисходительно смотритъ на развитіе набожнаго настроенія въ женѣ. Церковь по крайней мѣрѣ избавила его отъ жены, озлобленной разочарованіемъ, отъ этой нѣмой статуи упрека, постоянно стоявшей передъ нимъ со слезами на глазахъ.

Женщина, вознагражденная набожностью за неудачу своего перваго идеала, возвращается отъ обѣдни домой спокойная, съ яснымъ лицомъ; она умерла для самой себя, для свѣтскаго шума, она живетъ только для Бога и ея честолюбіе заключается въ славѣ и могуществѣ церкви; если она

теперь желаетъ имѣть ребенка, то только для того, чтобъ сдѣлать его монахомъ, или семинаристомъ.

И послѣ этого вы всѣ, считающіе себя современными людьми, жалуетесь на неподвижность, которая овладѣваетъ вашей страной. Вамъ кажется удобнымъ, чтобы оправдать себя, обвинять женщину въ стремленіяхъ къ реакціи и если въ данную минуту міръ пятится назадъ, вы упрекаете женщину за то, что она держитъ его за фалду и тянетъ назадъ.

Да еслибъ оно и было такъ, это было бы хорошо. Какую участь предоставляете вы женщинѣ? оказываете ли вы ей какое-нибудь уваженіе?

Сдѣлали ли вы что-нибудь для того, что̀ только одно стоитъ тяжелаго труда жизни на землѣ.

У васъ нѣтъ свободы! Почему нѣтъ ея у васъ? Кто отказываетъ въ ней другому, отказывается самъ отъ нея; это законъ міра, законъ солидарности,—вы отъ него не уйдете.

Я говорю во всеуслышаніе,—поднимаю руку,—пусть сочтутъ меня предателемъ своего пола,—но будущее только тогда побѣдитъ прошедшее, когда оно подниметъ нравственный уровень женщины. До тѣхъ поръ оно недостойно побѣды.

XXX.

ВОЗМУТИВШАЯСЯ ЖЕНЩИНА.

Тридцатилѣтняя женщина входитъ къ двадцатилѣтней и, поцѣловавъ ее съ чувствомъ, говоритъ ей:

Вы не велѣли никого принимать, но я ворвалась силой; я пришла просить васъ принять участіе въ домашнемъ спектаклѣ, который мы устраиваемъ. Намъ нужна ваша красота.

Двадцатилѣтняя женщина печально качаетъ головой. Мой мужъ этого не хочетъ, отвѣчаетъ она, подавляя вздохъ.

Мужъ не хочетъ! но это злоупотребленіе власти съ его стороны; но за это надо отомстить. Берегитесь, моя милая! Если вы во всемъ будете ему повиноваться, то вы его совершенно испортите. У него должна же быть какая-нибудь причина, почему онъ вамъ не позволяетъ выѣзжать?

— Я думаю, что никакой, только онъ говоритъ въ свое оправданіе... Молодая женщина покраснѣла и не докончила фразы.

— Онъ говоритъ... Вы конечно меня настолько любите, что не скроете вашей тайны.

— Безъ сомнѣнія, но я боюсь оскорбить васъ.

— Оскорбить меня! но, моя милая, оскорбленіе, нанесенное вами, можетъ только польстить мнѣ.

— Хотите знать, непремѣнно; извольте. Мой мужъ считаетъ васъ...

— Чѣмъ?

— Опасной женщиной.

— Бѣдняга! Еслибы я не любила васъ, то постаралась бы испытать его храбрость.

Молодая женщина наклонила голову.

Да что съ вами?—спросила ее ея подруга;—вы какъ будто плакали.

— У меня болитъ голова.

— Моя бабушка называла эту боль мигренью, а я называю ее иначе.

— А какъ же вы ее называете?

— Сердечной печалью; было время, когда и я знала эту боль, но научилась вылечивать ее.

— Какимъ же средствомъ?

— Милая моя, всякой другой женщинѣ можно было бы отвѣчать на этотъ вопросъ: вы слишкомъ наивны или любопытны. Но вамъ я откровенно скажу, что всякая умная женщина, если она только захочетъ, съумѣетъ найти предохранительное средство противъ деспотизма мужа.

— И этому средству вы обязаны своимъ счастіемъ?

— Нѣтъ, желать счастія значитъ быть слишкомъ требовательной. Оно доставило мнѣ развлеченіе.

— Но развлеченіе скоро проходитъ и скоро уходитъ.

— Я не даю ему уходить. Какъ та женщина, о

которой писалъ Дидро, я раздавливаю осу, когда она жалитъ.

При этомъ послѣднемъ словѣ двадцатилѣтняя женщина поблѣднѣла.

— Что вы говорите? возразила она съ движеніемъ отвращенія.

— Тоже самое, что вы скажете чрезъ два года.

— Было бы для меня слишкомъ много чести...

— Ну чрезъ пять лѣтъ; я охотно увеличу срокъ.

— Благодарю васъ за великодушіе, но я въ немъ не нуждаюсь.

— Вы такъ думаете, милая; я такъ же думала въ ваши лѣта. Хотите я вамъ разскажу анекдотъ? Марія Антуанета вышла за мужъ за дофина; тулузскій архитекторъ показывалъ ей помѣщеніе, отведенное для супруги дофина. Невинная эрцгерцогиня замѣтила подлѣ алькова потайную лѣстницу. Это что такое? сказала она; пусть сейчасъ заложатъ этотъ выходъ.—Не поступайте опрометчиво, принцесса, холодно отвѣтилъ архіепископъ; чрезъ пятнадцать лѣтъ вамъ, можетъ быть, придется пожалѣть о ней. Его преосвященство подалъ благоразумный совѣтъ; повѣрьте и вы мнѣ, моя милая,— никогда не слѣдуетъ пренебрегать потайной лѣстницей; придетъ время и она послужитъ вамъ спасеніемъ.

— Да вы проповѣдуете страшную теорію, чтобъ не сказать болѣе, возразила на это молодая. Такъ по вашему мнѣнію женщина затѣмъ выходитъ за мужъ, чтобы бросить мужа?

— Вы слишкомъ спѣшите, моя милая; я напротивъ думаю, что женщина выходитъ за мужъ, чтобы любить мужа, если онъ соглашается быть лю-

безнымъ. Я такъ и поступала съ тѣмъ, кого мнѣ выбрала судьба. Я готова была обожать мужа лишь только онъ на это поддавался; но онъ видѣлъ въ обожаньи докучливость. Онъ постоянно былъ занятъ какими-то важными соображеніями; послѣ обѣда онъ отправлялся въ кабинетъ размышлять, или проще сказать спать въ своемъ креслѣ. Разъ вечеромъ, надѣвъ на себя новое платье своего собственнаго изобрѣтенія, я на цыпочкахъ отправилась въ кабинетъ, чтобы застать его врасплохъ во время его мечтаній, и, закрывъ ему глаза руками, спросила его, перемѣнивъ голосъ: отгадай, кто? Знаете ли какъ онъ меня назвалъ? Целиной. — А вѣдь меня зовутъ не Целиной, вы это хорошо знаете. Вы не умѣете отгадывать, сказала я ему, быстро отнимая руки. Онъ поглядѣлъ, узналъ меня, смѣшался и закричалъ, что я поступила съ нимъ дурно. Я съ сердцовъ сняла свое платье, надулась на него; онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же. Но такъ какъ намъ обоимъ было не весело дуться, то мы скоро помирились и въ вознагражденіе я ему съиграла арію изъ Бетховена. Я думаю, что ни одна женщина не старалась играть съ большимъ чувствомъ.—Какъ тебѣ нравится эта пьеса? спросила я у него, закрывая фортепьяно.—Я нахожу, что она такая же скучная, какъ и вся нѣмецкая музыка, отвѣтилъ онъ. — Но наканунѣ сватьбы вы находили, что она великолѣпна. — Онъ поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ, съ той супружеской улыбкой, съ которой вы скоро познакомитесь: рѣшительно ты отсталая женщина, отвѣчалъ онъ; ты хочешь, чтобы мущина такъ же думалъ послѣ сватьбы, какъ и до сватьбы. Что касается меня, то я

вѣрю въ прогрессъ и живу согласно съ своими убѣжденіями.

Двадцатилѣтняя женщина вытаращила глаза на кончикъ своей ботинки; ей казалось, что небо должно обрушиться на землю.

— Я васъ спрашиваю, продолжала тридцатилѣтняя женщина, что мнѣ оставалось дѣлать послѣ такого заявленія. Пуститься въ ханжество? Признаться, я сгоряча объ этомъ и подумала; но взглянувъ на себя въ зеркало у меня на это духу не хватило. Еще рано класть сердце въ сберегательную кассу, сказала я самой себѣ. Я молода, хороша, умна, говорятъ; однимъ словомъ у меня неистощимыя богатства и если мужъ не умѣетъ цѣнить сокровище, которое ему досталось, то надо— или оставить его пропадать даромъ, или выбрать другаго эксперта для его оцѣнки. Вотъ моя теорія; что вы объ ней думаете?

— Тоже самое, что вѣроятно думалъ и вашъ мужъ; онъ не легко, полагаю, подчинился ей.

— Да, въ первое время; у него были даже припадки ревности, или лучше гнѣва.

— И онъ грозилъ вамъ отмстить?

— Можетъ быть; я что-то плохо помню, но что значитъ теперь месть мужа? Самое лучшее въ случаѣ разлада подавить скандалъ соглашеніемъ и предоставить другъ другу свободу въ дѣйствіяхъ. Жить можно вмѣстѣ, вмѣстѣ обѣдать и иногда дать у себя вечеръ, чтобъ показать людямъ такъ склоннымъ къ злословію, что живешь въ полномъ согласіи. Если мужъ достаточно уменъ, то у него хватитъ здраваго смысла, чтобы прикрыть жену

своей отвѣтственностью. Вы можетъ быть знаете хорошенькую княгиню, или маркизу, или графиню,— не помню ея титула, потому что теперь дворяне катятъ какъ по желѣзной дорогѣ, такъ что не успѣваешь разглядѣть ихъ. Итакъ эта молодая дама истерическая, предпріимчивая, способная похитить султана изъ сераля, завербовала себѣ въ поклонники молодаго дворянина перуанца. Она всюду таскаетъ его за собой, вездѣ показываетъ его, всюду является съ нимъ на балы, въ булонскомъ лѣсу, на скачки, въ музеи. Иногда мужъ встрѣчаетъ ихъ при выходѣ изъ оперы; тогда онъ самъ надѣваетъ на жену шаль и провожаетъ ее подъ руку до кареты молодаго перуанца; усадивъ обоихъ меломановъ въ карету, онъ вѣжливо съ ними раскланивается и закрываетъ дверцы. Вотъ, моя милая, примѣрный мужъ. Однако, прощайте; мы безъ васъ сыграемъ нашу комедію.

Двадцатилѣтняя женщина проводила до передней тридцатилѣтнюю, не отвѣчая ни слова; потомъ она сказала своему слугѣ, стиснувъ губы:

— Когда пріѣдетъ эта барыня, говорите, что меня нѣтъ дома.

— Всегда прикажете?

— Всегда.

Чрезъ часъ молодая женщина обнимала своего мужа и положивъ ему голову на плечо говорила: простите меня, мой другъ; у меня болѣла голова; обѣщаю вамъ впередъ слѣдовать вашимъ совѣтамъ безъ разсужденій. Я надѣюсь, что вы не будете давать приказаній, прибавила она съ улыбкой.

Она вѣрила тому, что говорила; но забывала, что вокругъ женщины, не обиженной природой и съ

оскорбленнымъ самолюбіемъ, составляетъ заговоръ праздная молодежь, которая думаетъ, что мужъ женясь на красавицѣ обкрадываетъ общество и что потому справедливо отнять у похитителя общее достояніе.

Дѣло начинается съ ухаживанія,—женщина смотритъ снисходительно на эту вѣжливость,—потомъ переходитъ къ кокетничанью, а отъ кокетничанья къ признанію.

На этомъ женщина считаетъ своей обязанностью остановиться, но признаніе ведетъ непремѣнно къ предпріимчивости: женщина съ негодованіемъ отвергаетъ попытки; но, потерявъ всѣ средства къ внѣшней защитѣ, гарнизонъ долженъ сдаться на капитуляцію.

И вотъ женщина непорочная, увѣренная въ себѣ наканунѣ, не смѣетъ взглянуть на себя въ зеркало,—ей прислали записку! Она проводитъ рукой по лицу, рветъ съ отчаянія свои кружева, она не понимаетъ, какъ все могло случиться; да впрочемъ зачѣмъ ея мужъ пренебрегалъ справедливостью въ отношеніи къ ней?

Потомъ двадцатилѣтняя женщина превращается въ двадцати пяти лѣтнюю, она часто видится съ тридцати лѣтней женщиной, постарѣвшей пятью годами, которую она не велѣла принимать въ припадкѣ добродѣтели. Ихъ всегда можно встрѣтить въ булонскомъ лѣсу въ сопровожденіи почетнаго конвоя.

Для молодой женщины всего опаснѣе такая пріятельница, умѣющая насмѣхаться, опаснѣе пріятеля. Она скоро сумѣетъ разочаровать молодую женщину въ мужѣ и убѣдить ее, что онъ тиранъ,

а отъ сознанія тираніи къ открытому возмущенію переходъ не великъ.

И вотъ одной модной женщиной больше. Она преобразовываетъ своего мужа; она живетъ въ недавно отдѣланномъ отелѣ, въ самой модной части города; она царитъ въ своей гостиной, убранной чорнымъ и пунцовымъ бархатомъ. Въ гостиной нѣтъ ни стульевъ, ни креселъ, потому что на нихъ пришлось бы сидѣть слишкомъ уединенно, а только диваны и козетки, располагающія къ дружеской бесѣдѣ; вся мебель покрыта чорнымъ бархатомъ съ золотой бахрамой; вездѣ разставлены японскія вазы, прикрытыя тропическими растеніями; на каминѣ цѣлая лавка старыхъ и новыхъ вещицъ.

Въ этой гостиной хозяйка принимаетъ своихъ гостей разъ въ недѣлю въ чорномъ бархатномъ платьѣ, для того чтобы платье было подъ стать мебели; у нея губы подкрашены карминомъ, щоки обсыпаны пудрой, волосы висятъ на спинѣ и покрыты золотой пудрой, углы глазъ разрисованы темной краской, придающей ея взгляду что-то измѣнчивое и ласкающее, свойственное глазамъ ехидны.

Когда наступаетъ лѣто, модная женщина уѣзжаетъ на купанье въ Трувилль; тамъ она надѣваетъ треуголку, вооружается палкой, носитъ коротенькую юпку и сапоги съ отворотами и когда она снимаетъ эти доспѣхи, чтобы ввѣрить свою многимъ извѣстную красоту морскимъ волнамъ, всѣ тритоны жокейскаго клуба играются вокругъ нея какъ морскія свинки. Только иногда маклеръ, сви-

дѣтельствовавшій свадебный контрактъ модной женщины, спрашиваетъ, какимъ образомъ ея доходовъ хватаетъ на ту вавилонскую роскошь, съ которой она живетъ. Но это болѣе чѣмъ нескромный, чтобъ не сказать наивный вопросъ; на него можетъ отвѣчать только богъ ночи.

XXXI.

ЖЕНЩИНА ОБЕЗДОЛЕННАЯ.

Неужели это бракъ, по крайней мѣрѣ бракъ существующій въ дѣйствительности? Не есть ли это скорѣе исключеніе, клевета?

Конечно, и слава богу; это не бракъ. Съ этимъ согласится всякій, какъ всякій согласится съ тѣмъ, что почти во всѣхъ семействахъ царствуетъ какое нибудь относительное согласіе. Я пишу не исторію, а патологію семейства и привожу исключительные случаи, такъ часто встрѣчающіеся, что необходимо отыскать средства для отвращенія ихъ.

У всякаго народа здоровье есть общее правило; но это не мѣшаетъ существовать болѣзнямъ, противъ которыхъ необходима медицинская помощь.

Прогрессъ—революціонеръ: это его достоинство и его недостатокъ. Онъ безпрерывно творитъ и разрушаетъ и производитъ постоянное передвиженіе въ обществѣ. Всякій разъ, когда онъ совершаетъ какой либо подвигъ, изобрѣтаетъ искусство, или науку, онъ порождаетъ новую профессію и новыхъ людей соотвѣтствующихъ его открытію,

Но эти новые люди при своемъ появленіи обык-

новенно разстроиваютъ порядокъ, господствовавшій въ обществѣ, какъ нашествіе иноплеменныхъ. Кто ты? Чужимъ нѣтъ прохода! и старое общество запираетъ двери новому.

Лѣтъ триста тому назадъ Европѣ вздумалось замѣнить турниры, рыцарское развлеченіе конныхъ боксеровъ интеллектуальнымъ удовольствіемъ театра, тѣмъ болѣе привлекательнымъ, что все дѣло тутъ вертится на любви. Но комедію нельзя играть безъ комедіантки. Въ Аѳинахъ можно было пріятно ее замѣнить молодымъ мальчикомъ; но въ наше время нашли, что женщина лучше съиграетъ женскую роль.

Итакъ явилась въ свѣтъ актриса и выказала не меньше таланта, чѣмъ актеръ; эта новость, эта дерзость женщины должна была скандализировать суровую рутину.

Какъ это? Женщина, не герцогиня и не торговка, претендуетъ имѣть значеніе сама по себѣ, жить сама собой и какъ еще? на подмосткахъ, въ историческомъ костюмѣ, заставляетъ насъ плакать и смѣяться.

Это впрочемъ не общественное положеніе: актрисѣ можно апплодировать, но нельзя уважать ее. Пусть она достигаетъ извѣстности и славы, если обладаетъ талантомъ пантомимы—тѣмъ лучше: но если она получитъ рангъ въ вобществѣ, то это будетъ узурпація, которую нельзя допустить изъ опасенія анархіи.

Но что за причина отлученія отъ общества актрисы? Не потому ли ее отлучаютъ, что она стоя на подмосткахъ такъ сказать обнажаетъ женщину и показываетъ ее въ настоящемъ свѣтѣ?

А развѣ свѣтская женщина, отправляясь смотрѣть актрису, скрываетъ себя, когда она появляется въ ложѣ въ платьѣ, открытомъ дотого, что выказываетъ часть грудей и при малѣйшемъ движеніи грозитъ обнаружить всѣ обыкновенно скрываемыя ихъ прелести. Она сама не говоритъ признанія въ любви сопернику своего мужа; но она его выслушиваетъ; въ чемъ же разница?

Во времена старыхъ Бурбоновъ не читали вовсе, или читали мимоходомъ и то только въ Парижѣ. Знанія, какъ и товары, не имѣли средствъ къ распространенію въ публикѣ. Франція была непроницаема для мысли, произведенію Расина нужно было три или четыре года, чтобы добраться до Орлеана. Но съ распространеніемъ школъ и въ особенности путей сообщенія книги стали необходимой потребностью. Всѣ стали читать съ охотой и шкафъ съ книгами сталъ обычной мебелью въ домѣ.

Случалось, что послѣ чтенія женщина думала: «я могу сказать столько же», и, заразившись духомъ времени или, вслѣдствіе симпатіи къ мысли, она въ свою очередъ начинала бесѣду съ анонимной личностью, называемой публикою.

Но этимъ поступкомъ женщина нарушила долгъ уваженія къ мужу. Когда у нея есть талантъ, кто будетъ главой семейной общины? Мужъ не можетъ допустить скандала. Женщина писательница должна выйти изъ общины.

Прогрессъ болѣе и болѣе вкрадывается въ домъ; онъ переноситъ въ него искусство, чтобы придать ему болѣе поэзіи. Бывало живопись украшала толь-

ко дворцы и церкви, теперь она имѣетъ домашній характеръ; она украшаетъ и гостиныя и будуары.

Женщина могла сказать: и я могу владѣть кистью и писать съ натуры. Но она не разсчитала на заговоръ мущинъ; на то, что мущина не терпитъ соперничества, хотя бы за нимъ и оставалось первенство, а также и на то, что сами женщины смотрятъ на талантливую женщину какъ на выскочку.

Наконецъ фортепьяно поставило какъ-бы оркестръ въ каждой семейной квартирѣ и дало право женщинѣ заниматься музыкой и слѣдовательно имѣть музыкальный талантъ. А когда кто владѣетъ талантомъ, то онъ долженъ дѣлиться имъ съ сосѣдями, иначе онъ обкрадываетъ общество.

Но когда знаменитая музыкантша появляется въ концертѣ, она все-таки натыкается на господствующее предубѣжденіе. Игрой ея наслаждаются, но находятъ, что женщина, пріобрѣтающая знаменитость, теряетъ скромность, отъ потери которой недалеко до потери стыда.

Тридцать лѣтъ тому назадъ я входилъ въ первый разъ во Флоренцію, съ палкой въ рукѣ, съ мѣшкомъ за спиной, какъ студентъ германскаго университета. На первомъ мосту чрезъ Арно я встрѣтилъ молодую дѣвушку, которая пѣла передъ кафе. На ней былъ тосканскій вуаль, откинутый назадъ, а за поясомъ у нея была полураспустившаяся роза. Какъ только она меня завидѣла, она перестала пѣть, чтобы меня встрѣтить, и, привѣтствуя меня рукой, сказала мнѣ съ грустной улыбкой:

— Добро пожаловать къ намъ; если тебѣ мо-

жетъ понравиться моя пѣсня, остановись, послушай; я отнесу потомъ заработокъ матери.

Послѣ путешествія отъ Пизы до Флоренціи, мнѣ надоѣла поэзія пѣсней подъ аккомпаниментъ гитары; я вынулъ изъ кармана паоло, почти послѣдній:

— На, возьми, сказалъ я ей; только пожалуйста не пой.

Она живо взяла деньги и съ своей мандолиной подъ мышкой скоро пошла по улицѣ Лонгъ Арно.

Нѣсколько дней спустя я посѣтилъ монастырь Санта Кроче и при входѣ въ галлерею увидалъ знакомую пѣвицу. Съ перваго взгляда я едва узналъ ее; она была безъ гитары, на ней была надѣта соломенная шляпа, а въ рукахъ у нея была корзинка съ цвѣтами.

— Вотъ моя корзинка, сказала она мнѣ; выбери себѣ цвѣтокъ, который тебѣ понравится, и я узнаю, кого ты любишь, и скажу тебѣ.

Я взялъ букетъ желѣзняка.

— Ты любишься съ музой, сказала она; ты должно быть нѣмецкій студентъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я ей; я люблю поэзію, но она меня не отдариваетъ. Но ты-то, кто ты сама, такъ ласково улыбающаяся иностранцу? Ужь не младшая ли сестра Миньоны, или странствующая фея Арно?

— Вовсе нѣтъ, отвѣчала она. Я Терезина, дочь ученаго аббата, библіотекаря Сан-Лоренцо, который умеръ съ голоду, потому что слишкомъ любилъ науку, да еще танцы въ образѣ моей мате-

ри, танцовщицы изъ театра Пергола. Прежде смерти своей онъ захотѣлъ образовать меня и выучилъ всѣмъ пѣснямъ, которыя зналъ. Я пою теперь что выучилась, сидя у него на колѣняхъ.

Я смотрѣлъ на Терезину и замѣтилъ опять за поясомъ ея розу.

— Терезина, спросилъ я ее, показывая на цвѣтокъ; для кого ты бережешь ее?

— Ни для кого, отвѣчала она; я посвятила ее Мадонѣ, которая охраняетъ мою постель.

И тѣнь задумчивости отуманила на минуту ея глаза.

Солнце сѣло; звонили къ вечерней молитвѣ, Терезина встала на колѣни и прочла молитву.

Окончивъ ее, она перекрестилась и встала съ спокойнымъ величіемъ свойственнымъ простой итальянкѣ; потомъ она сошла съ паперти привѣвая и скрылась въ народѣ на площади Санта Кроче.

Я уже давно уѣхалъ изъ Флоренціи, вовсе не подозрѣвая, что она современемъ сдѣлается столицею Италіи, и совершенно позабылъ маленькую цвѣточницу. Во Франціи успѣла быть революція, потомъ контрреволюція; въ то время въ Парижѣ всѣ пѣли и выдумали кафе-шантаны.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, не помню уже гдѣ, послѣ плохой игры на фортепьянѣ и пѣнія романсовъ, названныхъ въ афишѣ концертомъ, пѣвица, болѣе другихъ понравившаяся публикѣ, проходила чрезъ залу величественнымъ шагомъ актрисы.

— Узнаешь ли ты меня? вдругъ обратилась она ко мнѣ. Я посмотрѣлъ на нее пристально и,

несмотря на почетное ты, которымъ она меня удостоила, я долженъ былъ признаться, что совершенно ее не помню.

— Какой же ты неблагодарный, возразила она; ты уже не помнишь услуги, которую оказалъ мнѣ; а благодаря тебѣ я разъ поужинала.

Эти слова заставили меня припомнить прошлое; мнѣ показалось, что я узнаю Терезину, но цвѣтокъ уже совершенно распустился; молодая дѣвушка получила ту округлость формъ, которая составляетъ совершенство красоты; въ этотъ вечеръ она была одѣта какъ императрица. Пряжка, украшенная брилліантами, замѣнила розу, которую она носила прежде за поясомъ.

— Здѣсь былъ прежде цвѣтокъ, сказалъ я улыбаясь.

Она улыбнулась иронически.

— Что скажетъ теперь Мадона?

— Ничего, отвѣтила она; она ничего не видала,—я задернула ея лицо своимъ вуалемъ.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Парижъ?

Она посмотрѣла на меня недоумѣвающимъ взглядомъ и, быстро отвернувшись отъ меня, обдала меня струей воздуха, взволнованнаго ея платьемъ.

Прошло нѣсколько времени; я проходилъ по одной изъ улицъ квартала Маделены; рядъ экипажей стоялъ предъ однимъ изъ отелей, выстроеннымъ во вкусѣ реставраціи. Шла аукціонная продажа по случаю сватьбы.

Народъ входилъ въ домъ и я пошелъ за нимъ;

передо мной вышла изъ кареты съ гербомъ дама подъ руку съ мущиной, можетъ быть ея мужемъ, и пошла на верхъ.

Дама эта прошла прямо въ спальню, тамъ стояли парадная кровать и диванъ, обитый атласомъ.

Вотъ это высокая цѣна, сказала она, показывая на постель, покрытую вышитымъ одѣяломъ.

А вотъ это—уменьшенная цѣна, прибавила она, показывая на диванъ.

Послѣ я узналъ, что Терезина, продавъ свою мебель, вышла замужъ за иностраннаго дворянина.

Теперь она принимаетъ у себя цвѣтъ дипломатическаго корпуса и на ея каретѣ красуется графская корона.

Люди хотѣли исключительно предоставить искусство мущинѣ и отказали женщинѣ въ правѣ имѣть талантъ. Если она, несмотря на то, силилась доказать, что у нея можетъ быть священный даръ, ее обрекали на кочевую жизнь цыганки.

Женщина артистка, возвышенная до сознательной силы своимъ талантомъ и лишенная уваженія общества за свое превосходство, жила настоящей революціонеркой. По мѣрѣ того какъ вліяніе ея росло, она болѣе и болѣе противодѣйствовала обществу,—она вторглась въ семью и произвела въ ней сумятицу.

Теперь она предписываетъ моды, даетъ примѣръ во всемъ; она царствуетъ, господствуетъ по праву ума и богатства, потому что она всегда кончаетъ тѣмъ, что захватываетъ богатую добычу.

Когда іудейское племя потеряло право на землю, оно взяло въ руки золото и теперь это аристократія милліонеровъ.

Женщины артистки также образовали новую аристократію, аристократію моды, ужиновъ и маскарадовъ... Они первенствуютъ вездѣ. Кто то сказалъ: времена Тацита воротились, но если прислушаться къ тому, что дѣлается на свѣтѣ, то поколѣніе наше возвращается къ ночамъ Прокопа.

XXXII.

ЖЕНЩИНА РАЗЛУЧЕННАЯ.

Мущина обманываетъ женщину, или женщина обманываетъ мущину; жить вмѣстѣ становится каторгой, жизнью палача и жертвы въ запертой комнатѣ. Ты дурно выбрала, или судьба за тебя выбрала дурно; тѣмъ хуже для тебя! за чѣмъ было выходить замужъ? Случай не приходитъ какъ капризъ.

Безстыдный повѣса вскружилъ голову пансіонеркѣ, или воспользовался нетерпѣніемъ отца выдать ее замужъ; и женщина, отданная въ добычу такому человѣку чувствуетъ и предчувствуетъ во вторую четверть часа своего замужества, что съ нею теперь и будетъ всегда сгнившее сердце, живая язва.

Это отребье мужей нетолько хочетъ порочить свою жену своимъ собственнымъ порокомъ, онъ хочетъ ее эксплуатировать въ пользу своей карьеры; если его жена не соглашается продавать себя, мужъ ея мучитъ ее, насилуетъ каждую фибру ея сердца, благоразумно, учено, со всей замысловатостью китайской пытки. Загнанной, забитой жен-

щинѣ остается только бѣжать; она ищетъ убѣжища въ своемъ семействѣ; но мужъ можетъ вытребовать ее обратно чрезъ полицію. Гражданскій кодексъ утверждаетъ это, по крайней мѣрѣ это подразумѣваетъ, а ловкій супругъ знаетъ гражданскій кодексъ.

Этотъ господинъ всегда поступаетъ по закону. Онъ никогда не ударитъ жену, потому что тогда она могла бы потребовать развода. Убивать и терзать душу позволяется, но тѣло—царь, оно неприкосновенно, его слѣдуетъ уважать.

Если мужъ старается не бить своей жены, по крайней мѣрѣ при постороннихъ, и не ругаетъ ее слишкомъ площадной бранью, то она можетъ подавать на него прошенія сколько угодно, но дѣло никогда не рѣшится въ ея пользу. Плачь же, бѣдная, или убей себя; если же у тебя хватитъ сердца на преступленіе, убей своего мужа!

На дворѣ ноябрьская ночь, вѣтерь воетъ, сухой листъ крутится по землѣ, рѣзко прокричала сова; молодая женщина, внезапно пробужденная бурей прислушивается и, при свѣтѣ ночника, она видитъ—ходятъ тѣни на стѣнѣ. Ей страшно, страшно своей комнаты, страшно даже самой себя. Воспитанная въ поэзіи романа, она думала найти поэзію въ жизни и нашла только обыденную прозу мануфактуры. Голова бродитъ; остальное извѣстно. Рѣшилась ли бы она на отравленіе мужа, еслибы могла требовать развода?

Но вотъ простодушный юноша женится на дѣвушкѣ вполнѣ развитой, любившей до сватьбы, съ богатымъ приданымъ и нахальствомъ милліона. Она полагаетъ, что оказываетъ большую честь при-

нимая неблистательное имя какъ берутъ флагъ чтобы прикрывать товаръ; вкусы у нея непостоянны и потому она намѣрена странствовать и странствуетъ; если мужъ воспротивится, тѣмъ хуже для него. Что ему дѣлать? Начинать процессъ о незаконности ребенка? Но это значитъ предать себя публичному осмѣянію; мужъ, осмѣянный женой, можетъ быть увѣренъ что, при чтеніи рѣшенія суда, онъ будетъ вдобавокъ осмѣянъ публикой. Заводить процессъ о невѣрности жены? Конечно мужъ можетъ когда-нибудь днемъ или ночью, ввести къ себѣ въ домъ коммиссара или полицейскаго агента, спрятать его за дверью, или за ширмами и потомъ посадить жену въ исправительную тюрьму. А потомъ что? Послѣ того какъ жена высидитъ извѣстный срокъ въ тюрьмѣ, мужъ долженъ ее взять опять къ себѣ, или платить ей пенсіонъ, а между тѣмъ чтоже онъ скажетъ своему ребенку?

Онъ можетъ также убить свою жену и ея любовника,—это позволено закономъ,—но вѣдь это значитъ брать на себя дѣло мясника. Притомъ это разсчитанное убійство, — ударъ сзади смотритъ какой то западней; на полу кровь, послѣдній взглядъ нѣкогда любимаго человѣка; потомъ придется являться предъ ассизнымъ судомъ доказывать законность совершеннаго убійства; итакъ законъ не даетъ противъ обмана въ бракѣ никакого удовлетворенія, никакого вознагражденія. Впрочемъ я ошибаюсь, законъ допускаетъ прекращеніе сожительства и вотъ въ какомъ случаѣ:

Случается, что въ судъ приносятъ жену избитую мужемъ; бываетъ, что, показывая законодате-

лю свѣжую рану, его спрашиваютъ: что дѣлать? Оставлять ли ее издыхать въ пыткѣ?

Законъ тогда умилосердивается и допускаетъ разводъ. Мужъ и жена остаются соединенными, только не живутъ вмѣстѣ, носятъ одно имя и отвѣтственность за него до конца жизни. Что дѣлать мужу de jure и вдовцу de facto? Онъ еще молодъ и можетъ быть не совсѣмъ испорченъ. Въ его воображеніи носятся жена, дѣти; но онъ уже потерялъ право на семейную жизнь. И что же? Если онъ не можетъ имѣть собственную жену, онъ будетъ пользоваться чужими женами и, получивъ разводъ самъ, можетъ-быть будетъ причиной не одного развода.

А что станется съ женой?

Разведенная послѣ кратковременнаго брака, она отнынѣ предоставлена самой себѣ. Въ то время когда ея разбитое сердце больше чѣмъ когда-либо нуждается въ нѣжности, когда всѣ священные голоса юности хоромъ поютъ святую хвалебную пѣснь матери и дитяти, въ это самое время она должна умереть живя для одной себя, она должна всю жизнь страдать за чужую вину и вѣчно искупать ложь жизни; ей нельзя любить; ей нельзя приласкать своего ребенка. И между тѣмъ запрещеніе вступить во второй бракъ составляетъ для нея большую услугу, потому что безъ него и мужчина обманулъ бы ее вторично. Еслибъ она еще могла сокрыться въ монастырь! но у нея отнято и это послѣднее средство.

Если она возстанетъ противъ этого смертнаго приговора всѣхъ привязанностей, если она чувствуетъ потребность любить во что бы то ни стало,

она можетъ любить, но должна скрывать свою любовь и потомъ согласиться воспитывать свое незаконное дитя, которое не имѣетъ права даже получать средства на прокормленіе.

Но какъ же объясняютъ гражданскіе законы это насиліе человѣческой природы? интересомъ дѣтей. Но развѣ дѣлить дѣтей между отцомъ и матерью значитъ давать имъ хорошее воспитаніе, а главное хорошій примѣръ? Отдавать сына одному, а дочь другому, сына въ коллегію, а дочь въ монастырь и потомъ назначать для свиданія съ ними одинъ день отцу, а другой день матери!

И потомъ когда ребенокъ приходитъ къ отцу или къ матери, кого же онъ встрѣчаетъ? У отца онъ встрѣчаетъ, или можетъ встрѣтитъ, ту самую женщину, которая была причиной развода; у матери—новаго господина, который говоритъ матери ты. Изо всѣхъ видовъ развода прекращеніе сожительства есть безъ сомнѣнія худшій; въ немъ соединены всѣ неудобства натянутаго положенія; онъ не даетъ никакихъ выгодъ ни отцу, ни матери и не приноситъ пользы ни нравственности, ни обществу.

XXXIII.

ЖЕНЩИНА ОКЛЕВЕТАННАЯ.

Разводъ есть зло, хотя и предохраняетъ отъ зла, и его надо стараться отвратить. А какъ же его отвратить какъ не возрожденіемъ женщины посредствомъ образованія? Образованіе! Что вы говорите? Для образованія нужны способности, а развѣ онѣ есть у женщины? Женщина ничего не можетъ понять, она не понимаетъ даже того, что она ничего не понимаетъ и заимствуетъ идеи у другихъ.

Разбирая ее анатомически, анализируя ея клѣтчатую ткань и прочее, приходятъ къ тому убѣжденію, что органы ея не достаточно развиты, чтобы обусловливать полное развитіе умственныхъ способностей. Аббатъ Галіани, жившій въ Неаполѣ, открылъ однажды, когда дулъ сирокко, что природа придумала женщину изъ шаловливости и создала ее если неизуродованной, то по крайней мѣрѣ больной, чтобы сидѣть круглый годъ дома и заставить мужа быть влюбленнымъ фельдшеромъ.

Другой мыслитель нашего времени пошелъ еще

далѣе, къ аргументу анатомическому присоединилъ аргументъ динамическій. Онъ говоритъ: такъ какъ женщина не можетъ таскать кули съ мукой, то ее нельзя причислить къ разряду мыслящихъ. Дѣйствительно неоспоримо, что если мужъ въ состояніи дать женѣ кулакомъ ударъ въ лошадиную силу, какъ выражаются на фабрикахъ, и если жена не въ состояніи отвѣчать ему тѣмъ же, то остается только отмѣтить неспособность женскаго пола на мраморной или мѣдной доскѣ.

Это разсужденіе отличное; но на основаніи его можно дѣлать и оцѣнку мущины и потому носильщика слѣдуетъ назначить академикомъ, а самаго сильнаго мужика поставить во главѣ государства.

Въ послѣднее время придумали еще лучшее доказательство униженія женщины: то, что при зачатіи женщина играетъ пассивную роль, а мущина активную. Она только принимаетъ, а онъ даетъ.

Но что же онъ даетъ-то, этотъ царь вселенной? Тоже, что и всякое животное, нисколько этимъ не тщеславящееся.

Какъ! по тому, что, въ силу всеобщаго закона, мущина есть исполнитель его, ищетъ сотрудничества женщины, чтобы избавить породу отъ вырожденія, можно заключить, что онъ есть начальникъ женщины. Если и допустить, что на долю одной изъ частей человѣчества и выпадаетъ активная роль въ драмѣ любви, то не скорѣе ли принадлежитъ эта роль женщинѣ, такъ какъ она своей красотой привлекаетъ мущину? За кѣмъ же преимущество? За стороной привлекающей, или за стороной привлеченной?

Да и что это за раздѣленіе? Развѣ въ любви не

обѣ стороны одинаково даютъ и получаютъ? Если женщина ничего не даетъ и ничего не можетъ дать, то отчего же происходитъ насиліе и зачѣмъ его наказывать? Скажите мнѣ, великодушный жертвователь, дающій женщинѣ возможность доставлять вамъ счастье, что вы даете въ сущности? то ли, что́ вы почерпаете въ самомъ себѣ, то ли, что́ вы можете отдать и въ чемъ вы можете отказать? Нѣтъ! Вы даете тоже, что даетъ воздухъ легкимъ и что легкія отдаютъ атмосферѣ.

Наконецъ, въ чемъ превосходство того или другаго дѣятеля въ этомъ общемъ дѣлѣ, ищущемъ безсмертія, чтобы низвести его на любимое существо? Гдѣ превосходство: въ той ли четверти часа, которая даетъ наслажденіе и проходитъ, или въ той долговременной беременности, которая приготовляетъ новое существованіе? Вѣялка сѣетъ сѣмя, а земля обращаетъ его въ плодъ; гдѣ бо́льшая заслуга?

Еще утверждаютъ, что на долю женщины выпадаетъ и глупость на томъ основаніи, что въ продолженіе слишкомъ шести тысячъ лѣтъ женщины не дали исторіи ни великаго полководца, ни знаменитаго астронома. Но надо замѣтить, что ни одна женщина не служила въ арміи, ни одну изъ нихъ не обучали астрономіи.

Еслибы женщину обвиняли только въ глупости! Мало того: ее обвиняютъ еще въ похотливости. Изъ одного недавно вышедшаго сочиненія можно вывести слѣдующее заключеніе: природа хотѣла, въ видѣ опыта, создать похотливое существо и для осуществленія своей мысли создала существо нѣжное, въ высшей степени граціозное,

которое должно было чувствовать потребность въ стыдѣ, потому что стыдъ составляетъ главную силу похотливости.

Всѣ эти обвиненія взведены на женщину для того, чтобы мущина могъ громогласно заявить: я не люблю, потому что сильные не любятъ; я принадлежу къ высшей породѣ, которая смотритъ на любовь какъ на потерянное время. Женщина создана только для того, чтобы рождать дѣтей и когда мущина удовлетворилъ своему половому влеченію, онъ сдѣлалъ все, что требуетъ отъ него справедливость въ отношеніи къ женщинѣ.

Я забочусь только о справедливости, говоритъ онъ. А справедливость требуетъ, чтобы женщина повиновалась во всемъ, повиновалась даже несправедливости. Это—созданіе низшаго разряда съ точки зрѣнія гигіенической, анатомической, физической и умственной. Зачѣмъ же Богъ создалъ низшее существо какъ не затѣмъ чтобы сотворить раба? Спросите объ этомъ у чарльстонскаго плантатора; онъ говоритъ такимъ образомъ о негрѣ, когда удостоиваетъ говорить о немъ.

Итакъ похотливая женщина сотворена Богомъ только для того, чтобы доставлять мущинѣ возможность творить добро и не допускать ее соблазнять ближнихъ. Но вѣдь женщина—существо пассивное, значитъ не она атакуетъ, а ее атакуютъ, слѣдовательно не ее, а мущину слѣдуетъ обвинять въ похотливости.

Мущина безпрестанно выставляетъ на показъ свое превосходство; у него въ рукахъ съ самаго сотворенія міра верховная власть; но что же онъ сдѣлалъ самъ собой чтобы оправдать свою интел-

лектуальную монополію. Есть на свѣтѣ война,—это дѣло мущинъ исключительно; мущина всегда боготворилъ ее какъ славу по преимуществу, и даже теперь хорошій ударъ цѣнится дороже какого-нибудь образцоваго произведенія.

Пусть лучше мущина откажется отъ войны и поменьше хвастается своимъ геніемъ, потому что если мы отнимемъ отъ исторіи законъ прогресса, нисколько не зависящій отъ воли мущины, то исторія можетъ внушать только отвращеніе и когда мущина оглядывается назадъ, то ему приходится краснѣть за самого себя.

И къ чему въ наше время дѣлать изъ мужа брамина, а изъ жены парію въ юбкѣ. Для того чтобы отказать женщинѣ во всѣхъ правахъ и держать ее взаперти какъ въ азіятскихъ гаремахъ? Когда я тебя запру, думаетъ мущина про женщину, ты вовсе не будешь думать или будешь думать какъ я хочу; ты захочешь только того, что нравится мнѣ, ты не будешь ничего чувствовать, потому что я завладѣю твоимъ сердцемъ, а если тебѣ вздумается возстать, то я покажу тебѣ свою власть.

XXXIV.

ЖЕНЩИНА ВОЗСТАНОВЛЕННАЯ.

Слѣдуетъ наконецъ бросить эту схоластику семейства и это раздвоеніе человѣчества. Что такое женщина въ концѣ концовъ? Существо человѣческое и половое; но прежде всего человѣческое, а половое только случайно, человѣчество въ ней составляетъ явленіе общее, а полъ—явленіе частное. Итакъ зачѣмъ же жертвовать общимъ для частнаго и обращаться съ нею какъ будто она рожаетъ, или должна родить круглый годъ.

Женщина также какъ вы, мущина, принадлежитъ къ человѣческому роду; у нея также какъ и у него есть назначеніе на землѣ, независимо отъ половаго предназначенія. А что же такое назначеніе какъ не законъ прогресса, какъ не развитіе жизни; жизни физической—увеличеніемъ силъ, жизни нравственной—развитіемъ сочувствія, жизни умственной—развитіемъ знаній.

Развитіе физической жизни? Но женщина существо нервное, электрическій уголь, теряющій свою силу при малѣйшемъ прикосновеніи и впадающій потомъ въ изнеможеніе. Вялая и изнѣженная, не

имѣющая упругихъ мускуловъ, она способна только осуществлять идеалы китайцевъ, которые говорятъ, что лежать лучше, чѣмъ сидѣть.

Но допустимъ, что провидѣнію вздумалось сотворить женщину слабой какъ-бы въ наказаніе за ея красоту и сдѣлать изъ нея родъ моллюска; развѣ изъ этого слѣдуетъ, что ее слѣдуетъ разслаблять затворнической жизнью, и не лучше ли было бы укрѣплять ее тѣлесными упражненіями? Пусть гимнастика входитъ въ воспитаніе молодой дѣвушки и человѣчество будетъ крѣпче; женщина уравновѣсила бы свою мускульную систему съ нервной и вмѣсто теперешней женщины, ведущей постоянно сидячую жизнь, дѣйствовать и размышлять которую заставляетъ только сильный толчокъ, она была бы женщиной съ твердой волей, которая бы сумѣла заставить свое тѣло покориться своей волѣ.

У женщины должно быть хорошее здоровье, такъ какъ отъ ея здоровья зависитъ и здоровье ея ребенка; хилый ребенокъ, рожденный отъ болѣзненной матери можетъ остаться на всю жизнь хилымъ по уму и характеру и не приносить никакой пользы, отечеству.

Если доискиваться причинъ упадка азіятскихъ народовъ, то хотя отчасти и можно сказать, что онъ происходитъ отъ двойнаго гнета деспотизма и климата, но нѣтъ сомненія, что на него имѣла вліяніе и гаремная жизнь, которая заставляетъ женщину коснѣть и плеснѣть въ ароматической тюрьмѣ, обкуриваемой дымомъ опіума.

У апатичной женщины родятся слабыя дѣти и потому въ интересѣ мущины—вырвать женщину

изъ стоячей воды домашнихъ удовольствій, обѣдовъ, баловъ, концертовъ, вечеровъ, и пріохотить ее къ ходьбѣ, къ плаванію, къ верховой ѣздѣ.

Но ей слѣдуетъ заботиться нетолько о тѣлѣ, но также и о душѣ и развивать въ себѣ симпатію, т. е. способность чувствовать. А чувствовать, если только чувство прекрасно и высоко, значитъ любить, восхищаться, однимъ словомъ достигать высшаго совершенства свойственнаго человѣческой душѣ.

Чтобы женщина имѣла необходимыя для нея достоинства. она должна любить, восхищаться природой, необходимо чтобы, она понимала ея поэзію; женщина неспособная восхищаться закатомъ солнца лишена чувства безконечнаго.

Кажется, что женщина можетъ любоваться картиной не принося тѣмъ вреда своему мужу; можетъ даже при случаѣ смотрѣть на статую, хотя бы она доводила похвалу тѣла до лести. Можетъ быть искуство и представляетъ дѣйствительность лучше, чѣмъ она есть; но вредитъ ли это нравственности супружества?

Женщина можетъ также слушать музыку и сама заниматься ею не причиняя этимъ никакихъ безпорядковъ въ обществѣ. Что за бѣда если женщина будетъ сидѣть нѣсколько часовъ за фортепьяно; только бы она не слишкомъ уносилась въ заоблачныя сферы и не теряла бы сознаніе дѣйствительности. То же можно сказать и о поэзіи. Поэзія есть возношеніе души за дѣйствительность, пріятный способъ возноситься къ небу на крыльяхъ лиризма; женщина, увлеченная поэзіей менѣе обращаетъ вниманія на какой-нибудь бан-

тикъ, чтобы прельщать какого-нибудь фата, или завлечь какого-нибудь дурака.

Но если женщина будетъ любить искуство, она меньше будетъ любить мужа. Кто говоритъ это? Какой-нибудь господинъ не умѣющій понимать прекрасное и потому ненавидящій его! Отчего же женщина, при возвращеніи изъ музея или изъ театра и способная сочувствовать искуству, музыкѣ, поэзій будетъ менѣе любить свой домъ?

Напротивъ, она вернется домой трепещущая отъ волненія и вся проникнутая чувствомъ; самыя свои впечатлѣнія она обратитъ въ любовь. Когда я прослушаю патетическую сонату, говорила мнѣ умная женщина, я нахожу мужа своего лучше. Она смотрѣла на него сквозь блестящее облако своего энтузіазма.

Развивъ въ себѣ симпатію, женщина должна развивать и свои умственныя способности; но у нея ихъ меньше, чѣмъ у мущины, скажете вы. Ну такъ что же? Что же вы изъ этого заключаете? Что женщина не должна развивать свой умъ? Напротивъ, она должна особенно заботиться о развитіи самой слабой части своего организма; обыкновенно больной-то части организма и подаетъ помощь медицина.

Зачѣмъ же вы хотите оставлять женщину въ умственныхъ потемкахъ? Не для того ли, чтобъ вѣрнѣе ее удержать въ рабствѣ? Это была, если не ошибаюсь, теорія скиѳовъ во времена Геродота; они выкалывали глаза у своихъ рабовъ.

Прочитайте исторію и вы увидите, что вездѣ невѣжество побуждало женщинъ къ любовнымъ похожденіямъ, и что, если она грѣшила, начиная

съ Евы, то грѣшила—по незнанію. Порокъ глупъ; умный человѣкъ можетъ быть пороченъ, но, будь онъ умнѣе, онъ понялъ бы, что порокъ унижаетъ человѣка и противодѣйствуетъ его назначенію.

Чего требуютъ отъ женщины? Чтобы она жила хорошо, вѣроятно? Но, чтобы хорошо жить, ей нужно имѣть понятіе о томъ, что добро и что зло, иначе она не будетъ знать, что̀ она дѣлаетъ, или будетъ дѣлать все на удачу.

Знаніе же предполагаетъ соотвѣтственную обработку умственныхъ способностей, такъ какъ изо всѣхъ способностей человѣка одинъ разумъ можетъ отличать правду отъ заблужденія.

Хорошо; нравственности можетъ обучать женщину священникъ во время приготовленія къ первому причастію и когда ее научатъ повиноваться Богу, отцу, мужу и катихизису она будетъ знать все, что знать ей нужно. Нѣтъ; этого недостаточно; имѣть понятіе о долгѣ слишкомъ мало, надо еще имѣть достаточно силы, чтобъ исполнять его, а гдѣ же почерпнуть эту силу, какъ не въ разсудкѣ?

Чѣмъ болѣе женщина пріобрѣтаетъ познаній, тѣмъ лучше она вооружена противъ обмана; чѣмъ болѣе дается пищи ея уму, тѣмъ менѣе остается у нея времени на причуды. Душа боится пустоты, и ей нужны или умственная дѣятельность, или страсти, а первое лучше чѣмъ послѣднее.

Кромѣ того знаніе заключаетъ въ себѣ добродѣтель; умъ, обогащенный познаніями, возвышаетъ человѣка въ его собственныхъ глазахъ и этимъ самымъ дѣлаетъ его нравственнѣе. Женщина при-

нимающаяся за книгу, отвлекается отъ дурныхъ мыслей.

Что за польза мущинѣ жениться на женщинѣ, которая ничего не знаетъ? Не хочетъ ли онъ спасти свое самолюбіе, потому что самъ ничего не знаетъ? Общій ли столъ или сходство въ убѣжденіяхъ связываютъ мужа съ женой?

Теперь наука болѣе и болѣе развивается и болѣе и болѣе входитъ въ образованіе мущины; какъ же закрывать для женщины книгу знанія какъ-бы для того, чтобъ провести болѣе рѣзкую черту разъединенія между ею и ея мужемъ?

Вся исторія возстаетъ противъ этой парадоксальной системы: она доказываетъ, что эта система способна только уничтожить силу брака и деморализировать женщину.

Изъ женщины хотятъ сдѣлать только хозяйку или экономку; но если мужъ ея умный и образованный человѣкъ, объ чемъ будетъ онъ говорить съ нею возвратившись вечеромъ домой? Онъ не будетъ говорить ни о своемъ дѣлѣ, ни о своей славѣ; онъ будетъ молчать о томъ, что для него всего дороже, и будетъ обращаться съ своей женой какъ съ иностранкой неспособной понять достоинство человѣка, дѣлающаго честь его странѣ.

Въ этомъ-то и было несчастіе Жана-Жака. Бѣдный женился на Терезѣ, которая послѣ него вышла замужъ за конюха. Эта жалкая женщина всю жизнь унижала его сердце и раздражала его умъ. Еслибъ вмѣсто этой простой женщины, которая напивалась пьяна, чтобы утѣшиться въ томъ, что онъ геніаленъ, онъ женился на женщинѣ, которая

съумѣла бы понять его, онъ бы прожилъ лучше и воспиталъ бы цѣлую семью.

Но вотъ солнце любви садится, тѣнь старости сходитъ на женщину, красота ея увядаетъ и съ красотой увядаетъ слава ея существованія. Прощай услужливость и льстивыя рѣчи молодости; пришли дни печали, печали до гроба, потому что женщина умираетъ два раза: сначала умираетъ она для прелести и потомъ для жизни; изъ обѣихъ смертей гораздо жесточе первая.

Состарившись женщина знаетъ только мертвыхъ и живетъ только воспоминаніями. Сынъ опредѣленъ къ мѣсту, дочь пристроена, домъ старухи пустъ и безмолвенъ, и въ этомъ домѣ, не согрѣтомъ ни лучами, ни улыбками, покинутая мать не имѣетъ ни занятія, ни достоинства. Мущина по крайней мѣрѣ пріобрѣтаетъ уваженіе съ лѣтами. Но что остается женщинѣ послѣ самой полной жизни? Если она не имѣетъ въ себѣ внутренняго міра мыслей, чѣмъ она наполнитъ скуку одиночества?

Правда, у нея останется право интриговать, вытирать воланами своихъ юбокъ переднія вліятельныхъ лицъ, выпрашивая мѣста или ордена своимъ любимцамъ.

Наконецъ, въ одно утро пригласительнымъ билетомъ, на сатинированной бумагѣ съ чорной каймой, извѣщаются знакомые, часто совершенно равнодушные, о смерти такой-то, матери такого-то, умершей на шестидесятомъ году жизни. Послѣдній актъ комедіи конченъ и занавѣсъ падаетъ навсегда.

XXXV.

ЖЕНЩИНА ИСКУПЛЕННАЯ.

Женщина должна выучиться какому-нибудь промыслу.

За чѣмъ это? Развѣ обязанность женщины не состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть за хозяйствомъ? Зачѣмъ отрывать ее отъ семейства и пріучать къ посторонней работѣ? Мужъ долженъ умѣть зарабатывать хлѣбъ на двоихъ; пока онъ занимается, жена пусть смотритъ за кухней и учитъ дѣтей.

Значитъ для жены не должно быть промысла. Мужъ зарабатываетъ деньги, жена занимается внутренними дѣлами семейства: это прекрасно — если мужу угодно будетъ умереть послѣ жены. Если же къ несчастью онъ умретъ прежде ничего не скопивши, то что станется съ его женой? и чѣмъ она прокормитъ своихъ дѣтей? Если у нея есть наслѣдство, то и говорить нечего; она будетъ жить имъ. Но если все ея наслѣдство состоитъ изъ семьи, которую нужно прокормить, и ей придется содержать семью своей работой. Какъ же

исполнитъ она эту обязанность, если она не умѣетъ ничего дѣлать?

Въ силу принципа равенства—работать вилами и граблями, разбивать землю заступомъ, молотить хлѣбъ на гумнѣ и даже ѣздить торговать на рынокъ! Уже поздно, день клонится къ вечеру, въ сумеркахъ виднѣется что-то вдали, — съ перваго взгляда не разберешь, — это идетъ женщина изъ лѣсу, согнувшись подъ тяжестью вязанки хвороста и ведетъ корову.

Если женщина работаетъ наравнѣ съ мущиной, гдѣ бы то ни было, въ городѣ или въ деревнѣ, это нисколько не возмущаетъ нашей щекотливости. Съ солнечнымъ восходомъ женщина идетъ работать на фабрику и въ этой работѣ губитъ свои молодыя силы; но противъ этой трудной работы никто не говоритъ; никто не говоритъ, что она должна сидѣть дома. Да если и находили бы эту работу негодной, ничего бы изъ этого не вышло, потому что безъ нея женщинѣ нечѣмъ было бы жить. Отсюда слѣдуетъ, что женщину нельзя обрекать на заключеніе въ домѣ на томъ основаніи, что она слаба. Если она слаба, то конечно слаба тѣломъ, а между тѣмъ на фабрикахъ ее заставляютъ работать столько же, сколько и ея мужа. Когда же требуютъ, чтобы женщина имѣла право на промыселъ, т. е. на ремесло, требующее болѣе ума, чѣмъ силы, то мущина протестуетъ противъ этого на томъ основаніи, что женщина ни на что не способна.

Но на свѣтѣ есть философъ, который не обращаетъ вниманія ни на какіе предразсудки. Философъ этотъ — прогрессъ; обогащая общество но-

выми изобрѣтеніями, онъ изъ чувства великодушія призываетъ и женщину къ дѣлу. Чѣмъ болѣе міръ живетъ, тѣмъ болѣе онъ идетъ впередъ, тѣмъ болѣе у него является потребностей, а вслѣдствіе этого тѣмъ болѣе развиваются сношенія.

Купецъ естественно старается, какъ можно болѣе сократить свои расходы. Сначала онъ нанимаетъ прикащика, чтобъ вести книги и продавать товаръ, но, подумавъ, приходитъ къ убѣжденію, что жена хорошо можетъ замѣнить прикащика ничего не стоя, и онъ сажаетъ ее за конторку.

Женщина на дѣлѣ доказываетъ, что у нея есть способности дѣлать сложеніе, и вотъ законъ дозволяетъ ей самой заниматься торговлей, открывать лавку, банкирскую контору и въ случаѣ надобности вести тяжбу. Теперь нѣтъ настолько отсталаго человѣка, который бы рѣшился протестовать противъ этихъ признанныхъ уже обычаями правъ женщины.

Такъ какъ женщина можетъ публично сидѣть за прилавкомъ и заниматься торговлей, требующей соображенія, то почему же не дозволить ей расширить кругъ своей дѣятельности? Развѣ нѣтъ кромѣ торговли промысла, который былъ бы для нея доступенъ, которымъ бы она могла заняться, если не особенно успѣшно сначала, то по крайней мѣрѣ съ пользой?

Почему бы ей напримѣръ не заняться медициной? На это возражали, что дозволить женщинѣ вступить въ докторское званіе все равно, что дозволять ей поступать въ солдаты! Можно ли серьёзно желать, чтобы дѣвица занималась анатоміей въ анатомическомъ театрѣ и узнавала бы

преждевременно, что тѣло человѣческое не совершенно.

А почему же не такъ? Допускаютъ же теперь дѣвицъ изучать повивальное искусство и слѣдовательно изучать человѣческій организмъ для соблюденія стыда. Можно было бы также позволить для того же женщинѣ лечить женщину, хотя только тогда, когда болѣзнь не требуетъ особенно геніальныхъ соображеній.

Но это отвратительная работа, которая можетъ разстроить женскіе нервы... Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ поручать сестрѣ милосердія перевязывать раны въ госпиталяхъ? Кто же напротивъ не сознается, что у женщины болѣе неустрашимости, самопожертвованія, состраданія, чѣмъ у мущины, и что она умѣетъ нѣжнѣе перевязывать раны?

Въ средніе вѣка дочь барона учили пускать кровь, перевязывать раны, лечить рыцарей, раненыхъ на турнирахъ, а теперь не хотятъ позволить, чтобы женщина умѣла лечить больнаго мужа или ребенка. Сама природа сдѣлала ее сидѣлкой. Но къ чему спорить? Вопросъ разрѣшится самъ собой.

Во Франціи смѣются надъ всякой новой мыслью, смѣхъ служитъ аргументомъ. Когда дикій Сандвичевыхъ острововъ увидалъ въ первый разъ часы, то ему показалось смѣшно, что благоразумный европеецъ носитъ на золотой цѣпочкѣ насѣкомое;— онъ принялъ часы за особый родъ жуковъ.

Но въ Америкѣ не смѣются надъ новыми идеями; напротивъ обсуждаютъ ихъ, и если найдутъ ихъ вѣрными, то стараются примѣнять ихъ къ дѣлу. Эта новая нація питаетъ сочувствіе ко все-

му новому; она какъ будто составляетъ экспериментальную школу прогресса. Смѣлая въ предпріятіяхъ, она еще смѣлѣе въ мысляхъ; она кажется взяла себѣ девизомъ изрѣченіе Философа Эмерсона: дѣлай всегда то, что ты дѣлать боишься. Она открыла медицинскій факультетъ для женщинъ въ Бостонѣ и законодательное собраніе подало голосъ въ пользу денежнаго пособія этому новому предпріятію. Филадельфія послѣдовала примѣру Бостона.

Въ этой благословенной странѣ люди настолько умны, что предпочитаютъ устраивать дѣло сами, не предоставляя его въ распоряженіе правительства, и новая медицинская женская школа была устроена частной ассоціаціей. Наконецъ въ школахъ Сиракузъ и Цинцинати оба пола одинаково допускаются къ слушанію курсовъ патологіи и мужчинамъ и женщинамъ присуждаются докторскіе дипломы безразлично.

Протестантизмъ, подражая католицизму, отстранилъ женщину отъ священства;

Но съ нѣкоторыхъ поръ пресвитеріанская секта осмѣлилась дозволить женщинѣ проповѣдывать евангеліе и въ настоящее время на берегахъ Огейо не одна женщина входитъ на кафедру, чтобы поучать народъ и говорить сердечную проповѣдь, тайной которой она владѣетъ лучше, чѣмъ мущина.

Если по эту сторону Атлантическаго океана и не дозволяется женщинѣ говорить проповѣди и лечить, то все-таки и у насъ въ нѣкоторой степени допускаютъ, что она въ состояніи учить.

Недавно одна дѣвица рѣшилась держать экзаменъ на баккалавра въ Сорбоннѣ. Послушавъ г-жу Папъ въ Парижѣ и г-жу Кромбрудтъ въ

Брюсселѣ кажется можно допустить женщину къ преподаванію и чтенію лекцій въ университетѣ.

Съ теченіемъ времени кромѣ медицины и университета благодаря прогрессу все болѣе и болѣе открывается промысловъ, напримѣръ книжные, телеграфные и пр, которыми женщина могла бы заняться наравнѣ съ мущиной и тѣмъ спасти себя и своихъ дѣтей отъ нищеты. Но хотя бы у нея и былъ достатокъ, все-таки ей слѣдуетъ выучиться чему-нибудь полезному на всякій случай, хотя бы учительству, потому что, когда у нея будетъ семейство, ей придется примѣнить эти пріобрѣтенныя ею знанія къ дѣлу.

И богатый и бѣдный долженъ работать хотя для того чтобы работать. Работа сама по себѣ независимо отъ полагаемаго за нее матеріальнаго имѣетъ вознагражденіе въ себѣ тайную морализующую силу; она препятствуетъ человѣку впадать въ броженіе мечтательности.

Въ прежнія времена, до изобрѣтенія машинъ, у дѣвушекъ, даже у аристократокъ, даже у царевенъ, было пропасть работы, которая предохраняла ихъ отъ вредныхъ мечтаній; онѣ пряли, или вышивали. Теперь онѣ также вышиваютъ, потому что вышиванье составляетъ аристократическую работу, но что дѣлаютъ онѣ остальное время, чтобъ избавиться отъ скуки?

Предоставьте имъ умственныя развлеченія, которыя никогда не ведутъ къ раскаянію.

XXXVI.

ЖЕНЩИНА ГРАЖДАНКА.

Мы могли бы здѣсь остановиться; но логика не знаетъ остановки; она безжалостно ведетъ отъ одной мысли къ другой. Когда она поставила посылки, она требуетъ заключенія.

Съ тѣхъ поръ, когда женщина займется ремесломъ, она естественно будетъ интересоваться государственными дѣлами и тѣмъ самымъ получитъ право имѣть на нихъ вліяніе.

Итакъ нужно будетъ когда-нибудь дать ей право гражданства и пріучить наше ухо къ слову гражданка, хотя бы оно и послужило вначалѣ поводомъ къ насмѣшкамъ; правда не страшится ихъ.

Политика грѣшитъ тѣмъ, что она имѣетъ характеръ мущинъ, ей бы слѣдовало принять нѣсколько женственный оттѣнокъ. Мущина силенъ и любитъ силу, отсюда и происходитъ сухой и жесткій характеръ политики; почти вездѣ власть носитъ мундиръ. Но доброта лучше силы, а женщины въ добротѣ не знаютъ конкурренціи. Но, возразятъ мнѣ, политика не есть дѣло чувства, а дѣло разсудка; да конечно—разсудка, вдохновляемаго чув-

ствомъ. Дѣятель, приносящій наиболѣе пользы государству это — сердце. Кто не любитъ ближняго до самопожертвованія общему счастью, можетъ быть министромъ, съ звѣздами на груди, но не государственнымъ дѣятелемъ въ смыслѣ девятнадцатаго столѣтія.

У кого есть любовь къ добру, тотъ всегда поставитъ сочувствіе къ страданіямъ ближняго выше всѣхъ меттерниховскихъ народовъ. Нужны ли на это доказательства? ихъ можно почерпнуть изъ современной жизни.

Въ той странѣ, гдѣ солнце садится, живетъ примѣрный народъ, который изобрѣлъ самую счастливую конституцію для процвѣтанія и развитія страны. Менѣе чѣмъ въ продолженіе человѣческой жизни онъ видимо измѣнилъ цѣлую часть Новаго Свѣта, какъ будто ему не нужно времени, и творитъ онъ однимъ словомъ, какъ Провидѣніе. А между тѣмъ этотъ народъ показывалъ свѣту демократію, противорѣчащую самой себѣ, свободу рядомъ съ рабствомъ, права человѣка и кнутъ.

Конечно многіе протестовали противъ варварства и изъ чувства стыда требовали уничтоженія этой непроизвольной работы, какъ ее называли.

Но мудрецъ того времени, государственный человѣкъ, по профессіи отвѣчалъ: зачѣмъ торопиться, время терпитъ, забывая, что время не даетъ кредита несправедливости и что отложенное право есть назначеніе свиданія бури.

И то, что не осмѣлился сдѣлать ни одинъ мущина, сдѣлала женщина. Она послушалась своего сердца и написала обвиненіе плантатора. Америка услышала патетическій протестъ Генріеты Стоу

вскорѣ послѣ того изъ хижины дяди Тома вышло президентство Линкольна.

Въ женщинѣ есть что-то благочестивое, и когда она возьмется за политическую идею, то доведетъ ее непремѣнно до степени религіи. Эта религія въ свою очередь возвышаетъ ее выше самой себя и нѣтъ страданія, котораго бы она ни перенесла ради своего убѣжденія.

Мущина силенъ въ битвѣ, но слабъ предъ притѣсненіемъ и, если оно продолжительно, онъ чувствуетъ потребность покориться побѣдителю. Умный человѣкъ не въ состояніи жить безъ мѣста или безъ ленточки въ петлицѣ; посердившись нѣкоторое время за то, что его побѣдили, онъ кончаетъ тѣмъ, что съ самодовольствомъ показываетъ награду за свое отступничество. Женщина же, напротивъ, имѣетъ даръ мученичества; въ ней есть природное цѣломудріе, которое возмущается противъ улыбки успѣха. Она видитъ въ ней родъ разврата, насиліе своей совѣсти, она предпочитаетъ лучше умереть, чѣмъ отдаться ему.

Господинъ надъ незнаю сколькими милліонами людей проѣзжаетъ на лошади по странѣ нѣкогда свободной и проѣзжая говоритъ своему адъютанту: народъ этотъ меня стѣсняетъ, онъ мнѣ не нуженъ. И по приказанію господина начинается переселеніе народа, подъ предлогомъ, что онъ постоянно недоволенъ и требуетъ возвращенія своихъ земель. И полиція приходитъ ночью брать молодыхъ людей по одиночкѣ въ постели, чтобы силой вербовать ихъ въ войско и отправлять ихъ далеко далеко, куда же? Въ какое-нибудь болото, рождающее лихорадку, подъ другое небо,—такъ-какъ ли-

хорадка одна изъ институцій деспотизма,—теперь не убиваютъ на площади какъ бывало, теперь замѣняютъ эшафотъ климатомъ. Климатъ дѣлаетъ ту же услугу, только безъ скандала.

При такомъ переселеніи народа мущина иногда смущается и труситъ опасности; но женщина рѣшительна, и мать и дѣвушка все равно говорятъ: я здѣсь! Розы цвѣтутъ, время любви приходитъ, весна природы и весна души, она забываетъ все и оплакиваетъ свое отечество.

Приходитъ тяжелый часъ и женщина съ яснымъ лицомъ даетъ примѣръ новаго протеста, бунта на колѣняхъ.

Въ общей экономіи жизни все имѣетъ значеніе: и сила, и слабость, и красота, и энергія; если женщина еще не свѣдуща въ политикѣ, то она понимаетъ ее своимъ поэтическимъ инстинктомъ; она имѣетъ такое притягивающее вліяніе на мущину, что дѣлаетъ его, однимъ взглядомъ, поборникомъ идеи; я не знаю большаго соблазна на героизмъ, чѣмъ видъ дѣвушки на колѣняхъ на могилѣ отечества,—живой статуи свободы.

Эмилія Маненъ жила только для того, чтобы страдать и умереть; сильная ея душа развилась слишкомъ рано въ слабомъ тѣлѣ, какъ душа Паскаля. Она еще дитей занималась алгеброй и астрономіей. Послѣ паденія Венеціи она искала убѣжища въ Парижѣ, но, удаленная отъ своей родины, она преслѣдовала единственно свои завѣтныя мечтанія.

Тяжелый парижскій воздухъ давилъ ея мысли; она страдала отъ вѣтровъ и тумана. Ей нужно было венеціанскаго солнца и когда оно показыва-

лось, она открывала окошко и посылала нѣмую исповѣдь ласточкѣ, этой любимой сестрѣ изгнанія. Потомъ она изливала переполненную душу предъ изображеніемъ своей распятой отчизны. Она, какъ Жанна д'Аркъ таила въ себѣ плачъ цѣлаго народа. Вопли евреевъ на берегахъ рѣки Вавилона не были священнѣе ея стенаній.

Наконецъ страданія превзошли ея силы; все, что можетъ перенести женщина, она испытала и милосердый Богъ видѣлъ ее и не освободилъ ее! Въ ней не осталось ни одной фибры, которая бы не была разорвана въ ея продолжительной пыткѣ.

Наконецъ жизнь постыдилась своего дѣла; молчаливая мученица повернула голову на подушкѣ и заснула въ первый разъ покойно; она можетъ спать теперь, потому что дорого купила право на покой. Душа ея, еще трепещущая отъ послѣдняго потрясенія болѣзни, вознеслась къ невѣдомому владыкѣ, чтобъ предложить ему тяжелый вопросъ всей ея жизни: для чего онъ послалъ ее на землю?

Въ ожиданіи вознагражденія временная тѣнь Эмиліи Маненъ отдыхаетъ во временной могилѣ, пока она не вошла въ отечество. Она войдетъ туда скоро,—мы этому вѣримъ. Когда народъ былъ великъ и—не свободенъ, онъ не оплаченъ судьбой. Эмилія Маненъ будетъ похоронена на берегу Адріатическаго моря и на могилѣ ея будетъ написано: дочери освободителя и подруги ея дѣтства, сдѣлавшись матерями, будутъ вечеромъ приходить къ ней съ дѣтьми молиться и украшать ее вѣнками.

И когда женщина умѣетъ такъ свидѣтельствовать и умирать за свое отечество, ей скажутъ,

когда она потребуетъ права гражданства: Что ты? Что тебѣ нужно? Нѣтъ для тебя мѣста; ступай *вязать*! Или нѣтъ: вязальщица уже показала себя въ политикѣ. Ступай въ Булонскій лѣсъ, на эту выставку женщинъ-куколъ, годныхъ для сыновей нашего отечества! Не лучше ли поостеречься; неблагодарность приноситъ несчастье.

XXXVII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Всему есть время. Для того, чтобы женщина стала тѣмъ, чѣмъ она должна быть, ей нужно сперва сдѣлаться мущиной по уму и по характеру. Но она не станетъ мущиной пока мущина не захочетъ выучить ее знать и желать: знать, чтобы имѣть отвѣты на всѣ вопросы, которые жизнь ей можетъ поставить, и желать—чтобы дѣйствовать въ жизни согласно пріобрѣтеннымъ познаніямъ о добрѣ и злѣ,—при вялой волѣ и дѣйствія нерѣшительны. Женщинѣ твердятъ безпрестанно, что у нея нѣтъ воли, а не то—есть только воля, зависящая болѣе отъ случая, подверженная всѣмъ причудамъ фантазіи. Генералъ говоритъ своей арміи: я знаю, что ты труслива и что при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ ты обратишься въ бѣгство. Нельзя ли сказать, что армія, презирающаго ее генерала, уже разбита заранѣе? Внушая ли женщинѣ недовѣріе къ самой себѣ хочетъ наше время вести ее на борьбу съ жизнью? Можно ли ожидать побѣды въ такомъ случаѣ? И если у женщины нѣтъ стрем-

ленія къ добру, отчего же у нея будетъ наклонность къ злу? А между тѣмъ ее наказываютъ такъ же какъ и мущину, если она сдѣлаетъ какое-нибудь преступленіе.

Не лучше ли вложить въ женщину волю и развить ее упражненіемъ, чтобы она могла заботиться о своей защитѣ и выполнять свое назначеніе. Тогда она поняла бы свое значеніе передъ Богомъ и людьми и, развивъ чувство собственнаго достоинства, не считала бы опаснымъ для себя какого-нибудь фата.

Не теряя времени, слѣдуетъ научать дѣвушекъ надѣяться только на самихъ себя, какъ только онѣ вступятъ въ возрастъ разсудка. Этого требуетъ спасеніе семьи. Вотъ наступаетъ время брака; дѣвушкѣ съ приданымъ представляютъ жениха: надо, чтобъ она не только знала что такое человѣкъ; надо, чтобы она изучила его, надо, чтобы она нетолько разъ или два видѣлась съ нимъ подъ присмотромъ матери; надо, чтобъ она была долго знакома съ нимъ и была бы близка съ нимъ. Тогда только бракъ будетъ зависѣть отъ выбора, а не отъ случая.

Помогай себѣ самъ и Богъ поможетъ тебѣ. Вотъ что должно быть девизомъ мущины и его подруги. О женщина, кто бы ты ни была, къ какому бы сословію ни принадлежала, создай себя сама и обогати себя сама всѣмъ, что есть добраго и прекраснаго подъ солнцемъ.

Люби саму себя во всемъ, что ты должна любить. Люби себя больше всего. Люби свою красоту — ты должна оказать твоему тѣлу эту учтивость; люби свою привлекательность, эту красоту, которой ты всегда можешь себя надѣлить, потому

что она ни что иное, какъ душа, выражающаяся въ наружности.

Люби особенно свою душу и помни, что у всякой женщины есть слава, стоющая другой, слава добродѣтели: молодая мать проходитъ покойно и важно, держа ребенка за руку, и лицо ея освѣщено внутренней улыбкой ея доброты.

Смиренная между смиренными, она не носитъ на лбу своемъ луча генія, а между тѣмъ она можетъ быть значитъ болѣе въ экономіи жизни, чѣмъ какая нибудь современная знаменитость, потому что вся жизнь ея есть жизнь нѣжности и постояннаго самопожертвованія своему дитяти.

Когда видишь ее наклоненную надъ нимъ, какъ цвѣтокъ подъ тяжестью росы, чтобы отклонить отъ него даже приближеніе боли, невольно получаешь лучшее мнѣніе о человѣчествѣ и желаніе самосовершенствованія. Если небо бываетъ на землѣ, то оно здѣсь у изголовья этой женщины, заснувшей въ мирномъ величіи и скромной славѣ добродѣтели.

И когда наступитъ ея конецъ, она скажетъ безъ тревоги Творцу: мнѣ былъ данъ одинъ талантъ, я возвращаю пять, потому что то, что сбережено, не пропадаетъ.

Я кончилъ. Я безъ сомнѣнія высказалъ далеко не все. Вы сами пополните пробѣлы. Впрочемъ эта книга только первая часть сочиненія въ трехъ

частяхъ подъ заглавіемъ: Семейство. Мать снова появится въ слѣдующихъ книгахъ возлѣ отца и дитяти. Я также какъ и вы смотрю на вопросъ семейства какъ на главнѣйшій очередной вопросъ. Женщина нигдѣ не пользуется правомъ избранія, но тѣмъ не менѣе она молча имѣетъ вліяніе на политику своего отечества.

Поверхностное воспитаніе можетъ породить въ ней только пустыя мысли и страсть къ кокетству. Какая бы ни была форма правленія, общественное мнѣніе во всякомъ случаѣ имѣетъ болѣе или менѣе силы; и женщина принимаетъ участіе въ образованіи его прямо, или косвенно. Демократіи выгодно поднять женщину въ ея собственныхъ глазахъ и привлечь ее на свою сторону.

Американская женщина создала Америку, справедливо сказалъ Токвиль. Франція теперь страна безъ сомнѣнія великая, но у нея есть горе. По мѣрѣ того какъ наука поднимается, нравственность, кажется, падаетъ. Гдѣ у насъ убѣжденіе? гдѣ характеръ? Роскошь поглощаетъ сберегаемыя копѣйки, развратъ разрушаетъ семейство. Всегда, когда вѣкъ стремится сдѣлать шагъ впередъ, женщина защищаетъ прошедшее. Недавно еще одна женщина сказала: теперь не смотрятъ уже на бракъ довольно серьёзно, чтобы требовать закона о разводѣ.

Я старался бороться; теперь я ожидаю вашего отвѣта.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о моихъ сотрудникахъ. У меня ихъ много. Есть между ними люди, мнѣнія которыхъ я раздѣляю, и такіе, мнѣнія которыхъ я оспариваю; всѣ одинаково помогали этому труду.

Въ числѣ лицъ, лучше другихъ понимающихъ и изложившихъ вопросъ о женщинѣ, я долженъ назвать г. Мишле. Можно было бы его упрекнуть при случаѣ въ лишнемъ словѣ; тѣмъ неменѣе онъ формулировалъ законъ любви, т. е. улучшеніе мущины посредствомъ его подруги.

Прежде г. Мишле, г. Легуве разрѣшилъ проблему какъ моралистъ и глубокій аналитикъ; онъ сказалъ послѣднее слово о бракѣ и сказалъ его талантливо и прилично, такъ, что позволяетъ принять его идеи даже свѣтскому человѣку.

Г. Жирарденъ не пожелалъ такъ сдерживаться; его нетерпѣливая логика, боящаяся всегда остановиться на полдорогѣ, проповѣдуетъ скорѣе уничтоженіе, чѣмъ преобразованіе семейства. Тѣмъ не менѣе онъ бросилъ яркій свѣтъ на вопросъ.

Г. Туссенель обратилъ вниманіе на физіологи-

ческое превосходство женщины предъ мущиной. Можетъ быть онъ заходилъ иногда слишкомъ далеко; но какъ бы ни было онъ оказалъ услугу женщинѣ, тѣмъ болѣе что защищалъ ее очень умно.

Изо всѣхъ адвокатовъ женщины самый патетическій, какъ и самый реальный, г. Луи Журданъ въ своей книгѣ о несчастныхъ семействахъ. Эта могильная статистика превышеній власти мужа производитъ дрожь

Женщина сама помогала разрѣшенію вопроса. Г-жа Агу (Agoult), какъ древній философъ, доказала, что женщина имѣетъ способность ходить — произвела опытъ *хожденія*. Со времени г-жи Сталь не было женщины, которая бы разсуждала такъ сильно и формулировала свои мысли съ бо̀льшимъ талантомъ.

Слѣдуетъ также назвать г-жу Жюльету Ламберъ, философа и артистку въ одно и тоже время. Она воевала сердцемъ и умомъ съ обидной для женщинъ доктриной Прудона.

Кромѣ того могутъ служить поддержкой женскаго дѣла: «Исторія женщины», сочиненіе г. Луи Огюстъ Мартена—добросовѣстный трудъ, и «Женщина въ Человѣчествѣ», сочиненіе г. Эдуарда де Комбера, великодушное возстановленіе женщины ею самою и ея вліяніемъ на прошедшее.

Равенство мущины и женщины.

Когда г-жа Люси Стонъ выходила недавно замужъ за гражданина Массачусета, то супруги вручили пастору, благословлявшему ихъ, слѣдующее обѣщаніе: «Вступая въ бракъ, мы заявляемъ «этимъ всенародно нашу взаимную привязанность «и, изъ уваженія къ самимъ себѣ и къ великому «принципу, мы объявляемъ, что этимъ актомъ «мы отказываемся отъ обязательства подчиняться «законамъ о бракѣ, потому что они не признаютъ «женщину существомъ независимымъ и разумнымъ «и вмѣстѣ съ тѣмъ отдаютъ мужу противоестественное и оскорбительное преимущество, предоставляя ему всѣ законныя права, которыя никогда не слѣдовало бы никому давать и которыми ни одинъ честный человѣкъ не воспользуется.

«Мы протестуемъ противъ всей системы законодательства, въ силу которой женщина считается неимѣющей законнаго существованія во время брака дотого, что, въ большей части Штатовъ, она не участвуетъ въ выборѣ мѣста жительства,

«не можетъ дѣлать завѣщанія, ни защищаться въ «судѣ, ни получать наслѣдства.

«Мы думаемъ, что никого не должно лишать «личной независимости и равноправія, исключая «преступниковъ, и что бракъ долженъ быть ассо- «ціаціей людей постоянно равноправныхъ, при- «знанной законами. А до тѣхъ поръ, пока это не «будетъ ссвящено, супруги должны всѣми зави- «сящими отъ нихъ средствами стараться изба- «виться отъ несправедливости современныхъ зако- «новъ.»

(Огюстъ Карлье. Бракъ въ Соединенныхъ Штатахъ).

Бракъ въ Вавилонѣ.

Въ каждой деревнѣ, собирали разъ въ году всѣхъ дѣвушекъ невѣстъ въ особое мѣсто и окружали ихъ юношами. Ихъ продавали съ аукціона, начиная съ самой красивой. Когда дѣвушка была куплена, то оцѣнщикъ переходилъ къ слѣдующей, которую считали за самую красивую послѣ первой, и т. д.

Покупщикъ долженъ былъ жениться на той дѣвушкѣ, которую ему предлагали. Богатые молодые люди, желавшіе жениться, выбирали себѣ самыхъ красивыхъ, набивая цѣну одинъ предъ другимъ; простолюдины же, не заботившіеся о красотѣ, брали дурныхъ и получали еще въ придачу деньги. Вотъ откуда получались эти деньги: оцѣнщикъ продавалъ сперва красавицъ съ барышомъ, некрасивыхъ же продавалъ съ уступкой, и тѣмъ,

кто покупалъ ихъ за меньшую цѣну, добавлялись деньги, остававшіяся отъ продажи красавицъ. Такимъ образомъ деньги, вырученныя за красавицъ, способствовали выдачѣ замужъ некрасивыхъ, или тѣхъ, у которыхъ былъ какой нибудь физическій недостатокъ. Никому не было дозволено выдавать дочь замужъ по ея выбору, и никто также не могъ уводить купленную дѣвушку не представивъ поручительства, что онъ на ней женится.

(Геродотъ, книга I, ч. XVI).

Женщина въ Египтѣ.

Чтобы не давать возможности знатнымъ женщинамъ въ Египтѣ выходить свободно изъ дому, ихъ лишали, нѣкоторымъ образомъ, употребленія ногъ. но эта мода, нисколько не стѣснительная, не имѣла ничего общаго съ китайской модой. Плутархъ говоритъ, что египтяне не позволяли своимъ женамъ носить башмаковъ; а такъ какъ показываться въ народѣ необутыми считалось непристойнымъ, то онѣ вовсе не выходили изъ дому. Халифъ Узбекъ, третій изъ династіи Фатимидовъ, основатель религіи друзовъ, возстановилъ этотъ древній обычай, и запретилъ египетскимъ башмачникамъ, подъ смертной казнью, шить башмаки или какую другую обувь женщинамъ, отлично понимая, что на востокѣ обычай надо поддерживать закономъ. Если бы я не нашелъ этотъ же самый законъ въ Китаб-ал-Махаіидъ, то я бы усумнился въ томъ, что разсказываетъ Плутархъ; но эти два факта

такъ сходны между собой, что въ нихъ трудно сомнѣваться.

(Де Пау, т. IV, с. 54).

Вдова въ Индіи.

Когда у индуски умиралъ мужъ, то она обнимала его трупъ приговаривая:

Зачѣмъ ты меня покинулъ? Чѣмъ я предъ тобой провинилась? Развѣ я не заботилась о тебѣ какъ вѣрная жена? Развѣ я не родила тебѣ прелестныхъ дѣтей? Кто же будетъ ихъ воспитывать? Кто будетъ о нихъ заботиться? Развѣ я не пеклась о семейныхъ дѣлахъ? Не я ли чистила полъ коровьимъ каломъ? Не я ли проводила по нему бѣлыя полосы? Я ли не готовила тебѣ вкусной пищи? Развѣ ты находилъ песокъ въ рисѣ, который я тебѣ изготовляла? Развѣ я не давала тебѣ кушанья по твоему вкусу, хорошо приправленныя лукомъ, горчицей, перцомъ и корицей, и т. д.

Потомъ она представляла умершему, какъ необходима была бы еще его жизнь и какъ онъ былъ неправъ, что умеръ такъ рано; наконецъ нецъ она буквально говорила ему, что онъ не могъ сдѣлать большей глупости, какъ умереть.

(Аббатъ Дюбуа: *Нравы и постановленія въ Индіи*, т. I, стр. 11 и 12).

Мнѣнія китайцевъ о женщинѣ.

Состояніе женщины есть состояніе униженія и слабости, говоритъ китайская муза Панви-Пан; мы занимаемъ послѣднюю ступень въ человѣческомъ родѣ; бывало, когда рождалась дѣвочка, ее оставляли въ продолженіе трехъ дней безъ всякой помощи; ее клали на какіе-нибудь старые лохмотья возлѣ кровати матери. На третій день навѣщали роженицу и тогда только заботились о новорожденной.

Когда дѣвушка переходитъ изъ отцовскаго дома въ мужнинъ, она теряетъ все, даже имя; отнынѣ всѣ ея мысли стремятся къ мужу и она старается понравиться ему; ея сердце принадлежитъ ему, живому или мертвому. Мужъ все для жены; не даромъ же сказано въ законѣ: Будь у жены мужъ по сердцу или нѣтъ, она принадлежитъ ему на всю жизнь. Дурной мужъ можетъ иногда быть хорошимъ отцомъ, но дурная жена никогда не можетъ быть хорошей матерью.

Мужъ, который боится жены, долженъ быть очень глупъ; но жена въ тысячу разъ глупѣе, если не боится своего мужа.

Заботиться о добродѣтели есть наука мущинъ, отказываться отъ науки есть добродѣтель женщинъ. Молчаніе и румянецъ суть краснорѣчіе женщины, застѣнчивость есть ея храбрость. Женщина никогда не хвалитъ безъ того, чтобы не злословить. Слушать жену можно, но никогда не

должно вѣрить ей. Самая счастливая мать та, у которой дѣти сыновья.

(Исторія женщинъ, А. Мартеня т, I. ст. 119).

Контрактъ дискальцеаціи въ Іудеѣ.

Предъ нами предстала дочь Ревекки, вдова Іоханана, а также и Хоезеръ, сынъ Гамаліила. Она намъ сказала: этотъ Хоезеръ, чрезъ отца своего Гамаліила, приходится братомъ Іоханану, моему законному мужу, который умеръ, не оставивъ ни сына, ни дочери, ни наслѣдника, однимъ словомъ никого, кто бы возстановилъ его имя въ Израилѣ; по праву родства на мнѣ долженъ жениться Хоезеръ. Вы, доктора, прикажите ему жениться на мнѣ, если онъ хочетъ; если же онъ не хочетъ этого, то пусть онъ мнѣ дастъ, въ вашемъ присутствіи правую ногу, я его разую и наплюю ему въ лицо. Мы удостовѣрились, что Хоезеръ былъ братъ отца Іоханана, который умеръ, и сказали ему: если хочешь, то женись на ней; если нѣтъ, то пусть она тебя разуетъ и наплюетъ тебѣ въ лицо. Онъ отвѣчалъ, что не хочетъ жениться на ней. Тогда мы повелѣли Ревеккѣ прочитать формулу: Мой деверь отказывается возстановить имя своего брата, онъ не хочетъ взять меня въ жены. Потомъ мы повелѣли Хоезеру прочитать слѣдующую формулу: «Я не хочу на ней жениться.» Послѣ этого, вдова разула его правую ногу и плюнула на него; потомъ снова заставили Ревекку прочитать слѣдующее: и отнынѣ домъ его будетъ

называться домомъ разутаго. Тогда мы, судьи, и всѣ, кто сидѣлъ около насъ, повторили трижды: Разутый! Разутый! Разутый! Когда все кончилось, мы сказали Ревеккѣ, что она свободна выходить за мужъ за кого хочетъ, и никто не можетъ препятствовать ей въ эттомъ. Ревекка потребовала отъ насъ актъ о разводѣ; мы составили его, подписали и дали ей, какъ гарантію ея права по законамъ Моисея и Израеля.

(Ганнекенъ, Исторія евреевъ, т. II, ст. 528).

Баядерка въ Индіи.

Танцовщицы, принадлежащія къ каждому храму, носятъ названіе Дева-Дасси, т. е. служанки или рабыни боговъ; онѣ обязаны своимъ званіемъ отдаваться всякому, кто пожелаетъ ихъ за извѣстную плату.

У каждой, немного значительной пагоды, есть восемь, двѣнадцать и болѣе баядерокъ. Ихъ офиціальная должность состоитъ въ томъ, чтосы два раза въ день, утромъ и вечеромъ, танцовать и пѣть во внутренности храмовъ, и при всѣхъ общественныхъ церемоніяхъ. Но этимъ не кончается ихъ должность. Приличіе и вѣжливость требуютъ, чтобы во время парадныхъ визитовъ знатныхъ лицъ ихъ сопровождало извѣстное число баядерокъ. Онѣ участвуютъ также въ бракосочетаніяхъ и другихъ торжественныхъ семейныхъ праздникахъ, чтобы украшать ихъ своими талантами. Случается, что и самое жилище бога служитъ для нихъ

мѣстомъ распутства. Ихъ съ дѣтства пріучаютъ къ этому. Ихъ выбираютъ изъ различныхъ кастъ, и многія изъ нихъ принадлежатъ къ очень честнымъ семьямъ. Очень часто случается, что беременныя женщины, желая счастливо родить, даютъ обѣщаніе, съ согласія мужа, отдать на услуженіе пагоды родившагося ребенка, если родится дочь.

Это вовсе не считается предосудительнымъ со стороны родителей. Баядерки—единственныя женщины въ Индіи, получающія право читать, танцовать и пѣть.

Женщина честная и добродѣтельная постыдилась бы имѣть эти таланты.

(Аббатъ Дюбуа, Нравы и постановленія индѣйскихъ народовъ, т. II, ст. 354—5).

Персидская женщина.

Александръ оставался въ Вавилонѣ дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и ни одно изъ нихъ не причинило такого вреда военной дисциплинѣ, какъ Вавилонъ. Нигдѣ нѣтъ испорченнѣе нравовъ, нигдѣ болѣе не возбуждается чувственность.

Родственники и друзья допускаютъ, чтобы жены и дочери ихъ отдавались гостямъ, съ тѣмъ только, чтобы имъ платили за безчестіе. Праздничныя увеселенія—любимое удовольствіе персидскихъ царей и вельможъ; вавилонцы въ особенности предаются вину и всѣмъ слѣдствіямъ вина; женщины, присутствуя за столомъ, ведутъ себя вначалѣ очень скромно, но вскорѣ онѣ начинаютъ скида-

вать платья, покрывающія верхнюю часть тѣла, и мало-по-малу забываютъ всякій стыдъ; тогда онѣ сбрасываютъ остальную одежду. И такъ ведутъ себя не куртизанки, а знатныя дамы и молодыя дѣвушки; онѣ считаютъ долгомъ вѣжливости выставлять свои прелести на показъ.

(Квинтъ-Курцій, кн. V, ст. 173, изд. Памк.).

Женщина въ Спартѣ.

Ослабленіе лакедемонскихъ законовъ въ отношеніи женщинъ вредно и для республики и для благосостоянія государства. Мужъ и жена, два основанія для семейной жизни, образуютъ также какъ-бы и двѣ части государства; можно сказать, что тамъ, гдѣ постановленія дурно опредѣляютъ состоянія женщинъ, половина государства живетъ безъ законовъ. Это можно видѣть въ Спартѣ; здѣсь, законодатель, требуя отъ членовъ республики твердости и воздержанія, вполнѣ достигъ этого въ отношеніи мущинъ; но ему не удалось добиться тогоже отъ женщинъ, проводившихъ всю жизнь въ развратѣ и роскоши.

Изъ этого слѣдуетъ, что при подобномъ ходѣ дѣлъ деньги должны были быть въ большомъ почетѣ, въ особенности такъ какъ мущины подчинялись власти женщинъ, что обыкновенно и случалось съ сильными и воинственными племенами.

Миѳологія, придумавшая сочетаніе Марса съ Венерой, нисколько не ошиблась; потому что всѣ воины склонны къ любви.

Лакедемонцы не избавились отъ этого общаго правила, и во все время ихъ преобладанія женщины рѣшали много дѣлъ. А какая разница въ томъ, что женщины будутъ управлять дѣлами сами или будутъ имѣть вліяніе на тѣхъ, кто управляетъ? Выводъ будетъ одинъ и тотъ же. Обладая смѣлостью совершенно излишней въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни и приносящей пользу только на войнѣ, лакедемонки только вредили во время опасности своимъ мужьямъ. Это доказало Ѳивское вторженіе; безполезныя какъ всегда, онѣ произвели въ городѣ гораздо болѣе безпорядка, чѣмъ сами непріятели.

(Аристотель. Политика, кн. II).

Женщина въ Аѳинахъ.

Женщины! Клянусь нашими богинями, что меня заставляетъ говорить не самолюбіе, а единственно негодованіе, которое я чувствую, видя, какъ давно насъ осыпаетъ насмѣшками Еврипидъ, этотъ сынъ овощной торговли. Какимъ только образомъ ни оскорбляетъ онъ насъ? Онъ называетъ насъ прелюбодѣйками, развратницами, пьяницами, обманщицами, болтуньями, негодяйками, бичемъ мущинъ. И потому наши мужья, возвращаясь изъ театра, глядятъ на насъ подозрительно—и начинаютъ вездѣ искать, не спрятанъ ли гдѣ-нибудь любовникъ; мы не пользуемся болѣе прежней свободой, потому что онъ внушилъ нашимъ мужьямъ дурныя мысли. Если одна изъ насъ начинаетъ

плести вѣнокъ, сейчасъ думаютъ, что она влюблена; если мы уронимъ вазу, мужъ сейчасъ спрашиваетъ, въ честь кого мы разбиваемъ ее.

Еврипидъ также виновенъ въ томъ, что мужья запираютъ наши комнаты на замокъ и для охраненія насъ держатъ страшныхъ бульдоговъ, наводящихъ ужасъ на любовниковъ. Это еще все бы ничего; но мы не можемъ такъ же свободно какъ прежде ходить въ погреба за мукой, масломъ и виномъ. Мужья носятъ съ собой маленькіе ключи съ тремя бородками, которыхъ никакъ нельзя поддѣлать. Все-таки мы умѣли открыть двери, снявъ съ замка, слѣпокъ, но этотъ противный Еврипидъ, этотъ бичъ семействъ, научилъ мужей печатямъ, съ которыхъ никакъ нельзя снять слѣпка.

И мое мнѣніе таково, что надо непремѣнно постараться избавиться отъ этого врага, или отравивъ его, или иначе.

(Аристофанъ, празднество Цереры).

Римская матрона.

Женщина была совершенно лишена образованія и хвалилась своимъ невѣжествомъ, какъ добродѣтелью. Заниматься искусствами считалось чуть ли не преступленіемъ; это значило стать въ уровень съ иностранными куртизанками, которымъ давали блестящее образованіе для того только, чтобы ихъ покупали дороже.. Можно ли послѣ этого удивляться, что римскія женщины обладали всѣми пороками, вслѣдствіе рабства? Нужно ли обвинять во

лжи поэтовъ, которые приписываютъ имъ пристрастіе къ низкимъ развлеченіямъ и къ постыдному разврату, женщинамъ лучшихъ фамилій? Въ римскомъ языкѣ не существовало слова ревность; законъ, легко допускавшій разводы для мущинъ, доказываетъ, что бракъ у древнихъ считался пустяками. То, что они называли любовью, было не болѣе какъ грубое удовлетвореніе чувственности, и безчестіе, казалось, еще болѣе манило этихъ людей, находившихъ удовольствіе только въ низкихъ безумствахъ.

У нихъ не было ни одного высокаго чувства, ни одинъ изъ новѣйшихъ предразсудковъ, вслѣдствіе рыцарскихъ привычекъ, не смягчалъ ихъ грубыхъ нравовъ, не давалъ имъ благопристойнаго лоска. Убить соперника, зарѣзать родственника, чтобы, получить наслѣдство, отравить мужа чтобы обладать его женой, считалось въ то время обыкновеннымъ дѣломъ, не удивлявшимъ никого; напротивъ имъ даже хвастались на оргіяхъ.

(Мериме, *Заговоръ Катилины*, с. 145).

Христіанская женщина.

Моя мать слѣпо повиновалась тому, за кого ее выдали замужъ; и потому когда къ ней приходили жены, у которыхъ мужья были гораздо менѣе вспыльчивы и у которыхъ, тѣмъ неменѣе, оставались на лицѣ знаки мужняго гнѣва, то моя мать говорила имъ: вы

(Признанія Св. Августина, к. IX).

Учрежденіе галянъ.

Рыцари, оруженосцы, дамы и дѣвицы, поступавшія въ братство Галянъ, должны были, согласно ихъ постановленію, носить теплыя платья и шапки во время сильныхъ жаровъ и грѣться у огня, какъ будто они въ томъ чувствовали потребность; зимой же они дѣлали то, что дѣлаютъ лѣтомъ; можетъ быть, намекая на всемогущество любви. Когда наступала зима, любовь грѣла влюбленныхъ, укрывавшихся подъ ея защиту, и они одѣвались только въ маленькую юбочку и длинную тоненькую шапочку.

Когда галянинъ, одинъ изъ членовъ братства, пріѣзжалъ куда-нибудь въ гости, мужъ, заботясь доставить все нужное лошади гостя, оставлялъ его полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ и возвращался только по его отъѣздѣ. Со стороны жены гостю оказывалось точно такое же вниманіе, если онъ дарилъ ее своимъ вниманіемъ, потому что и она принимала участіе въ этомъ обществѣ.

«Это продолжалось до тѣхъ поръ, говоритъ рыцарь де Латуръ, пока большая часть общинниковъ не умерла отъ холода подлѣ своихъ возлюбленныхъ.»

(Сен-Пелей, Записка о древнемъ рыцарствѣ, т. II, ст. 64).

Мужъ имѣетъ право бить свою жену.

Старинные законы, говоритъ Блакстонъ, дозволяли мужу наказывать жену, только умѣренно; они

полагали, что, такъ какъ мужъ отвѣчалъ за дурное поведеніе жены, то нужно же было дать ему возможность домашними наказаніями удерживать ее отъ него, такъ какъ мужъ въ качествѣ отца и господина долженъ былъ наблюдать за нею. Впрочемъ это право мужа было ограничено до извѣстной степени закономъ, который запрещалъ жестоко обращаться съ женой. По римскимъ законамъ, мужъ могъ сѣчь свою жену за дурное поведеніе. Этотъ обычай былъ введенъ у насъ до царствованія Карла II; при немъ онъ былъ уничтоженъ, и жена могла жаловаться на дурное обращеніе мужа мировому судьѣ, точно также, какъ и мужъ на жену.

Но народъ до сего времени сохранилъ обычай бить жену, и судъ дозволяетъ мужу лишить жену нѣкоторой свободы за дурное поведеніе.

Таково понятіе о бракѣ въ нашей странѣ, подтвержденное закономъ.

(Блакстонъ, т. II, ст. 163).

Безнравственность рыцарства.

Отъ суевѣрія до беззаконія нашихъ набожныхъ рыцарей былъ одинъ шагъ, такъ же близко было и отъ ихъ фанатизма въ любви до самаго невоздержнаго распутства. Они просили у красавицы, которой поклонялись, чести зависѣть отъ нея, но можно безошибочно сказать, что они часто измѣняли клятвамъ, которыми себя связывали. Никогда нравы не были такъ испорчены и развратъ

не доходилъ до бо́льшихъ размѣровъ, какъ во времена рыцарства; онъ завладѣлъ цѣлыми улицами, цѣлыми кварталами, въ каждомъ городѣ. Св. Людовикъ горевалъ о томъ, что развратъ проникъ даже въ его палатку, во время самаго священнаго крестоваго похода. Монахъ Визнопъ, говоря о распущенности въ войскахъ въ 1180 году, насчитывалъ въ одной изъ армій до тысячи пятисотъ наложницъ, наряды которыхъ стоили несмѣтныя суммы.

При Карлѣ II дворъ сдѣлался мѣстомъ всевозможныхъ скандаловъ.

Сен-денисскій монахъ, разсказавъ про турниръ, данный въ честь рыцарей короля сицилійскаго, продолжаетъ такъ: «До сихъ поръ дѣло шло довольно хорошо, но послѣдняя ночь изгадила все, такъ какъ дозволено было маскироваться и представлять разные фарсы, совершенно не приличные знатнымъ особамъ. Этотъ дурной обычай ночь превращать въ день, ѣсть и пить чрезъ мѣру сдѣлалъ то, что многіе позволяли себѣ вольности, такъ же неприличныя присутствію короля, какъ и святости мѣста, гдѣ онъ жилъ; каждый старался удовлетворить своей страсти, и, чтобы имѣть понятіе о развратѣ, достаточно сказать, что многіе изъ мужей смотрѣли сквозь пальцы на поведеніе своихъ женъ и многія изъ дѣвушекъ забывали свою честь.

(Сен-Пелей, т. II, с. 68).

Жизнь въ замкѣ.

У этого стараго рыцаря жена была одна изъ первыхъ красавицъ тогдашняго времени. Она была родомъ изъ одного знатнѣйшаго и богатаго семейства въ Нормандіи. Ее уважали за здравый смыслъ и умѣнье управлять домомъ какъ никто У нея былъ отдѣльный домъ, но онъ былъ соединенъ съ домомъ г. адмирала подъемнымъ мостомъ, и оба дома были окружены одной оградой. Ея домъ былъ великолѣпно меблированъ, всего было въ изобиліи. У ней было до десяти дѣвушекъ, хорошо одѣтыхъ. На нихъ лежала обязанность охранять госпожу; кромѣ нихъ у нея было много служанокъ.

Я вамъ разскажу, какъ проводила время владѣтельница этого замка. Она вставала утромъ и отправлялась съ своими дѣвушками въ лѣсъ, молиться Богу. Всѣ становились отдѣльно, и во время молитвы никто не говорилъ ни слова, послѣ чего рвали цвѣты, возвращались въ замокъ и слушали въ часовнѣ обѣдню. Послѣ обѣдни имъ приносили на серебряныхъ блюдахъ жареныхъ курицъ и жаворонковъ и вино. Госпожа рѣдко ѣла утромъ, развѣ чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ приближеннымъ. Послѣ завтрака всѣ садились на богато-убранныхъ лошадей и, въ сопровожденіи рыцарей и дворянъ, отправлялись веселиться на поля. Тамъ они пѣли разныя пѣсни, баллады, которыя такъ хорошо знаютъ французскіе трувѣры. Туда также пріѣзжалъ Перо Нино съ своими рыцарями, для котораго и устраивались всѣ эти празднества; къ обѣду они возвращались въ замокъ,

сходили съ лошадей и входили въ столовую, гдѣ были накрыты столы. Старый рыцарь не могъ ѣздить верхомъ; онъ встрѣчалъ ихъ и принималъ очень любезно, хотя онъ былъ и старъ. За столъ садились адмиралъ съ женой и Перо Нино; дворецкій назначалъ каждому мѣсто и сажалъ рыцаря подлѣ дѣвицы или оруженосца. Кушанья была различны и въ большомъ количествѣ, а за десертомъ подавались фрукты смотря по времени года. Во время обѣда каждый могъ говорить о своей любви и походахъ, сохраняя благопристойность и скромность, въ полной увѣренности, что его будутъ слушать и будутъ отвѣчать ему. Кромѣ того во время обѣда фокусники играли на различныхъ инструментахъ. По окончаніи благодарственной молитвы, столъ прибирался, входили менестрели и начинались танцы. Жена Адмирала танцовала съ Перо Нино, а его рыцари съ дѣвицами. Танцы продолжались около часа. Послѣ танцевъ госпожа благодарила капитана, а каждый изъ рыцарей свою даму. Потомъ приносили сласти и вино, послѣ чего всѣ отправлялись отдыхать. Капитанъ отправлялся въ свою комнату въ домѣ госпожи,—которая называлась башенной комнатой. Послѣ отдыха садились на лошадей, пажи брали соколовъ и отправлялись на охоту за цаплями. Госпожа брала также сокола на руку, пажи поднимали цаплю и она ловко пускала своего сокола. Начиналась большая охота; собаки плавали, барабаны били и рыцари и дѣвицы веселились вполнѣ.

По окончаніи охоты госпожа садилась на лугъ, всѣ слѣдовали ея примѣру: тогда вынимали изъ корзинъ цыплятъ, куропатокъ, холодную говяди-

ну и фрукты; всѣ ѣли, плели вѣнки и возвращались въ замокъ, напѣвая разныя пѣсни. Вечеромъ ужинали, послѣ ужина до ночи играли на лугу въ мячъ. Въ залу возвращались при свѣтѣ факеловъ; приходили менестрели и танцы продолжались далеко за полночь. Тогда приносили фрукты и вино, потомъ распрощавшись шли спать. Такимъ образомъ проводили каждый день, когда пріѣзжалъ капитанъ пли другіе. Все это дѣлалось по распоряженію жены адмирала, которая управляла также и имѣніями, потому что адмиралъ былъ богатый человѣкъ, но не вмѣшивался ни въ какія дѣла, такъ какъ его жена завѣдывала всѣмъ. И Перо Нино былъ такъ любимъ госпожей за заслуги, которыя она въ немъ видѣла, что она иногда говорила съ нимъ о своихъ дѣлахъ и просила его навѣщать своего отца де Беланжъ, благороднаго рыцаря, жившаго въ Нормандіи.

(Віоле-ле-Дюкъ, Cronica del comde don Pero Nino)·

Презрѣніе къ дочерямъ.

Возвратившись домой, я попросила двухъ своихъ пріятельницъ отвезти моихъ дочерей въ Вилльмассонское аббатство, находящееся близъ Монтеро, не желая никому поручать ихъ. Я нахожу, что всякая благоразумная мать должна поступать точно такъ же. Дочерей надо держать или у себя дома, или отдавать ихъ въ монастырь; а по правдѣ

сказать, это такія несносныя творенія, которыя только обременяютъ матерей.

(Записки г-жи де-ла-Гюеттъ, ст. 115).

Поясъ цѣломудрія.

Мущины изъ ревности придумали особый снарядъ для женщинъ; они были такъ немилосерды, такъ жестоки, что не постыдились нанести человѣческой природѣ самое жестокое оскорбленіе. Эти варвары полагали, что, опутывая тѣло, они въ тоже время порабощали волю и душу своихъ женъ. Они не знали, что основаніе цѣломудрія заключается въ чистотѣ воображенія и честности чувствъ. Поясъ цѣломудрія, жестокое изобрѣтеніе Азіи, состоитъ въ томъ, что женщинѣ надѣваютъ поясъ изъ мѣдныхъ проволокъ, запертый у бедеръ на замокъ и состоящій изъ подвижныхъ обручей, на которыхъ было вырѣзано извѣстное число буквъ или цифръ; чтобы отпереть замокъ, надо составить обручи извѣстнымъ образомъ, и одинъ мужъ только зналъ какъ это сдѣлать. Нынѣшнихъ итальянцевъ обвиняютъ въ употребленіи этого снаряда, который не былъ употребляемъ древними римлянами, даже во время самаго сильнаго упадка нравовъ.

(De-Pay, т. II, стр. 191.)

Мщеніе мужей.

Есть мужья, которые убиваютъ вмѣстѣ и свою

жену и слугу. Я слышалъ разсказъ объ одной знатной дамѣ, которую мужъ отравилъ изъ ревности, хотя она не подавала къ этому никакого повода; убивъ сначала слугу, очень честнаго человѣка, мужъ говорилъ, что гораздо лучше и пріятнѣе убить сперва вола, а потомъ корову. Другой мужъ давалъ своей женѣ пятнадцать лѣтъ полную свободу; но въ одно прекрасное утро на него нашла какая-то дурь; онъ отправился къ женѣ въ то время, какъ она вставала, и, пошутивъ съ ней, нанесъ ей четыре или пять ударовъ кинжаломъ; предоставивъ слугѣ окончательно убить ее.

Я слышалъ объ одномъ храбромъ и доблестномъ капитанѣ, подозрѣвавшемъ свою жену въ невѣрности; онъ собственноручно задушилъ ее своимъ бѣлымъ шарфомъ, потомъ похоронилъ ее съ большимъ почетомъ, самъ присутствовалъ при похоронахъ въ траурѣ и не снималъ его долгое время. Онъ точно также поступилъ съ одной изъ приближенныхъ своей жены, которая способствовала его любовнымъ похожденіямъ.

Другой мужъ запиралъ свою жену въ пустую комнату на хлѣбъ и воду и сѣкъ ее много, не жалѣя ея прекрасной кожи, и т. д.

(Брантомъ, Женщины знаменитыя своими любовными похожденіями, ст. 10 и 15.)

Деспотизмъ, способствуетъ разврату.

Сенатъ угождалъ народу, оставляя его жить въ праздности и развратѣ; самое вѣрное средство

унизить его и заставить повиноваться было не наблюдать за его развлеченіями, а предоставить его своевольной жизни, называемой свободой, но которая, въ сущности, была первой причиной рабства. Точно также персы называли Кира своимъ отцомъ, потому что онъ вовлекалъ ихъ въ изнѣженность, хотя намѣреніе его и было сдѣлать изъ нихъ хорошихъ слугъ. Римляне дѣйствовали точно такъ же и порабощали народы болѣе наслажденіями, зрѣлищами, нежели оружіемъ.

Венеціанская республика, считавшаяся образцомъ управленія, никогда бы не просуществовала столько столѣтій, еслибы она выгнала изъ своей среды куртизанокъ, которыхъ можно назвать главными орудіями ея власти.

Венеціанцы безъ мѣры предаются увеселеніямъ, и любовницы для нихъ гораздо дороже женъ, съ которыми они обращаются какъ съ невольницами. Между ними многіе неуважаютъ бракъ дотого, что говорятъ: бракъ есть не болѣе какъ гражданскій обрядъ, связывающій только мнѣніе, но не совѣсть, и женщина, живущая на содержаніи, стоитъ ниже жены только по политическимъ причинамъ. Вотъ почему жены очень охотно водятся съ содержанками, если только онѣ остаются вѣрны тому, кто ихъ содержитъ. Въ венеціанцахъ удивительно то, что они очень охотно дѣлятся своими любовницами; и то, что повсюду служитъ причиной раздора и ненависти, у нихъ споособствуетъ къ заключенію дружбы. Но несмотря на то, что они чувствуютъ полное равнодушіе къ своимъ женамъ, тѣмъ неменѣе они очень ревнивы и, во время карнавальныхъ прогулокъ, слѣдятъ за каждымъ

ихъ шагомъ; нѣкоторые изъ мужей убивали даже своихъ женъ по одному только подозрѣнію; это считается у нихъ очень милымъ дѣломъ; но, несмотря на всѣ предосторожности дворянъ, жены ихъ часто обманывали.

(Гамело де-ла Гусей, Исторія венеціанскаго правленія, стр. 577.)

Женщина, принимающая участіе въ политикѣ.

Это въ особенности мнѣ кажется обиднымъ въ образѣ мыслей и чувствъ женщинъ. Я нахожу во многихъ изъ нихъ прекрасныя качества, которыми онѣ обязаны прямому и благодѣтельному вліянію религіи, вслѣдствіе чего онѣ бываютъ вѣрными женами, прекрасными матерями, справедливыми и снисходительными къ слугамъ; но что касается до обязанности ихъ въ отношеніи общественной жизни, то нетолько онѣ сами не исполняютъ ихъ, что еще естественно, но даже не стараются внушить ихъ тѣмъ, надъ которыми имѣютъ вліяніе; эта сторона воспитанія совершенно ускользаетъ отъ нихъ.

Не такъ было въ старое время; хотя и тогда было много пороковъ, но были также сильныя и величественныя добродѣтели. Мнѣ часто разсказывали, что моя бабушка, женщина святая, наставляя своего сына всѣмъ обязанностямъ частной жизни, всегда прибавляла: Сынъ мой, не забывай никогда, что человѣкъ обязанъ, прежде всего, жертвовать собой отечеству.

(Переписка Токвиля, письмо къ г-жѣ Свѣчиной, т. II, стр. 341.)

Мнѣніе Наполеона о полигаміи.

Мы, западные народы, ничего не смыслимъ въ этомъ дѣлѣ, говорилъ Наполеонъ; мы испортили его, обращаясь слишкомъ хорошо съ женщинами. Мы ихъ поставили совершенно напрасно наравнѣ съ нами. Восточные народы были гораздо умнѣе и справедливѣе, считая женщинъ собственностью мущинъ; вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, природа создала ихъ нашими рабынями; и только вслѣдствіе ошибокъ онѣ смѣютъ заявлять притязанія на господство надъ нами; онѣ пользуются тѣми преимуществами, которыя имѣютъ, чтобы обольщать насъ и распоряжаться нами. Но на одну, которая въ состояніи воодушевить насъ на что-нибудь доброе, приходится по сту, которыя заставляютъ насъ дѣлать глупости. Я хвалю правила восточныхъ народовъ, которые одобряли полигамію и утверждали, что она въ порядкѣ вещей, очень ловко подтверждая фактами свою теорію. Они говорили: женщина дана мужу, чтобы рождать ему дѣтей. А одной женщины не достаточно для мужа въ этомъ отношеніи; она не можетъ быть его женой во время беременности, не можетъ быть его женой, когда кормитъ ребенка, не можетъ быть его женой, когда больна, и перестаетъ быть его женой, когда не способна болѣе рождать дѣтей; слѣдовательно мущина, котораго не останавливаютъ ни лѣта, ни одна изъ вышеприведенныхъ причинъ, долженъ имѣть нѣсколько женъ и т. д.

Да и на что же вы можете жаловаться, милостивыя государыни! продолжалъ онъ улыбаясь;

развѣ мы не вѣримъ, что у васъ есть душа? Вы знаете, что есть философы, которые не соглашались съ этимъ. Вы имѣете притязаніе на равенство! Но вѣдь это сумасшествіе: женщина есть наша собственность, а не мы ея, потому что она даетъ мужу дѣтей, а не мужъ ей.

Слѣдовательно, она есть его собственность, на томъ же основаніи, какъ и дерево есть собственность садовника. Если мужъ измѣнитъ женѣ, пусть онъ признается ей въ этомъ, раскается и никакихъ слѣдовъ не останется; жена разсердится, проститъ и помирится, и иногда она еще и въ выигрышѣ. Если же измѣнитъ жена, дѣло принимаетъ другой оборотъ: ея признанія и раскаянія будетъ слишкомъ мало, кто поручится, что не будетъ никакихъ послѣдствій? Эта бѣда неисправима, слѣдовательно она никогда не должна доходить до нея.

Итакъ и вы должны согласиться, что недостатокъ здраваго смысла, невѣрныя мнѣнія и ошибки въ воспитаніи могутъ только довести женщину до мнѣнія, что она во всемъ равна мущинѣ; вѣдь въ этомъ различіи нѣтъ ничего позорнаго, у каждаго свои свойства и обязанности; вамъ принадлежитъ красота, прелесть, обольщеніе, а ваши обязанности состоятъ въ зависимости и повиновеніи и т. д.

(Меморіалъ Св. Елены, т. IV, стр. 227).

Право подачи голоса.

Не нужно даже такъ долго спорить, чтобы доказать право женщины на подачу голоса. Хотя бы и было вѣрно мнѣніе, что женщины составляютъ классъ подчиненный, предназначенный для домашнихъ занятій, что онѣ должны подчиняться домашнему начальству, то и тогда бы онѣ должны были имѣть право подавать свое мнѣніе, чтобы защищаться противъ злоупотребленія этого начальства. Женщины, точно также какъ и мущины, должны имѣть политическія права; не для того, чтобы управлять, но для того, чтобы ими не управляли дурно.

Большинство мущинъ суть и будутъ всю жизнь не болѣе какъ работники на поляхъ или на фабрикахъ; но даже и при такихъ условіяхъ желательно было бы чтобы, это большинство получило право подавать голоса, въ томъ случаѣ, если оно не употребитъ ими во зло. Никто не можетъ сказать, что женщины употребятъ голосъ во зло. Все, что можно предположить самаго худшаго, это—что онѣ будутъ подавать голосъ, какъ машины, по приказанію своихъ родственниковъ. Но пусть даже это и случилось бы. Если онѣ будутъ разсуждать сами, то это будетъ величайшимъ благомъ; если же нѣтъ, то и тогда не можетъ произойти ничего дурнаго. Для человѣчества большое благодѣяніе, если съ женщины снимаютъ оковы, даже и тогда, еслибы онѣ не захотѣли быть свободными.

Въ моральномъ положеніи женщинъ былъ бы большой прогрессъ, еслибы законъ не отнималъ

у нихъ права выражать свое мнѣніе и предпочтеніе въ высшихъ интересахъ человѣческаго рода.

Для нихъ было бы важнымъ преимуществомъ, еслибы онѣ владѣли чѣмъ нибудь, чтобы могли отдавать добровольно, а не насильно своимъ родственникамъ; было бы также важно, еслибъ мужъ долженъ былъ обсуждать вопросы съ своей женой и избираніе принадлежало бы не исключительно ему, но также и его женѣ. Никто не думаетъ о томъ, до какой степени женщина. имѣющая какое нибудь вліяніе на внѣшній міръ, независимо отъ мущинъ, поднимается въ глазахъ простаго человѣка и внушаетъ ему уваженіе, котораго онъ никогда бы не почувствовалъ какъ къ личнымъ достоинствамъ существа, общественнымъ положеніемъ котораго онъ можетъ совершенно завладѣть.

Кромѣ того, самое подаваніе голосовъ улучшилось бы, для того, чтобы заставить стать на одну сторону съ нимъ характеръ болѣе прямой и безпристрастный.

Мущина часто принужденъ былъ бы отыскать довольно благообразныя причины для объясненія своего избранія.

Часто, благодаря вліянію женщины, онъ оставался бы вѣренъ своему искреннему мнѣнію; но часто могло бы случаться и то, что подъ вліяніемъ жены онъ заботился бы больше о своихъ частныхъ интересахъ и удовлетвореніи честолюбія своего семейства, нежели объ общественномъ благѣ. Но повсюду, гдѣ могло бы быть женское вліяніе подобнаго рода, оно и теперь даетъ себя почувствовать; тѣмъ болѣе, что при настоящихъ за-

конахъ и обычаяхъ женщина слишкомъ отстранена отъ политическихъ дѣлъ чтобы понять, что, какъ скоро въ политику замѣшанъ какой нибудь принципъ, то дѣло касается чести.

Да и въ большей части случаевъ, мы сами также мало сочувствуемъ чести другихъ, какъ мало сочувствуемъ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ. Допустите женщину къ подачѣ голосовъ, и она пойметъ, въ чемъ заключается честь. Она научится смотрѣть на политику какъ на вещь, о которой ей позволяютъ имѣть собственное убѣжденіе и въ которой каждый долженъ дѣйствовать по своему убѣжденію; она пріобрѣтетъ чувство личной отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ и не будетъ разсуждать какъ теперь (какое бы дурное вліяніе она ни оказывала), что если ей удастся разувѣрить мущину, то все пойдетъ хорошо.

Только тогда, когда ее будутъ поощрять къ тому, чтобъ она имѣла свои собственныя мнѣнія и составляла бы себѣ правильныя понятія о причинахъ, которыя заставляютъ ее жертвовать своими личными и семейными интересами, она перестанетъ дѣйствовать какъ разлагающая сила на политическія мнѣнія мущины.

Для того, чтобы прекратить ея вредное косвенное вліяніе, нужно обратить его во вліяніе прямое.

(М. Ж. Стюартъ Милль, Представительное Правленіе, т. VIII, стр. 216 и слѣд.).

КОНЕЦЪ.

БИБЛ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе къ переводу 1

Прологъ 5

МАТЬ.

Женщина въ первобытномъ состояніи 33
Женщина на базарѣ 38
Женщина въ заключеніи. 44
Женщина въ Азіи. 48
Женщина, какъ общественное достояніе . . . 53
Женщина красавица 59
Олимпъ 64
Женщина въ Спартѣ 70
Женщина въ Аѳинахъ 77
Вакханка 83
Гетера. 90
Матрона 98
Мессалина 106
Женщина христіанка (не напечатано). . . . .
Женщина у варваровъ 116
Рыцарство 122
Судъ любви 130
Колдовство 138
Женщина въ средніе вѣка 146
Поклоненіе женщинѣ 154
Возрожденіе женщины 162
Царство женщины 169
Женщина революціонерка 176
Женщина въ исторіи 183

Стр.
Мать семейства 190
Дѣвушка невѣста 196
День сватьбы. 203
Замужняя женщина 210
Женщина покорившаяся 217
Возмутившаяся женщина 223
Женщина обездоленная 222
Женщина разлученная 241
Женщина оклеветанная 246
Женщина возстановленная 251
Женщина искупленная 258
Женщина гражданка 264
Заключеніе 275

Примѣчанія 279

Дополненія:

Равенство мущины и женщины 281
Бракъ въ Вавилонѣ 282
Женщина въ Египтѣ 283
Вдова въ Индіи. 284
Мнѣнія китайцевъ о женщинѣ 285
Контрактъ дискальцеаціи въ Іудеѣ 286
Баядерка въ Индіи. 287
Персидская женщина 288
Женщина въ Спартѣ 289
Женщина въ Аѳинахъ 290
Римская матрона 292
Христіанская женщина 293
Учрежденіе галянъ. 293
Мужъ имѣетъ право бить свою жену 294
Безнравственность рыцарства 295
Жизнь въ замкѣ. 296
Презрѣніе къ дочерямъ 299
Поясъ цѣломудрія 300
Мщеніе мужей 300
Деспотизмъ способствуетъ разврату 301
Женщина, принимающая участіе въ политикѣ . 303
Мнѣніе Наполеона о полигаміи. 304
Право подачи голоса 306